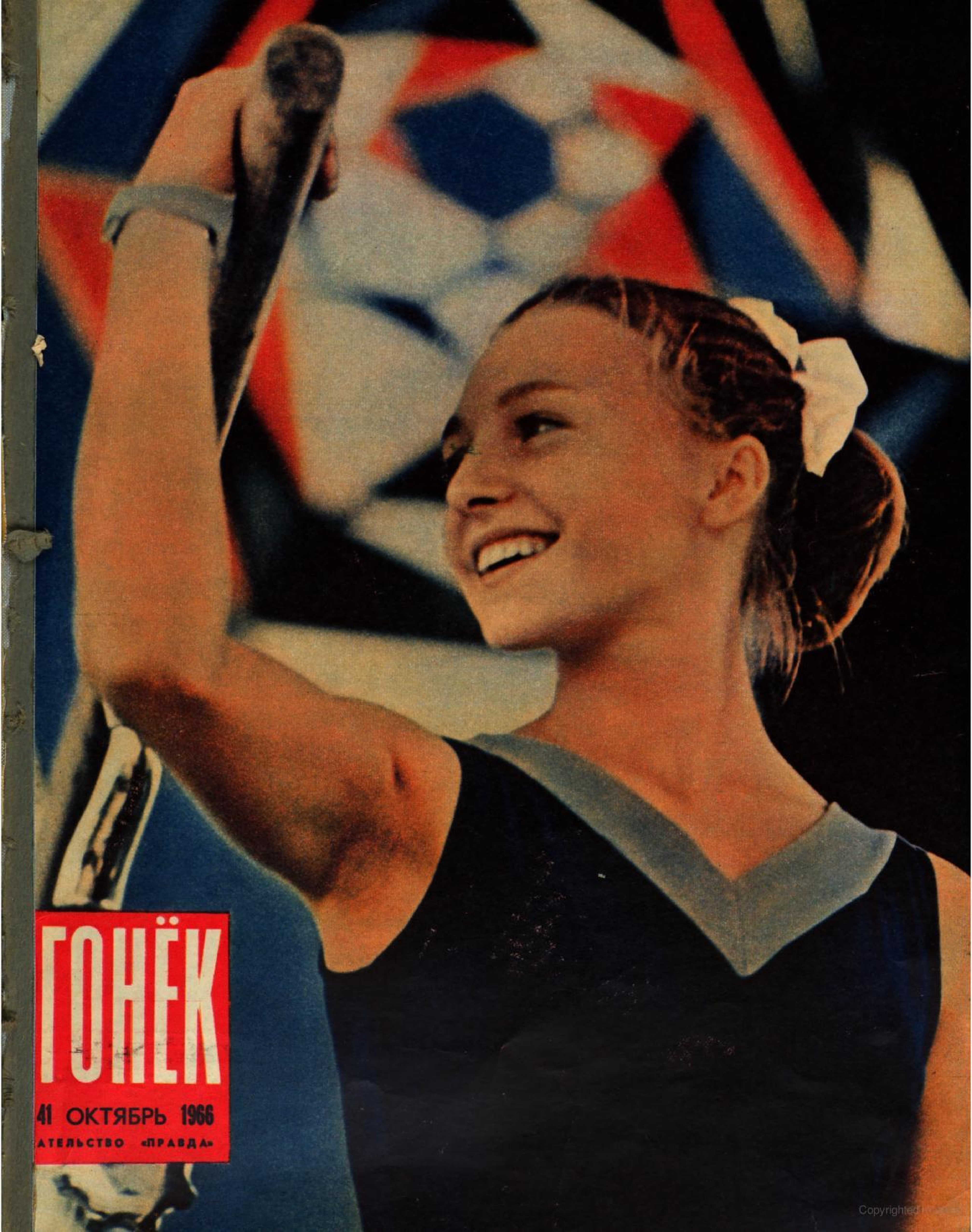

ГОНЁК
41 ОКТЯБРЬ 1966
АТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Любовь к русскому лесу сдружила их. Леонид Максимович Леонов и Владимир Алексеевич Чивилихин (справа).

РАЗДУМЬЯ О ЗЕЛЕНОМ ДРУГЕ

Леонид Максимович Леонов встретил нас приветливо. Здесь мы застали и молодого писателя Владимира Чивилихина. Хозяин понимает: представлять не надо. Понимаем и мы: Владимир Чивилихин, непреклонный воитель за русский лес, видимо, оказался здесь по важному делу. Так оно и случилось: на другой день в «Комсомольской правде» мы прочли гневное и мужественное письмо в защиту известного русского ученого-лесовода Николая Павловича Анучина, которому со страниц «Литературной газеты» нанесли злой и несправедливый удар. Письмо подписали Леонид Леонов и Владимир Чивилихин, которых объединила неизбывная забота и боль о судьбах русского леса.

В свое время роман Леонида Леонова «Русский лес» в силу неотразимого художественного воздействия вдруг открыл нам глаза на истребительное вторжение человека в зеленое убранство родной земли.

Подмосковье. Порецкое лесничество. Тюрмеровский лес.

Фото М. Савина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 41 (2050)

9 ОКТЯБРЯ 1966

44-й год издания

И мнение: у нас, куда ни глянь, всегда что-нибудь зеленое торчит — в свете этой правды показалось ложью и вредной выдумкой.

И сейчас автор «Русского леса» не сложил оружия. Видимо, настоящий художник может менять темы своей работы, но не духовные привязанности.

Прерванный нашим приходом разговор продолжился.

— Человечество вступает в такую фазу развития,— говорит Леонид Максимович,— когда мы не имеем права ни на одно благо смотреть, как на даровой рубль. Есть большие благодеяния, которые оказаны нам природой, которые существовали еще до нас. По своему долгу жителей земли мы обязаны сегодня думать о завтрашнем дне человечества.

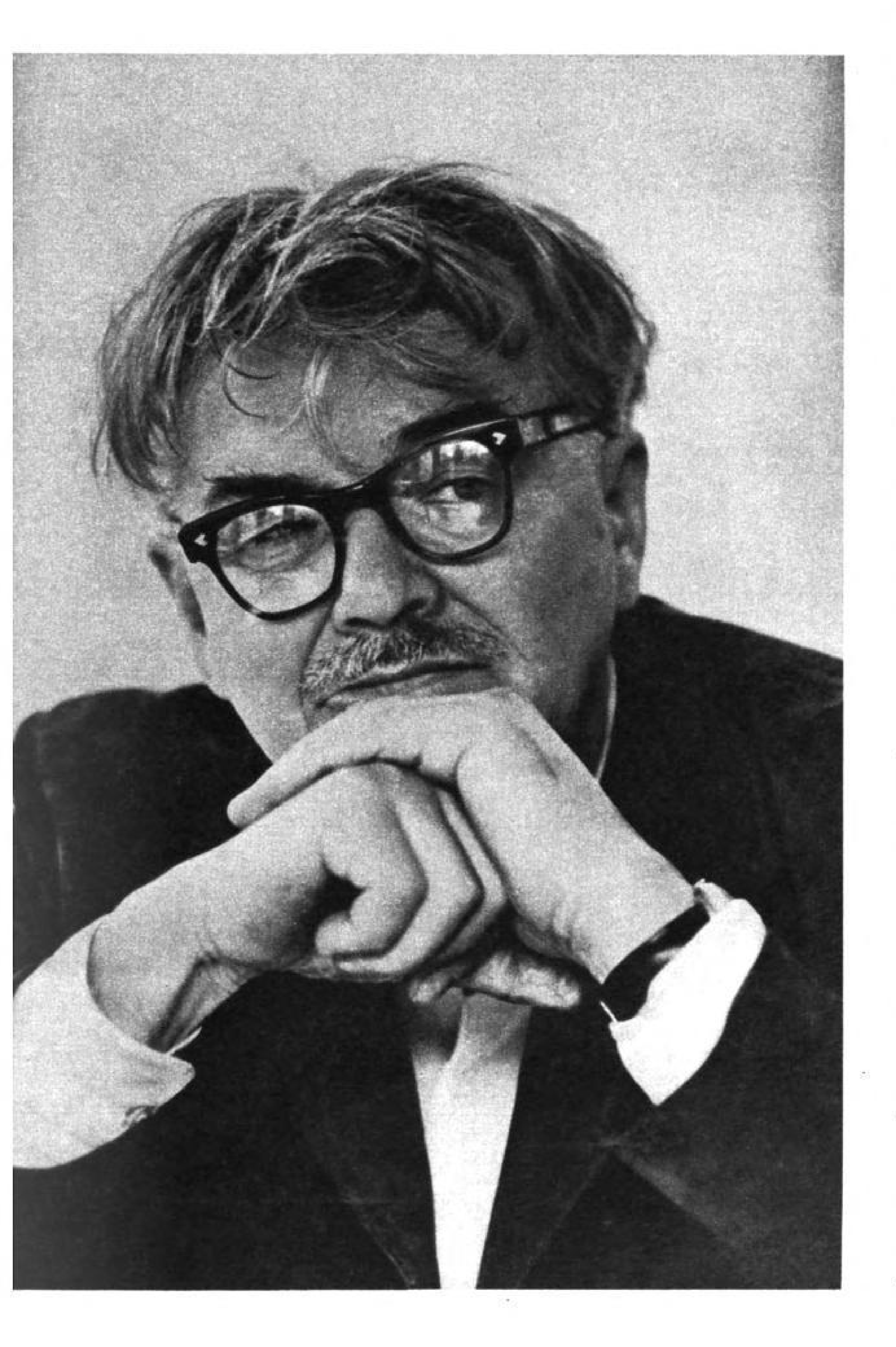

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Эта мысль, видимо, сильно беспокоит писателя. Вспоминая впоследствии весь наш разговор, мы заметили, что он много раз и настойчиво останавливался на ней. Тот, кто знает «Русский лес», наверное, догадался: как же, ведь устами своего героя, профессора Ивана Вихрова, Леонид Леонов прочитал народу знаменитую лекцию о лесе, где есть такие слова:

«...С веками все меньше становится даровых благ на земле, и, чтобы не знать горя впереди, надо разумно тратить, а иногда и возмещать всякую копейку, без расписки взятую у природы. Словом, здесь я пытался посильно раскрыть слова Маркса, что все общество, нации и даже все одновременно существующие общества, вместе взятые, не являются собственниками земли; они лишь пользующиеся ею и, как добрые отцы семейства, должны улучшенной оставить ее следующим поколениям».

Улучшенною... Леонид Максимович рассказывает печальную историю алтайских и карпатских лесов. Рубят, к примеру, сибирский чудо-кедр для выполнения плана заготовок, а ведь он стоял четыреста лет, еще Ермаковы времена помнил.

Покойный директор Львовского лесного института Третяк показал как-то Леониду Максимовичу фотографии вольготных зеленых карпатских лесов. Но вот приехали скорые на руку лесозаготовители, срубили тысячи стволов старого бука и оставили его на делянках, где он два года гнил на глазах у населения. (Бук, как известно, порода гигроскопическая и требует умного обращения.) Писателя этот факт возмутил; он пошел к одному высокому начальнику, рассказал ему о таком бесчинстве, разложил фотографии. Начальник горячо посочувствовал ему и буквально пальцем о палец не ударил в защиту карпатского леса.

Недавно Леонид Максимович подарил украинскому писателю Олесю Гончару плаху карпатского бука, привезенного — откуда вы думаете? — из Томска, где его выдавали на дрова. А ведь это значит, что кто-то заготавливал и вез его туда, в лесной край, чтобы пожечь в печах. Так и ушел дымком в сибирское небо бесценный житель Карпат.

Владимир Чивилихин озабочен, что некоторые недалекие руководители смотрят на лес, как на топливный склад,— бери, сколько руки захватят.

— Есть два вида топлива: минеральное, невосстановимое, и органическое, восстановимое. Последним считают и лес. А на самом деле лес стал тоже чем-то вроде минерального сырья, потому что он не поспевает воспроизводить себя. Лес становится исчезаемым сырьем.

В своих книгах и очерках «Шуми, тайга, шуми!», «Месяц в Кедрограде» и «О чем шумят русские леса» Владимир Чивилихин писал о том, что лес стоит в центре всего географического комплекса, он, как старший брат, бережет почву от эрозии, хранит в чистоте воду и воздух, влияет на климат, повышает урожай... И сотни ученых и практиков леса борются за то, чтобы использовать его также комплексно, то есть взять у леса все добро, какое он может дать: пушнину, живицу, лекарственные растения, орех, грибы... Но при сложившейся системе лесопользования это становится невыполнимым. Многие, наверное, помнят начинание молодых ученых-энтузиастов, которым удалось одолеть упорство некоторых лесных ведомств и в кедровых лесах Горного Алтая создать комплексное хозяйство. Назвали они его гордо — «Кедроград». Ставили опыты, экспериментировали, добились первых успехов по комплексному использованию богатств кедрача. И что же?

— Получаю отчаянное письмо из Кедрограда,— огорченно говорит Чивилихин,— комплекс заставляют отменить, требуют только деловую древесину — «кубики». Что же получается: во всех отраслях народного хозяйства идет ориентация на экономические критерии, на прибыль, а лесного хозяйства эта благодатная экономическая реформа как бы и не касается. Ведь чем больше мы будем рубить лес, выбирая только древесину, нарушая основные законы лесопользования, тем больше будут расти убытки!

— Мы, пожалуй, только сейчас начинаем познавать, что такое древесина,— думает вслух Леонид Максимович.— Это ведь такое же органическое вещество, как хлопок, яблоко, пшеница, над которым столь же усердно, только в 80—100 раз больше поработали солнце, вода, гумус... Чем больше мы познаем все химические свойства древесины, тем большее количество будем открывать пищевых и лекарственных свойств ее. Надо как можно больше готовить лесоводов-химиков, потому что только химик может оценить значение индустрии леса. Нам весьма нужны образованные, разумные люди, которые смотрели бы на дерево не только как на полено. На Западе, например, этим поленом в виде пищевых дрожжей давно скот кормят...

А у нас только в Москве сжигается огромное количество досок, бочек, ящиков. Неужели,— спрашивает Леонид Максимович,— Моссовет не мог бы поставить машины, изготавливающие из отходов древесины чудесные материалы? А ведь такое расхищение народного добра происходит не только в Москве. На утилитаризации древесных отходов мы смогли бы сэкономить сотни тысяч гектаров леса, оставив его нетронутым! Есть и другие пути спасения ценного леса. Мы до сих пор не можем заставить нашу бумажную промышленность использовать лиственные породы.

— Видимо, нужен такой контрольный орган, умный и ответственный,— говорит Л. М. Леонов,— который мог бы наложить «вето» на малейшее беззаконие в лесном хозяйстве. Ведь есть же у нас такие полномочные органы, которые беспрекословно могут запретить, например, выпуск вредных для здоровья пищевых продуктов. Наверное, назрела необходимость создать Госкомитет по охране природы.

— Я дважды выступал в печати о необходимости создания Комитета по контролю за сырьевыми ресурсами страны,— поддерживает его Чивилихин.— Использование леса, оказывается, никто практически не контролирует. В колхозах и совхозах, в распоряжение которых передано несколько десятков миллионов гектаров леса, царит произвольная вырубка.

— Но кто-то же занимается у нас контролем за правильным лесопользованием?

— Как же! Министерство лесного хозяйства, которое само имеет значительную годовую программу заготовки древесины.

Что же выходит: министерство одной рукой оберегает лесное хозяйство, а другой рубит лес ради тех же «кубиков».

Пора и очень давно пора дать лесу полные гражданские права. Беззаконное обращение с ним не может продолжаться бесконечно,— природа зло отомстит человеку.

Наши собеседники ратуют и за то, чтобы добровольные общества охраны природы имели больше прав. Леонид Максимович особенно настойчиво развивает мысль, что отношение к лесу — это принципиальное поведение человека в природе. Он напомнил, как раньше крестьянин, воспитанный в суровых условиях нищеты, наказывал детей за брошенную на пол крошку хлеба. Мужик в крошке черного хлеба видел количество затраченного тяжелого труда. В нашей стране молодежь должна ценить любой полезный труд, знать стоимость копейки, беречь все доброе, содеянное на земле. Когда молодой человек подходит к дереву, ему надо знать, что этому дереву двадцать, тридцать, сто лет и что эти двадцать, тридцать, сто лет природа неустанно трудилась, чтобы вырастить такое дерево.

У нас много говорят о том, что наш век — век урбанизации, машин, кибернетики... Это становится модным даже в поэзии, где либо усиленно налегают на воспевание всех див современной науки и техники, либо бесконечно объясняются в любви белой березке.

— Я предлагаю не столько защищать лес, сколько защищаться обществу от непозволительных растрат,— говорит Леонид Максимович.

— Защищаться и воспитывать защитников,— вставляет Владимир Чивилихин.— Ведь проблема леса обострилась и по другой причине.

По какой же? Кадры. За последние десять лет сократились приемы на лесохозяйственные факультеты. Между тем в лесных институтах готовят изрядное количество специалистов не лесного профиля: инженеров гражданского строительства и даже инженеров по технологии металлов. В Сибири, например, есть единственный лесотехнический институт, но ему, как говорится, тоже «подправили» профиль.

А ведь закрыть лесной институт — значит уничтожить школу ученых, уничтожить опыт, который копился десятилетиями.

Когда мы говорим о коммунизме, мы видим благоустроенные города, великолепные места отдыха, много зелени, воздуха — все это в наших мечтах о коммунизме. И в благоустройстве городов, которые с каждым годом растут и множатся, не последнее место будет занимать наш зеленый друг — лес. Это парки, которые исстари были творением человеческих рук. Парк, правда, создается по другому принципу, чем лес. Он имеет свою архитектуру, для которой нужно знать соотношение красок пород, какое дерево сажается возле другого... И для того, чтобы создавать такие парки, нужны специалисты. Увы, их ничтожно мало. Несколько лет назад пришли к Леониду Максимовичу студенты, пожаловались:

— Поступили мы в лесной институт, на отделение зеленого строительства, а учат нас не парки разводить, а лес рубить.

Нужны специалисты и по заповедникам, чтобы оберегать их от нескромных и опасных взглядов. Ненароком глянет туда предприимчивый заготовитель — и жди беды.

Бережливое обхождение с лесным добром — это и бережливое отношение к людям, которые это добро охраняют. Леонид Максимович с восхищением говорит о подвиге лесников — этих хранителей зеленой красоты земли, которые помнят каждое дерево в лицо. По его мнению, профессия лесничего по-своему трагична: ведь он не может увидеть плодов своего труда — лес во всей его зрелой мощи. Лесничий то же самое, что и часовой, охраняющий казну. Лес та же казна, только менее контролируемая. И значок «зеленая ветка» на форменной фуражке лесничего есть символ защитника народной казны.

— Лес богат, щедр и бесконечно добр,— говорит Леонов.— Но, к сожалению, иногда в его окрестностях бродят инкогнито зловещие фигуры неопределенного профиля. Они появляются в то время, когда мы не смотрим, и исчезают, когда мы оглядываемся. Мы пока не назовем их. Но, кто знает, может быть, придется когда-нибудь полностью назвать их имена, квалифицировать полностью их поступки, раскрыть псевдонимы грацианских. Я подразумеваю тех, кто не топором и пилой, а словом и пером наносит тяжкие раны лесу, людям, оберегающим лес. Я имею в виду и случай, когда нашему крупнейшему лесоводу, автору многих учебников, члену-корреспонденту ВАСХНИЛ, со страниц газеты нанесли исподтишка злой удар, втянув в это дело авторитетнейших деятелей. А ведь Н. П. Анучин — признанный ученый, прямой наследник патриархов лесной науки.

...Наша беседа подошла к концу. На прощание Леонид Максимович посоветовал нам съездить в Поречье, за Можайск, чтобы увидеть лесной храм, сооруженный лесоводом К. Ф. Тюрмером более ста лет назад.

И мы поехали. Вступили в вечные сумерки и тишину. Мы никогда не видели ничего подобного. Строгие колонны лиственниц, казалось, упирались в самое небо. И вдруг непостижимо высокие своды расступались, и целые лавины света обрушивались на нас — то были знаменитые тюрмеровские просеки.

В Порецком лесничестве за низкой, некрашеной оградкой стоит черного мрамора надгробный камень на могиле Карла Францевича Тюрмера. На камне высечено: «Ты памятник себе воздвиг в лесах великий».

Вспомнились слова Леонида Леонова, которыми он напутствовал нас перед посещением тюрмеровского храма:

— Туда нужно водить молодых лесников, чтобы они прошлись с непокрытыми головами и увидели подвиг своего предшественника, чтобы они получили рыцарское посвящение перед вступлением на долгий и трудный путь служения лесу.

**М. АЛЕКСАНДРОВ,
Н. СЕРГОВАНЦЕВ**

В 1967 году

В 1967 году «Огонек» поведет большой разговор о героических этапах борьбы и великих трудовых свершениях советского народа во имя торжества коммунизма. В связи с великой датой — 50-летием Октября — «Огонек» продолжит рассказы об огневой поре первых дней становления Советской власти.

Крупнейшие советские и иностранные журналисты и писатели выступят на страницах «Огонька» со своими размышлениями о том, как за полвека изменился мир, как появление Советского государства и его свершения оказали решающее влияние на весь ход мировой истории.

По установившейся традиции на страницах журнала выступят виднейшие ученые, деятели искусства и культуры с рассказами о наиболее значительных событиях, научных открытиях, насущнейших проблемах.

Много повестей, рассказов, поэм и стихов найдет читатель в «Огоньке».

В числе авторов журнала — писатели и поэты И. Абашидзе, М. Алексеев, В. Астафьев, В. Большак, Ю. Бондарев, П. Бровка, Янка Брыль, М. Бубеннов, С. Васильев, А. Венцлова, Е. Винокуров, С. Воронин, Р. Гамзатов, С. Георгиевская, В. Герасимова, О. Гончар, Д. Гранин, Н. Грибачев, П. Дариенко, Е. Долматовский, М. Дудин, Е. Евтушенко, В. Закруткин, Р. Зернова, Зульфия, М. Ибрагимов, Берды Кербабаев, С. Кирсанов, Ф. Кнорре, В. Кожевников, В. Кочетов, А. Кулешов, Л. Леонов, В. Липатов, К. Лордкипанидзе, М. Луконин, В. Лидин, А. Малышко, Ю. Марцинкявичюс, Н. Матвеева, А. Марков, М. Матусовский, Э. Межелайтис, И. Мележ, А. Межиров, С. Муканов, Ю. Нагибин, М. Нагнибеда, С. Наровчатов, С. Никитин, А. Пантелеев, Ю. Помозов, Б. Полевой, Е. Поповкин, А. Прокофьев, Н. Рыбак, И. Сельвинский, О. Смирнов, С. Смирнов, В. Солоухин, М. Танк, Н. Тихонов, Мирзо Турсун-заде, А. Упит, Вас. Федоров, В. Фирсов, Д. Холендро, В. Чивилихин, Г. Эмин и другие.

В этом же году будут опубликованы: продолжение романа Анатолия Калинина «Гремите, колокола!», повести «Разлад» Марии Белаховой, «Много ли нужно старику» Марии Халфиной, «Катастрофа отменяется» Николая Асанова, а также роман Джеймса Олдриджа «Мой брат Том» и новая повесть Фрэнка Харди.

Во многих письмах читатели интересуются, будет ли «Огонек» печатать продолжение повести О. Шмелева и В. Востокова «Последняя ошибка резидента». Редакция начнет публикацию второй части этой повести — «С открытыми картами» — с 1-го номера 1967 года. В этом же году будет опубликована новая повесть Л. Самойлова и М. Вирта.

В год 50-летия Великой Октябрьской революции журнал «Огонек» покажет своим читателям на цветных вкладках произведения из золотого фонда советской живописи. Будет продолжаться публикация шедевров из собраний Третьяковской галереи, Русского музея, Эрмитажа и других музеев Советского Союза.

Кроме того, журнал отметит цветными вкладками и статьями к ним юбилейные даты классиков русской живописи И. К. Айвазовского, В. В. Верещагина, И. Н. Крамского, Н. К. Рериха, Ф. С. Рокотова, И. И. Шишкина и мастеров мирового искусства Эдгара Дега, Эдуара Мане, Алессандро Маньяско, Джошуа Рейнолдса, Герарда Терборха.

Читатели также смогут познакомиться с творчеством выдающихся мастеров советского изобразительного искусства: П. В. Вильямса, М. Б. Грекова, П. Д. Корина, Б. М. Кустодиева, М. В. Нестерова, А. А. Осмеркина, Д. А. Шмаринова и других.

Фельетоны, занимательные мелочи, короткие юмористические рассказы, забавные фоторепортажи заинтересуют читателя. События в мире большого спорта, дела, дни и заботы физкультурного движения найдут в журнале широкое отражение.

Берлин. Проспект Карла Маркса.

Г. ГУРКОВ

7 ОКТЯБРЯ ИСПОЛНИЛОСЬ 17 ЛЕТ ГДР, ПЕРВОГО В ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ГОСУДАРСТВА

ГЛАВНЫЙ УСПЕХ

Человека, приезжающего в столицу ГДР, всегда ждет множество интересных впечатлений. Если он любит театр, то проведет незабываемый час в брехтовском «Берлинском ансамбле» или в «Комической опере» — интереснейших театрах Европы. Если гость Берлина книголюб, то он обязательно побывает в Государственной библиотеке, отпраздновавшей несколько лет назад 300-летие. Два миллиона томов, в том числе редчайшие издания, 21 тысяча 300 названий журналов — все это собрано на полках Государственной библиотеки, мемориальная табличка у входа в которую напоминает, что здесь работал В. И. Ленин. Архитектору или просто любителю современного зодчества будет интересно ознакомиться с застройкой новых кварталов демократического Берлина легкими, элегантными зданиями, столь непохожими на мрачные сооружения гитлеровских времен. Экономист наверняка захочет познакомиться с немецкими коллегами и поговорить с ними о комплексной социалистической рационализации, которая является сейчас стержнем хозяйственной жизни республики, о новых принципах планирования. Преподаватель не упустит случая заглянуть в университет имени Гумбольдта: философы Фихте и Гегель, медики Вирхов и Кох, физики Гельмгольц, Планк и Эйнштейн работали здесь.

Но есть один пункт, который обязательно включит в свою программу любой посетитель Берлина, кем бы он ни был по профессии, каковы бы ни были его интересы. Каждый обязательно побывает у Бранденбургских ворот, возле этого неизменного символа Берлина. История Германии листала здесь свои страницы — часто эти страницы были залиты кровью. Островерхие шлемы кайзеровских полков, коричневые рубашки штурмовых отрядов, гусиный шаг батальонов вермахта — все это видели Бранденбургские ворота. Сегодня над ними полощется на осеннем ветру черно-красно-золотой флаг с изображением молота и циркуля — флаг республики, которая открыла новую эпоху германской и европейской истории.

В нескольких десятках метров за Бранденбургскими воротами — пограничные укрепления. За ними — Западный Берлин, город, которому долгие годы отводили роль спички во всемирном атомном пожаре, город, который в августе 1961 года был обезврежен. Опираясь на поддержку Советского Союза и других стран — участниц Варшавского договора, правительство ГДР осуществило необходимую защиту своих границ. Это было крупнейшее поражение Бонна и его политики реванша, это был огромный вклад молодой республики в дело стабилизации обстановки в Европе.

Я в пограничном подразделении, которое несет службу у Бранденбургских ворот. Хартмут Байер собирался стать пивоваром. Стал пограничником, лейтенантом пограничных войск ГДР. Нужная, очень нужная республике работа. За время существования государственной границы с Западным Берлином с той стороны было организовано более 31 тысячи провокаций. В среднем по 17 в день. Около 500 раз западноберлинские полицейские и фашиствующие бандиты открывали огонь в сторону ГДР. Лейтенант Байер показывал мне портреты молодых ребят, которые погибли, защищая республику. Унтер-офицер Шмидхен, унтер-офицер Гёринг, унтер-офицер Шульц... Им всем было около 20 лет. К их могилам сегодня приносит цветы республика. Пройдет немного времени, и на пересечении Иерусалимской улицы и улицы Рейнгольда Хуна — это новое название на карте Берлина — станет памятник «Пограничный патруль», памятник двадцатилетним, которые заслонили своей грудью республику.

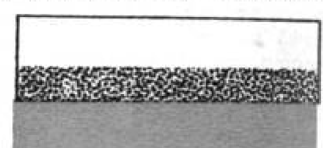
Есть многое, с чем можно поздравить ГДР. С новыми заводами, с новыми жилыми домами, с первоклассными океанскими теплоходами и с золотыми медалями легкоатлетов и пловцов, с премьерами берлинских театров, с отличнейшим урожаем нынешнего года.

Но хотелось бы поздравить республику с самым главным ее успехом — с новыми людьми, с теми, кто ее строит и кто ее защищает.

Берлин, по телефону,
октябрь 1966 г.

Конкурс читателей:

БРАТЬЯ НАВЕКИ

БРАТЯ ЗАВИНАГИ

Гости из Болгарии в молдавском колхозе имени Георгия Димитрова.
Фото Василия Узуна.
Село Кайраклия,
Молдавская ССР.

ВСТРЕЧИ С ВАСИЛОМ КОЛАРОВЫМ

Это было летом 1921 года. Находился я в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Служил в одесском регистрационном отделе. Както меня вызывает начальник отдела Южный и говорит: «Есть важное задание — выйти в море, найти и встретить лодку, принять на борт катера одного товарища и доставить его в Одессу. Выполнить это задание поручается вам, пароль такой-то».

В назначенный день и час на пограничном катере вышли в море. Штормило. Наш катер то поднимался на гребни волн, то зарывался в них. Ушли мы чуть свет и только во второй половине дня капитану доложили, что справа по борту в прибрежных водах замечена шлюпка. Капитан дал команду полным ходом идти на сближение. Долго не удавалось из-за боль-

МОЙ ДЯДЯ

Говорят, он был очень красив, этот парень Андрюша с русыми волосами и голубыми глазами, мой двадцатилетний дядя, погибший за освобождение Болгарии 8 сентября 1944 года...

Более пяти лет я переписываюсь с подружкой из солнечной Болгарии Снежаной Милевой. Снежана родилась в Димитровграде. Сейчас она учится в 10-м классе и занимается художественной гимнастикой.

Она очень интересуется жизнью нашей Родины. И я с гордостью рассказывала ей о наших людях, об успехах Советской страны в строительстве коммунизма.

И вот как-то в одном из писем я рассказала Снежане о гибели Андрея, но написала, что нашей семье неизвестно, где он похоронен.

Примерно через год в наш дом пришло известие о том, что могила Андрея находится в Софии: он похоронен там вместе с другими советскими воинами-освободителями. В поисках могилы участвовала и Снежана, и ее товарищи, и сотни других незнакомых людей. Болгары приглашали родственников Андрея приехать в Софию, а также встретиться с людьми, знавшими Андрея. В мае 1965 года я с волнением вступила на болгарскую землю...

И вот я стою у могилы дяди Андрея. У памятника цветы, много цветов. Беру горсть священной земли с этой могилы...

Я была тронута теплом дружеских сердец, добротой и радушием болгар.

Каждый год в моем саду цветут гвоздики, гвоздики цвета знамени, которое нес в своих руках дядя Андрей. Цветы посажены в земле, взятой с его могилы. Мир, цветы, Снежана, Андрей — все это неразделимо, так же как и дружба двух народов-братьев — болгарского и советского.

Наташа ФЕДОРОВА
Псковская область.

Фотографии 30-х годов... Навсегда запечатлели они для нас памятные события, незабываемые встречи. Перед вами одна из таких фотографий. 1934 год. Герой Лейпцигского процесса Георгий Димитров, вырвавшись из рук фашистских палачей, приехал в Советский Союз. На грузинском курорте Абастумани он сфотографировался вместе с советскими отдыхающими. Снимок прислан на конкурс нашим читателем Мехти Джангировым из Тбилиси.

СЕСТРЫ

В поезде люди знакомятся быстро. Не прошло и десяти минут, как я уже знала, что мою соседку зовут Станка, что она была в Москве и теперь возвращается домой, в Софию. Станка с восхищением говорила о нашей столице, о ее древнем Кремле и юном Ленинском проспекте, о зелени парков и строгости гранитных набережных. Она говорила о стройных белых березках и немного грустных озерах Подмосковья. Я спросила, впервые ли была она в нашем городе. Моя новая знакомая неожиданно погрустнела и замолкла.

Продолжился наш разговор лишь вечером, за чаем. Выяснилось, что мы ровесницы — обеим по 30, что у обеих отцы не вернулись с фронтов второй мировой войны.

— Отец был коммунистом,— сказала Станка.— В 1938-м он в седьмой раз бежал из тюрьмы. Вскоре друзьям удалось переправить нас в Советский Союз. Мы жили в Москве. На площади Маяковского. Мама говорит: мы только тогда узнали, что такое счастье. Отец окончил военное училище, стал красным командиром. Он всегда повторял: «Фашизм можно победить, лишь имея хорошие знания!» Маме предложили работу на ткацкой фабрике. В 1941 году она стала мастером.

В первый же день войны отец подал рапорт с просьбой послать его на фронт. Через неделю мы с мамой проводили его. С фронта он писал редко, чаще мы узнавали о нем из газет. Отец был смелым, очень смелым. В 24-ю годовщину Октября его наградили орденом, носящим самое дорогое для нас имя — имя великого Ленина. Отец погиб, защищая Волоколамское шоссе. Посмертно он был удостоен звания Героя Советского Союза...

Когда Советская Армия освободила Болгарию, мы вернулись в Софию. Нужно было поднимать город и всю страну из руин, создавать новую промышленность. И здесь нам на помощь пришли советские друзья. Вместе с нами они возводили новые города и заводы, жилые дома и школы. И мы никогда не забудем, что советский народ помог нам в самое тяжелое время...

Спутница окончила свой рассказ. Наступила моя очередь.

И я рассказала о том, что мой отец был журналистом, что летом 1938 года он поехал в Болгарию. Там его застала война. Поезд, которым он возвращался домой, был разбомблен. Отца подобрали незнакомые люди; они прятали его до выздоровления, а потом помогли перебраться в горы. Отец стал партизаном. Он сражался вместе с болгарами против нашего общего врага — фашизма. Отец был убит в день освобождения Софии в перестрелке на одной из центральных улиц города...

В эту ночь ни Станка, ни я не заснули. Мы говорили и говорили. Вспоминали и строили планы на будущее. Мы чувствовали себя сестрами. Да это и было так. Наши отцы породнились навеки, сложив головы — болгарин под Москвой, а русский в Софии. И мы, их дочери, всегда будем верны этому родству.

Нелли СТАР
Киев.

шой волны подойти вплотную, но все же сблизились борт к борту. В шлюпке стоял человек среднего роста, одетый в рыбачью робу, махал нам рукой. Приглашаю его на нашу палубу фразой-паролем и в ответ получаю точный отзыв. Матросы помогают ему перебраться к нам на катер. Шлюпка взята на буксир. Собственно, это была небольшая моторная лодка. Мы удивились, как на такой лодочке рискнул плыть наш товарищ. А он спокойно отвечает: «Цель поездки настолько важна, что и на доске уплывешь». Напоили его крепким, горячим чаем. Конечно, мы ни о чем его не расспрашивали. Но догадывались, что это революционер болгарского подполья. И он не задавал нам вопросов. Только когда вошли в спокойные воды Одесского порта, он спросил меня: «Вы сопровождаете меня на квартиру?» Ответил: «Да, я». Говорил он по-русски хорошо, чисто.

Из порта я позвонил Южному и сообщил, что задание выполнено. Через некоторое время на пирсе около катера появилась автомашина.

Доставил я товарища на квартиру болгарина Дмитрия Чинтулова, жившего на втором этаже большого дома в Лермонтовском переулке.

— Знаете, кого вы встретили? — спросил меня Южный.— Это один из руководителей Болгарской коммунистической партии — Васил Коларов. Он едет в Москву на конгресс Коминтерна.

Когда Васил Коларов уже работал в Исполкоме Коминтерна, мне довелось еще раз встретиться с ним. На этот раз в Москве, на квартире дочери Чинтулова Елены Дмитриевны Планцис, жены работника одесского ЧК, погибшего в борьбе с контрреволюцией.

Познакомился я тогда и с семьей Коларова. Позже, в 1929 или 1930 годах, я был на партийной работе в Свердловске и еще раз увидел этого замечательного человека. На областном партийно-хозяйственном активе Уральской области Васил Коларов выступал с докладом о международном положении. В перерыве между заседаниями в фойе клуба неожиданно встречаюсь с женой Коларова. Увидев меня, она обернулась к мужу с возгласом: «Васил, Васил, кого я вижу! Илью Андреевича!» Шумная, радостная была встреча.

Встреч с Василом Коларовым мне никогда не забыть. Этот видный деятель международного коммунистического движения был чрезвычайно скромным, простым. Чувствовалось, что это человек с необычайной силой воли, мужественный, непоколебимый. Вспоминается, с какой любовью он отзывался о советских людях и с какой болью в сердце он говорил о своем родном болгарском народе, находившемся в то время в капиталистической кабале. Но Васил Коларов был вдохновенным оптимистом. Он всегда с уверенностью заявлял, что «наш народ получит свободу», «наш народ будет жить при социализме», «наш народ вместе с советским народом придет к своему светлому будущему», «мы братья навеки». Он не был наивным мечтателем, его оптимизм основывался на уверенности беззаветного борца-революционера.

В этом году болгарский народ отметил славную 22-ю годовщину освобождения от фашистского ига и 20 лет со дня провозглашения Болгарии Народной Республикой. О чем мечтал, за что боролся Васил Коларов, сейчас осуществилось: болгарский народ успешно строит социализм.

И. БЕЛОУСОВ
Оренбург.

МОЛОДОСТЬ КИШИНЕВА

На днях я увидел над моим городом огромную семицветную радугу. Она напоминала поразительно высокую триумфальную арку или же венец доброй, в труде и в битвах завоеванной славы. Самой природе захотелось преподнести свой неповторимо символичный подарок городу ко дню его рождения. Ничего в этом удивительного нет: город вполне заслужил теплые слова, подарки, песни, цветы, рукопожатия и эту радугу.

Столице Советской Молдовы — Кишиневу — исполняется пятьсот лет! Что это — старость уже? Нет! Я люблю приглашать людей в гости. Дом без гостей, что песня без слов, что луг без цветов. И на этот раз обращаюсь к вам: приезжайте, пожалуйста, к нам, и вы сами убедитесь,— Кишинев молод! Он прочно вступил в пору зрелости. В советское время он, по существу, заново родился. Что может быть красивей зрелой молодости! Каждым утром, чуть забрезжит рассвет, в синей дымке встает Кишинев, стройный, обильно украшенный росой, уверенный и сильный, и идет, идет в гору без устали, идет к своей заветной цели.

Идет молодой Кишинев. У него на висках седина. Пройти дорогу в пять веков — это не один раз пешком обойти земной шар. Трудно, каторжно тяжело было идти: не раз враги пытались растоптать его и сжечь дотла, не раз обливался он кровью, не раз умирал от голода и грабежей. И всегда умел выстоять.

Шагает Кишинев — город славных революционных традиций. В начале нынешнего века в нашем городе печаталась ленинская «Искра». 21 августа 1905 года состоялась массовая забастовка, затем митинги и демонстрации. «...Нет, и мы, кишиневские рабочие, двинули на шаг вперед народное дело, и мы, несмотря на наше поражение, уменьшили расстояние между Россией рабской и царской и Россией свободной и народной. А если это так, то не будем унывать, будем готовиться к новым схваткам». Все, что сказано в этой листовке Кишиневской организации РСДРП, имеет очень глубокий смысл: Кишинев, его рабочий класс, всегда видел себя в одной колонне общих революционных боев в России.

Шагает молодой, полный сил и вдохновения рабочий Кишинев. Раньше, ну не так уж много лет назад, другие страны и города имели довольно смутное представление о нем. Знали: есть на свете такой город, где людям очень тяжело жить, где для них нет света и хлеба, нет работы и нет школ. Газета «Эхо Бессарабии», издававшаяся эмигрантами в Париже, напечатала в 1933 году письмо одного молдаванина своим детям во Францию (люди покидали родину и искали счастье в других странах):

«Дорогие дети! Могу вам написать, что меня выбросили из квартиры, и если бы сосед не взял меня к себе, то пришлось бы валяться на улице. Работу нельзя найти!» А теперь один кишиневский рабочий сообщает своему сыну, который учится в Москве, что ему присвоили звание Героя Социалистического Труда, что продукция завода, на котором он работает, отправляется более чем в тридцать зарубежных государств — на Кубу, в Болгарию, Польшу, Австрию, Турцию, Сомали, Венгрию, Югославию, Румынию, ГДР, Канаду... Пишет молдаванин сыну в Москву письмо, и в том письме нет конца человеческой гордости и радости.

Идет Кишинев по большим дорогам страны и мира, преисполненный законной национальной гордости. Его везде принимают как родного, с сердечным уважением и глубокой признательностью. Его «Дойна», его «Жок», его стихи искрометны, как сердце народа, и самобытны, как каждый родник, как каждый солнечный восход. В центре города красуется парк, носящий имя Пушкина. Здесь когда-то гулял великий русский поэт. Символично, что именно здесь создана аллея скульптурных портретов классиков молдавской литературы. В этом месте не раз встречались Александр Сергеевич с Костаке Негруцци. Под широко раскинутыми кронами деревьев от зари до зари дружно и мудро, с полным пониманием разговаривают с Пушкиным Михаил Эминеску, Йон Крянгэ, Василе Александри, Константин Стамати, Александру Донич. А по утрам все вместе благодарно смотрят на своих потомков, которые, спеша на работу или в институт, приносят им всем нежные цветы.

Шагает студенческий город. Со светлыми глазами и с горячим сердцем. Шагает шумно, весело: идет сама молодость. Раньше у нас не было ни одного вуза. Теперь на всю страну известны питомцы университета, института искусств, сельскохозяйственного, политехнического и медицинского институтов. С каждым годом все масштабней разворачивает свою работу наша Академия наук. Город, который долгое время прозябал в адской темноте, нынче сам излучает свет — настоящий, яркий, жизнеутверждающий.

Петря ДАРИЕНКО

У Театра оперы и балета в Кишиневе.

«Сахарные» гектары.

ДЕНЬ РАБОТНИКОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

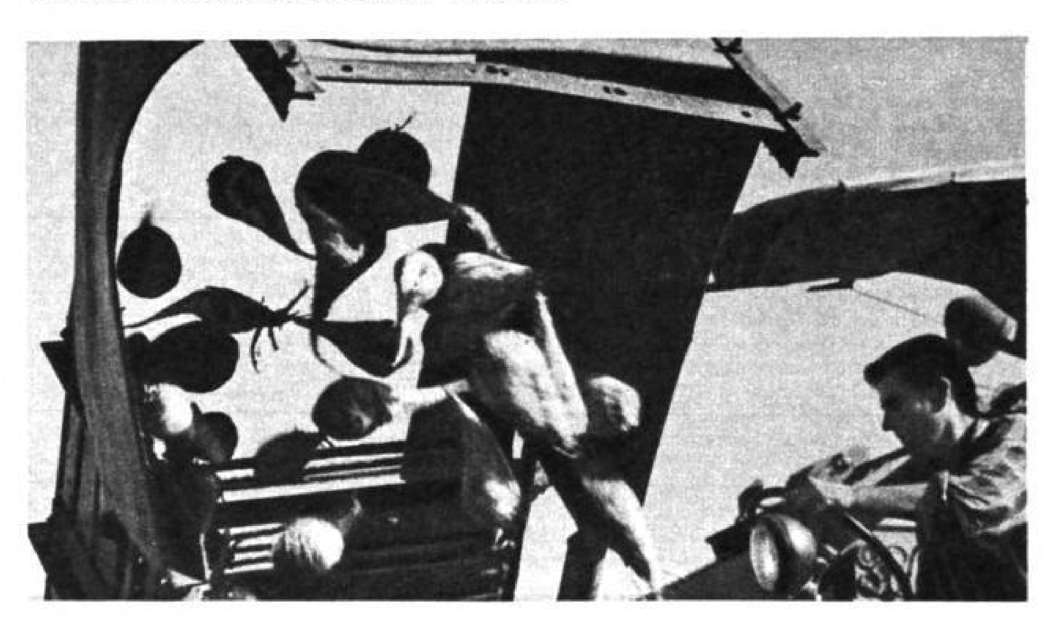
щедрая степь

Фото А. ГОСТЕВА.

Агроном А. Тараненко и звеньевая Т. Горбань.

Свекла идет!

Звеньевой П. И. Еременко — Герой Социалистического Труда.

Есть в колхозе и свой виноград.

Осень. Степь кубанская постепенно остывает, уходят с полей одна за другой уборочные машины. Свеклокомбайны выбирают последние гектары сладкого корня. Последние початки, последние корзинки подсолнечника. Растут возле хранилищ колхоза «Заветы Ленина», Динского района, желтые курганы кукурузы. Очистительные машины споро освобождают початки от легких оберток. Доброе солнце Кубани клонится долу. Оседает розовеющая пыль на дорогах. Ребятишки бегут к прудам, которыми богата станица. Мужики вытянули сеть, тяжело шлепаются в плетюхи мокрые карпы и сазаны. Уезжают подводы с рыбой, и снова на прудах тишина. А мимо проносятся грузовики с зерном. На элеватор. Хлеба колхоз намолотил в среднем по 30,3 центнера с гектара! Свеклы уже сейчас накопали более 300 центнеров с гектара, денежный доход перевалил за пять миллионов. Добрые итоги года в среднем колхозе на Кубани...

Солнце садится в камышах. Тихо в степи. Ушли в бригады последние машины. Так приходит в станицу осень.

Н. БЫКОВ

Олег ИГНАТЬЕВ

ЛОСКУТОК БРАЗИЛЬСКОГО НЕБА

Могут спросить: «А зачем нужны зонтики? А почему парень танцует русскую вприсядку? О чем поет этот негр двум музам из своего квартала?» Да мало ли какие вопросы возникнут у вас, читатель, когда станете рассматривать репродукции картин двух бразильских мастеров, помещенные на этой вкладке. Безусловно, стереть все вопросительные знаки невозможно, да и стоит ли снимать полностью покрывало неизвестности с далекого тропического гиганта, называемого Бразилией. Пусть останется над ним легкая пелена таинственности, несущая в себе чуть-чуть сентиментальности, чуть-чуть романтичности. Итак, обо всем рассказать невозможно, но кое-что пояснить будет не лишним.

Когда хотят подчеркнуть темпераментность бразильцев, то часто вспоминают о том, как бразильцы лихо отплясывают самбу. И никто никогда не упоминает фрево. А, между прочим, ритм фрево даст самбе сто очков форы. Фрево танцуют так: сначала ногу ставят на носок, а потом на пятку, потом переворачиваются на триста шестьдесят градусов, а потом пускаются вприсядку. Совсем похоже на русского или гопак, и в то же время совершенно по-другому. Зонтики же нужны, во-первых, для равновесия и, во-вторых, для спасения от палящих лучей солнца бразильского севера. Потому что если летом во время карнавала в Рио-де-Жанейро жара достигает иногда сорока градусов в тени, то в это же время на севере, скажем, в Пернамбуку, солнце временами совсем распоясывается, и танцевать на карнавале удобнее всего под зонтиком. Фрево же родом именно из Пернамбуку. Его еще называют «Фрево пернамбукане»— пернамбукское фрево. Художник Эктор дос Празерес — постоянный житель Рио, но в этой картине свое внимание обратил на темы, связанные с севером страны.

Между прочим, Празерес известен в Бразилии не только как художник. Он автор музыки многих популярных песен и самб. Его слава композитора ничуть не меньше славы художника. Лет пять назад Эктора можно было часто встретить вместе с Ари Баррозу — народным композитором, который считался большинством знатоков народной музыки патриархом самбы. Ари, к сожалению, умер, и, если мне не изменяет память, Эктор в его честь написал музыку одной очень популярной самбы, которая имела большой успех на карнавале прошлого года в Рио. Может быть, именно эту самбу Празерес и исполняет двум мулаткам, запечатленным на картине «Автопортрет с двумя музами». Правда, здесь Эктор выглядит значительно моложе своих пятидесяти с лишним лет, но он и в жизни действительно очень моложавый, и никто никогда не подумает, что этот человек уже перешагнул рубеж первого полустолетия. Кроме того, находясь в обществе муз, всегда теряешь реальное представление о своем возрасте.

В подтверждение этой мысли можно сослаться на другого известного бразильского художника — Ди Кавалканти, или просто Ди, как привыкли звать художника мы, его друзья. Так вот, шестидесятилетнего Ди можно назвать певцом красоты бразильских мулаток. В редкой его картине не присутствует хотя бы одна женщина со смуглой кожей цвета жареных кофейных зерен. Когда в конце 1963 года Ди собрался ехать в Париж, где ему предложили работать культурным советником бразильского посольства, мы собрались у него и устроили проводы. Кто-то из присутствующих спросил тогда мэтра: «Как же ты будешь выходить из положения в Париже, там же нет мулаток, чтобы позировать тебе?» Ди тогда ответил, что три-четыре года пройдут незаметно и, вернувшись в Рио, он наверстает упущенное. А пока, добавил Ди, я займусь усиленной пропагандой бразильской культуры.

В настоящее время Ди Кавалканти все еще находится в Париже, но уже не в качестве культурного советника посольства Бразилии, а как политэмигрант. Дело в том, что спустя некоторое время после его отъезда за океан в Бразилии 1 апреля 1964 года произошел государственный переворот, и новые власти вскоре приняли решение отстранить Ди Кавалканти, художника с мировым именем, от выполнения официальных обязанностей советника. Ди пока вынужден жить вдали от родины, хотя, вероятно, возвращению его в Бразилию не станут чинить препятствий, настолько велики его популярность и авторитет среди бразильской интеллигенции.

Для любителей живописи можно сообщить еще один интересный факт из биографии Ди Кавалканти. Перед второй мировой войной он также находился длительное время в Париже, где создал ряд замечательных работ. Во время фашистского нападения на Францию Ди Кавалканти выехал в Бразилию и поручил какой-то фирме отправить свои картины. Благополучно добравшись до родной земли, Ди обнаружил, что его произведения потеряны и в Рио не доставлены. Художник очень горевал. Как-никак, а утраченные картины представляли целый этап в его творчестве. И вот сейчас, буквально несколько месяцев тому назад, он обнаружил во Франции в полной целости и сохранности все свои полотна. Можно представить себе его радость. «Это была,— говорит Ди,— встреча с молодостью».

А теперь обратим наше внимание на две другие репродукции. Художник Жозе Антонио да Сильва не столь известен, как Эктор Празерес, и принадлежит к направлению так называемых примитивистов. Мне кажется, объяснять, отчего возникло такое название, нет необходимости, потому что при взгляде на эти картины все становится ясно. Картины примитивистов несколько лет назад были довольно распространены в Бразилии, и считалось признаком хорошего тона иметь у себя в квартире хотя бы одну картину художника этой школы. В Бразилии существуют две категории художников-примитивистов. К первой принадлежат люди, никогда не учившиеся рисовать, незнакомые с элементарными законами живописи и не имеющие ни малейшего представления о технике письма.

Помню, однажды я возвращался из одной поездки по Амазонке и, как всегда в подобных командировках, сделал остановку в Салвадоре, чтобы увидеться с Жоржи Амаду и его семьей. Обычно при встречах Жоржи сразу же начинает расспрашивать, где был, с какими людьми встречался, что интересного привез. Но в тот раз он вместо расспросов потащил меня на веранду, говоря: «Посмотри, какую интересную картину мне удалось заполучить. Мне ее подарил автор, наш местный байано». По правде сказать, полотно не произвело на меня впечатления. Казалось, кистью водила рука человека не старше десяти лет, а может быть, и младше. Неуклюжие домики теснились один над другим без всякого соблюдения законов перспективы. По карабкающимся вверх дорогам лезли фигурки людей. «Ну как, нравится?»— торжествующе спросил, видимо, только для проформы, Жоржи, так как рассчитывал услышать, безусловно, положительный ответ. И когда я недоуменно пожал плечами и сказал, что в детстве его дочка Палома рисовала значительно лучше, то Жоржи даже обиделся. «Это же талант! Это же рисовал чистильщик сапог, парень, который даже не может подписать свое имя». «Конечно,— заметил я осторожно,— может быть, он замечательный чистильщик сапог, может быть, он виртуоз своего дела, но что касается живописи, то тут у него колоссальные перспективы для совершенствования». «Так это же представитель примитивизма. Когда он выучится, то это будет уже не то. Пропадет весь шарм, все очарование»,— доказывал Амаду.

Мы так и остались каждый при своем мнении, к тому же пришел скульптор Марио Краву, который, узнав, о чем идет спор, взял сторону Жоржи.

Жозе Антонио да Сильва нельзя отнести к числу людей, делающих никем не управляемые шаги в живописи. Он относится, если можно так выразиться, к профессиональным примитивистам. Правда, не из самых сильных представителей этого течения. На мой взгляд, среди бразильских художников-примитивистов на первое место можно поставить Джаниру. Эта женщина, будучи художником-самоучкой, первые свои работы выполняла на уровне байано, о котором шла речь выше. Но потом упорный труд, жажда знаний и природный талант сделали свое дело, и Джанира выдвинулась в первую шеренгу бразильских художников.

Живет Джанира в одном из самых живописных районов Рио-де-Жанейро, на горе Санта-Тереза. Добираться туда нужно в совсем игрушечном электрическом вагончике. Сверху открывается изумительный вид на город. Место это как бы специально создано для поэтов и художников. Мне удалось увидеть лучшее из созданного Джанирой. Стиль всех вещей был выдержан в той же манере примитивизма, который вы видите на репродукциях картин Жозе Антонио да Сильва. Яркие краски, почти полное отсутствие полутонов, причем заметно в палитре художницы преобладание зеленого и красного цветов. Последнее обстоятельство явилось одной из причин того, что после переворота Джанира подверглась преследованиям со стороны новых правителей, людей, будем говорить откровенно, весьма далеких от искусства. Джаниру арестовали и попытались обвинить в подрывной деятельности на том основании, что она имеет определенное пристрастие к... красному цвету. Вскоре, правда, под давлением общественности художницу были вынуждены освободить...

Я не искусствовед, и мой рассказ о бразильских художниках непрофессиональный. Но взялся я комментировать эти репродукции потому, что, увидев их, как бы почувствовал над собой небольшой лоскуток бразильского неба, под синим сводом которого за минувшие годы было столько пережито, было столько встреч, больше хороших. И к числу хороших нужно обязательно отнести встречи с бразильскими художниками.

Эктор дос Празерес.
ТАНЕЦ ФРЕВО.

АВТОПОРТРЕТ С ДВУМЯ МУЗАМИ.

Жозе Антонио да Сильва. СХВАТКА ЗЕБУ.

ФЕРМА С БЫКАМИ.

Геля и Арсений

Михаил БУБЕННОВ

Рисунок А. ЛУРЬЕ.

Сильный запах черничного варенья весь вечер стоял вокруг прорабской. Парни, едва поднявшись вслед за Морошкой на обрыв, заговорили:

— Стой, ребята, что такое?

— Да варенье же!

— Ух, си-ила!

— Пошли, слюна течет.

В прихожей прорабской, на столе, покрытом новенькой клеенкой, при свете лампы блистал желтой медью начищенный самовар. Он вызвал шумный восторг у парней: всем вспомнились родные дома, семейные чаепития, детство... Но тут же раздался дружный хохот: в зеркальной глади самовара парни увидели свои собственные, причудливо искаженные лица. У одного лицо было вытянуто, у другого, наоборот, раздуто, как от водянки, у третьего — с низким, обезьяньим лбом...

Перед самоваром началась толкотня, поднялся гвалт:

— Вася, это ты! Умо-орушка!

— Ой, и рожа, как у хряка!

— А у тебя? Не видишь? Себя не признаешь?

— А это чья, щенячья?

— Да Славкина же!

— Давай в очередь!

Геля едва усадила раздурачившихся парней за стол, но и тогда то один из них, то другой указывал пальцем на какую-нибудь рожицу, отраженную в самоваре, и покатывался со смеху, а его дружно поддерживало все застолье.

Геля радовалась настроению парней и, чувствуя себя настоящей хозяйкой, с удовольствием и важностью разливала чай. Когда же ее варенье было отпробовано и отмечено восторженной похвалой, Геля почувствовала себя совершенно счастливой. Она была безмерно рада, что доставила маленькую радость друзьям, вероятно, позабывшим даже и вкус домашнего чая из самовара. В последние дни Геля была замкнутой и вся исстрадалась в одиночестве. Теперь же ее душа открыто потянулась к людям. Вышло так, словно парни, появившись в прорабской в отличном настроении, усталые, но довольные своей работой, помогли ей сбросить с себя тяжкие путы. Она вдруг почувствовала себя смелой и даже отчаянной. Она смеялась вместе со всеми, звонко, от души, а иногда, встречаясь взглядом с Морошкой, смеялась только с ним одним, не боясь, что это будет кем-то замечено.

Но парни, оказывается, даже и за чаем не позабыли о деле. Едва успели опорожнить по второй чашке, Сережа Кисляев легонько тронул локтем Морошку, попросил:

— Рассказывай.

Парни знали, что Морошка доложил сегодня Завьялову о постройке катамарана и что начальник стройуправления одобрил их затею. Но сейчас парней интересовали подробности разговора прораба с Завьяловым, о которых Морошка не мог говорить на людях.

— Удивился он...— ответил Морошка.

— А чертежи смотрел?

— И даже о скребке сказал свое слово.

— Плохо будет цепляться за шишки, да?

— Цепляться будет, а всю породу с него не сбросишь. Надо увеличить угол загиба.

— Я говорил? Говорил!— подскакивая, закричал Славка Роговцев.— А вы не слушали! Вот вам!

— Надо учесть,— смущенно согласился Кисляев.

— Когда же начнем?— спросил Угрюмов.

— А хоть завтра,— ответил Морошка.

— Завтра выходной.

— Для всех выходной, а мы вполне можем махнуть в лесхоз,— ответил Морошка.— Я уже передал с лесхозовскими ребятами, что завтра утром буду там... Важно начать, а потом сварщики обойдутся и без нас. Оставим вон Славку с чертежами, он и будет руководить...

В дверях показался Демид Назарыч.

— Ага, все подпольщики в сборе,— сказал он, переступая порог.— Опять собрание?

— Какое собрание? Чай пьем,— ответил за всех Вася Подлужный, как всегда, улыбаясь во все лицо.— Как выбрали секретарем Кисляева, так и заглохла вся наша комсомольская работа. Ни одного собрания за месяц. Соберемся на десять минут, скажем по два слова — и расходись. Не даст и язык почесать. Придется гнать его из секретарей.

— Ишь ты, заскучал без собраний!— сказал Кисляев.— Что ж, соберем. Есть один важный вопрос...

— Какой же?

— Выговорок влепить тебе надо.

— За что?

— За длинный язык.

Геля усадила Демида Назарыча за стол. Приняв чашку чаю, старик заговорил:

— А раньше как делали подпольщики? Соберутся и пьют чай. Дескать, именины. А на самом деле — тайная сходка. Говорят о революции.

— У нас не сходка, а кафе,— разъяснил Вася Подлужный.— Как в Москве, на улице Горького. Только без музыки.

— Да, живут же люди!— вздохнув, сказал Угрюмов.

— В Москве? Какие в кафе ходят?

— Какие могут сходить в кафе.

— Туда разные ходят,— сказал Кисляев.— Вон и Белявский коктейли там посасывал...

— И дососался!— заметил Демид Назарыч.

— Куда уж хуже! Вовсю с тунеядцами спелся. Ну, а попал в волчью стаю — лай не лай, а хвостом виляй.

— Одной породы,— сказал Демид Назарыч.— Те думают только о себе, и он — о себе.

— И расплодилось же их!— заметил Гриша Чернохлебов.

— Тунеядцев-то?— переспросил Кисляев.

— Эгоистов, как этот Белявский...

— Таких нигилистами зовут,— поправил Славка Роговцев.

— Один черт!— сказал Кисляев.— Но ты, Гриша, зря думаешь, что эгоисты только сейчас расплодились. Почему расплодились? Их всегда было много. На эгоизме, а точнее, на индивидуализме весь старый мир держался. Живи для себя — вот закон индивидуализма. Так и жили. А теперь индивидуализму приходит конец. У нас теперь другой закон. Вот индивидуализм и бесится, и бунтует, и дает нам бой, да иногда и не без успеха...

— Отчего же он взбунтовался так?— спросил Гриша Чернохлебов.— Ведь раньше, говорят, не было такого...

— Раньше его держали на привязи,— ответил Кисляев.— А теперь ему дали полную волю. Ну, а ему только дай волю — он возьмет две.

— Все от неверия,— сказал свое слово Угрюмов.— Раньше верили во все, вот и не было этого... А теперь каждый верит только себе.

— И ты?— спросил Кисляев.

— Не придирайся, не обо мне речь...

— А что? Сам себя, понятно, не подведешь,— в обычной своей иронической манере вставил Вася Подлужный.— Тут надежное дело.

— Хватит тебе ёрничать!— одернул его Кисляев.— Ей-богу, не до шуточек! Тошно!

— А отчего неверие? Отчего такие, как Белявский, оплевывают все прошлое?— заговорил Демид Назарыч.— Вот у нас в деревне был один мужик... Каждое воскресенье налакается до потери сознания да валяется в лужах, как свинья, а потом и пристает к сыновьям: «Робята, вы пошто меня не уважаетя? Пошто морды от меня воротитя?» А как сыновьям уважать его, если с него одна грязь течет? Стал отцом — не теряй голову и стыд, тогда никто и морды от тебя воротить не будет.

— Горькая правда!— сказал Кисляев и от досады потряс головой.— В грязи не валяйся да еще не болтай лишнего. Вот теперь всем ясно, что устроить жизнь на новый лад оказалось гораздо труднее, чем думали раньше многие, даже великие люди. И мы еще не скоро ее устроим. Пока речь идет только о базе... Речь идет о базе, а иные болтуны уже обещают златые горы. Вот эти обманщики — они не верят в мудрость народа, в его стойкость, стремление к лучшей жизни. И своей болтовней только подживляют индивидуализм. Вот он и взыграл и чадит...

Дверь прорабской слегка приоткрылась, и Кисляев, стрельнув глазом в щель, воскликнул:

— Во, легок на помине!

Встретясь со взглядом Белявского, Геля замерла в тревожном ожидании. До вчерашнего вечера его, кажется, всерьез обнадеживали ее растерянность и нерешительность, но теперь он был вновь встревожен, да так, что уже не мог ждать новой встречи у дверей ее каюты. Может быть, он даже решил, что нынче ночью и не дождется ее на брандвахте. Эта мысль, вероятно, и заставила его пойти в прорабскую, хотя он знал, конечно, что Геля здесь не одна. К тому же Белявский, несомненно, считал, что, встретясь с Гелей не наедине, как прежде, а на людях, он лучше всего заявит ей о своих чувствах, о своих серьезных намерениях и правах, а это основательно смутит не только Гелю, но и ее друзей.

Увидя Белявского, все парни за столом притихли в недоумении. Но Белявскому было

Из нового романа «Стремнина».

лишь на руку их замешательство. Стараясь не упустить удачный момент, он быстро огляделся и опустился на порог.

— Ко мне?— спросил его Арсений Морошка суховато, определенно догадываясь, что явился он к одной Геле, и гадая, к чему приведет его внезапное посещение.— Говори. Я слушаю.

— Я не к тебе, я к жене,— ответил Белявский и строго поджал губы: именно эти слова ему и хотелось сказать, когда он явится в прорабскую, сказать перед всеми парнями, в совершенно трезвом виде и с подобающей случаю серьезностью.

Геля поняла: так и есть, он задумал смутить ее перед людьми. Опять он осмеливался попирать ее волю. Опять... Вся побледнев от того особого спокойствия, какое всегда являлось предвестником ее бунта, Геля не спеша поставила блюдце на стол и, криво усмехаясь, выговорила раздельно:

— Не было и нет у тебя жены!

— Была и есть,— упрямо возразил Белявский.

— А какая я тебе жена?— возмутилась Геля и, поднявшись у стола, продолжала уже с горячностью:— А ну, расскажи-ка о нашей жизни! Расскажи! Да только всю правду! Ничего не скрывай! Все, как было...

— Геля, остынь,— пугаясь ее намека и вызова, мягко попросил Белявский и, словно извиняясь за Гелю, пояснил парням: —Вспыльчива, просто беда. Все тихая, а как вспылит...

— Перестань!

Все вспомнилось Геле в эти секунды: и ее бездумное увлечение Белявским, и разрыв с ним, и ужас тех дней и ночей на Буйной, когда он добивался встречи с нею и, подкарауливая ее, бродил вокруг прорабской... Нет, всему есть предел! Выдался, вероятно, самый подходящий случай разделаться с ним одним ударом. Если он решил использовать известные преимущества встречи на людях, то и она не упустит такой возможности!

— Какой ты мне муж?— выкрикнула Геля, радуясь своей решимости и горячности.— У меня не было и нет мужа! Мой будущий муж — вон он, сидит за столом и чай с вареньем пьет! Гляди, любуйся!

Лицо Белявского дрогнуло и мгновенно сделалось серым, вроде каменной плиты у Ангары. Он медленно оглядел всех парней. Глаза его светились, как в сумерках у филина. Кажется, ему хотелось закричать во всю грудь, но он едва разжал почерневшие, подрагивающие губы.

— Это который же?

— Не притворяйся, ты знаешь!— крикнула Геля в ответ; ее непокорность играла вовсю, как река на шивере.— Ты как его зовешь? Лобастым? Вот он и есть!

Минуту назад, когда Геля указала на него, Морошка едва удержал в руках блюдце. Затем, поспешив, он обжегся чаем и теперь смущенно растирал грудь ладонью. А все парни, с улыбочками следившие за Гелей, сделались серьезными и оставили свои чашки.

— Геля, это правда?— спросил Кисляев.

— А какие тут шутки? — ответила Геля.— Думаете, я зря пригласила вас в гости? Поздравляйте!

— Вот завелась! Споловорота!— Голос Бориса Белявского начал прерываться дрожью.— Теперь не удержишь: чего угодно наговорит! И на себя и на меня...— Несомненно, он боялся разоблачения и еще раз через силу попросил, стараясь подчеркнуть свою близость к Геле: —Утихни ты, Геля, постыдись. Чего ты набиваешься к нему в жены? У него здесь все бабы до одной — жены. Может, одна только Сысоевна...

— Перестань!— опять одернула его Геля.— Мне наплевать, сколько у него жен! Я всех отошью! Слышишь? Или ты с приглушью? Что я тебе сказала тогда на реке, ты слышал? Я сказала, что люблю его.— Она кивнула в сторону Морошки.— Так чего же еще тебе надо? Что тебе осталось делать здесь? Или хочешь погулять на моей свадьбе? Оставайся, погуляй!

— Пригласила!— с трудом выдохнул Белявский, пронзая Гелю злобным взглядом.— Когда же свадьба?

— Через неделю. Уедешь или будешь ждать?

Не отвечая, Белявский медленно поднялся с порога. Ревность душила его так, что он порывисто дышал всей грудью, слегка ощеривая зубы. Самовар плыл перед его глазами, как луна...

— Здорово она тебя разжаловала,— сказал из-за стола разомлевший от чая Вася Подлужный.— Так и сорвала погоны.

За столом раздался взрыв хохота.

Такой хохот над собой Борис Белявский слышал в поселке у порога, когда лежал связанным в темной комнатенке. Но там все мерещилось, а здесь было наяву. Он не помнил, что выкрикнул на прощание, выбегая за дверь прорабской, и не помнил, как оказался в своей каюте...

Геля не могла понять, отчего она пробудилась так внезапно, и потому попыталась восстановить в памяти все события вечера. Она вспомнила, как сказала Арсению Морошке, когда они остались одни: «Я боюсь туда идти. Он будет ждать». «А ты не ходи,— рассудил Морошка очень просто.— У тебя и здесь есть место». Он не воспользовался случаем, чтобы напомнить ей о том, что она сказала при людях, а взял да и принес ее вещички с брандвахты. Ей стало стыдно за то, как она держалась на людях, и она спросила: «Я дурочка, да?» «Отдыхай,— ответил ей Морошка, стараясь успокоить ее взглядом.— Ты устала. Спокойной ночи. Завтра поедем в деревню...» Она как-то странно задумалась, легла в постель да вскоре незаметно и уснула. И вот теперь Геле показалось, что ее разбудило именно то неясное чувство, какое заставило ее задуматься, когда Морошка заговорил о поездке в деревню. Но что же это за странное чувство? Почему оно так навязчиво и нетерпеливо? Геля терялась в догадках, а тут еще ее сильно волновал и томил запах варенья: оно остуживалось в незакрытом тазике на столе в прихожей. Геле хотелось вскочить и, пользуясь тем, что наработавшийся за день Морошка, вероятно, крепко спит, навалиться на тазик с большой ложкой и наконец-то насладиться вареньем досыта.

В прорабской хоть глаз коли: луна еще не взошла. Геля осторожненько спустила ноги с кровати, сняла со стула халатик и, уже надевая его, вдруг услышала чей-то мягкий топот на крыльце. «Так он вовсе и не спит,— подумала она о Морошке.— Опять на рыбалку ходил или, может быть, посты у склада проверял...» Но тут же она вздрогнула и схватилась за грудь: кто-то рядом с крыльцом царапал когтями бревна.

— Арсений Иваныч, вы спите?— позвала она негромко.

— Не шуми, я встаю,— отозвался Морошка.

Бесшумно выскользнув за дверь своей комнатушки, Геля тотчас оказалась под широкой, грубоватой, но теплой ладонью Арсения Морошки. Осторожно привлекая ее к себе, он спросил шепотом:

— Испугалась?

— А кто там?

— Медведь, однако...— ответил Морошка.— Тоже пришел твоего варенья попробовать. Учуял, варнак косолапый.

— Куда же он лезет?

— Лаз ищет.

Пора бы что-то и предпринять, но у Морошки, как он ни заставлял себя, так и не хватило сил оторвать руку от плеча Гели.

— Сейчас я его шугану.

Геля схватила Морошку за грудь.

— Не ходите, я боюсь!

— Прогнать же надо...

— А вдруг он...

У Морошки все дрогнуло в груди, и он, внезапно осмелев, одной рукой прижал Гелю к своей груди, а другой стал трогать ее кудряшки надо лбом.

— Не бойся!

И только когда почувствовал, что руки начинают вздрагивать, отпустил Гелю. Но, снимая со стены и заряжая ружье, он продолжал ощу-

щать в ладонях тепло Гелиного плеча. И опять ему вспомнилось, как он однажды держал в руках маленького лосенка...

Дверь он отбросил резко, на тот случай, если медведь, может быть, успел вновь забраться на крыльцо. Но косолапого гостя не оказалось ни на крыльце, ни около избы. Как ни одурел он от запаха варенья, а все же учуял поднявшихся в избе людей и вовремя подался прочь. В двадцати шагах от избы, в низинке, заросшей черемушником, послышался треск сухой валежины. «Вон где ты»,— понял Морошка. Но стрелять наугад ему не хотелось: это не заведено у охотников тайги. Зачем зря булгачить народ? К тому же у Морошки все еще подрагивали руки мелкой, но неуемной дрожью. Не для того, чтобы припугнуть медведя, а, скорее, чтобы унять эту непривычную дрожь, Арсений Морошка, взяв ружье под мышку, гулко захлопал в ладоши. С перепугу медведь коротко рявкнул и дал стрекача; эхо от хлопков в ладоши прокатилось и смолкло, а со склона горы все еще доносился треск валежин. Но дрожь в руках так и не унялась. «Чудно, однако,— подумал Морошка.— Будто потерял что-то...»

Тем временем Геля, не зажигая огня, перенесла тазик с вареньем в свою комнатушку и поставила его на табурет у окна. Она верно решила, что так спокойнее будет: окно-то со стороны реки, а не тайги. Геля даже успела попробовать варенье и, определив, что оно достаточно остыло, прикрыла его газетой. В этих хлопотах ее испуг совсем прошел, и ей стало, пожалуй, почти весело оттого, что по ее вине произошло такое забавное происшествие, какое может случиться лишь в глухой тайге. И когда Арсений Морошка вернулся в прорабскую, она выбежала к нему навстречу и заговорила с живостью:

— Почему же не стреляли, Арсений Иваныч?

— Удрал,— ответил Морошка, вешая ружье на место.

— Неужели и правда он учуял варенье?

И Геля засмеялась, но, кажется, совсем не оттого, что ей казался смешным случай с медведем, захотевшим полакомиться ее вареньем...

Не засмейся Геля таким смехом, чем-то похожим на журчание в ночной тиши таежной речки на перекате, Арсений Морошка, не на шутку смущенный своим волнением, сейчас же и скрылся бы в своей комнатушке. А тут он будто остолбенел, и ему показалось, что пол ходит под его ногами, как льдина. Прошло несколько тягостных секунд замешательства, и Морошка, поняв, что иначе ему не жить, вдруг выбросил вперед дрожащие руки, поймал в темноте Гелю и заговорил, горячо дыша, не ведая о чем:

— Медведь, да не учует? Что ты!

— А он еще придет?

— Разохотился, так и заявится.

— Смешно: медведи в гости ходят!

А их сердца, не считаясь с их пустой болтовней, вели в эти секунды свой разговор...

И когда их сердца высказали все, чем томились, Геля опять рассмеялась тихонько, радостно и впервые ласково потрогала ладошкой грудь Арсения Морошки. Совсем ошалев от ее смеха и ласки, Морошка приподнял босоногую Гелю так, что она едва касалась пола пальцами ног, и почти выкрикнул ей в лицо:

— А я ведь думал, тебя и нет на свете!

Захлебываясь от счастливых слез, Геля прижалась головой к его груди, прошептала:

— Если бы я знала, если бы знала...

Над горами поднялась луна. Плесо Ангары, освещенное ею, вспыхнуло в кромешной тьме, как огромное серебряное блюдо, и с берега на берег, через всю шиверу, пролегла непривычная для тайги, прямая, искристая тропа. Плесо отражало так много света, что небосвод мгновенно посветлел и поблекли звезды. А в комнатушке Гели, хотя и при занавешенном окне, вспыхнули стальные детали рации и ожил букет.

Как и над всей Буйной, светло было и в душе Гели. Какой тут сон! Гелю не покидало удивительное, прежде незнакомое ей ощущение необычайной легкости во всем теле, почти невесомости и окрыленности. Ей всерьез казалось, что она сейчас же может пробежать босиком через всю Ангару, по лунной тропе, а то и пронестись, распростерши руки, над спящей тайгой, как летала частенько в детские годы во сне. И ощущение этой необычайной, просто сказочной легкости соединялось к тому же с полнейшим бездумьем. Удивляясь себе, Геля не однажды пробовала заставить себя задуматься о чем-либо, да все напрасно. Не думалось, да и только! Вместо дум что-то струилось в ней, как марево над весенней степью. А перед мысленным взором Гели лишь изредка вспыхивали какие-то неясные картины из ее жизни, но именно вспыхивали и моментально гасли, как при свете молнии. Вот так и не думалось, и ничто как следует не вспоминалось, а Геля между тем чувствовала, что живет такой насыщенной и одухотворенной жизнью, какой не жила никогда прежде. Все ее существо, до самой малой кровинки, нежилось и растворялось в счастье, а оно было неиссякаемым, как Ангара...

В комнатушке вдруг потемнело, словно внезапно погасла луна. Геля глянула на оконце: почти все оно было заслонено снаружи чем-то подвижным; лишь в его верхней части оставались, да и то меняясь в размерах, небольшие просветы.

С замирающим сердцем Геля кинулась к перегородке.

— Арсений Иваныч, он опять пришел! Окно обнюхивает.

— Слышу, лежи тихо,— отозвался Морошка.

Зарядив ружье пулей, он бесшумно вышел на крыльцо. Но бесшумно обойти избу даже босому невозможно было: под ногами, как ни осторожничай, шуршат и скрипят камешки. Оставалась надежда лишь на то, что медведю, раз он так разохотился на варенье, изменит осторожность. И потому Арсений Морошка, слегка выставляя вперед стволы, выглядывал из-за угла избы с уверенностью, что уложит медведя на месте, в крайнем случае не даст ему уйти далеко — и тем славно позабавит Гелю.

Но медведя уже не было у окна. «Опять ушел, варнак!»— подосадовал на сей раз Морошка и, присев на корточки, при ярком лунном свете пригляделся к кустарничку у обрыва. Минута мертвого покоя, но вот легонько качнулась вершинка березки, блеснув потревоженной листвой, и Морошка торопясь вскинул ружье...

Когда прокатился грохот выстрела, медведь стремглав, топоча, ломая кусты, бросился понад обрывом и, по всей вероятности, скатился в овражек, по которому с ближней горы сходят вешние воды. «Разве наугад попадешь!— сказал себе Морошка.— Зря стрелял. Только нашумел. Люди поднимутся».

И верно, едва Морошка вытащил гильзу из ружья, от изб бакенщиков послышался голос бригадира поста Емельяна Горяева:

— Ты кого там, прораб?

— Да тут... медведь шатается,— не сразу, с неохотой ответил Морошка.— Спи, дядя Емельян!

Но Горяев все же направился к Морошке, и тому ничего не оставалось, как обождать бригадира. Подойдя, Горяев заговорил сонно, почесывая шею:

— У меня собака завизжала, а потом слышу — ты его гоняешь тут...— Его одолевала зевота.— А неплохо бы отведать свежатины.

— Худо ли,— невесело согласился Морошка.

— Поглядеть бы надо,— посоветовал Горяев.— Может, подранил, а? Слыхать, ты ловко бьешь...

— Ушел. Наугад палил.

— Всяко бывает.

Той минутой рядом оказалась и Геля.

— У меня фонарик,— сказала она.— Пойдемте.

Арсений Морошка не мог прекословить Геле, хотя и был убежден, что хлопоты напрасны. Освещая путь фонариком, он повел Горяева и Гелю через кустарник у обрыва. За кустарничком была небольшая полянка, а там и овражек, заваленный камнями и заросший березнячком да густой травой.

— Ушел,— сказал Морошка, останавливаясь перед овражком.

— А неплохо бы...— опять пожалел Горяев.

И тут все трое услышали стон, доносившийся из овражка, и все, леденея, поняли: стонал человек, а не зверь. Ухватившись обеими руками за Морошку, Геля в ужасе прошептала:

— Боже мой, да это же он!

Бориса Белявского они нашли почти в самой теклине овражка, среди камней...

Едва показался Погорюй, Арсений Морошка и поведал Геле, грустно улыбаясь, печальную историю родной деревни. Геля выслушала ее молча, задумчиво, кажется, без особого интереса, но затем, спохватившись, спросила:

— И твой отец убирал здесь камни?

— Отец рыбачил да промышлял, а вот дед — тот облазил все шиверы до самой Кежмы,— ответил Морошка.— Могучий да бедовый был, дед-то мой, а за уборку камней купцы хорошо платили. А стал постарше — начал водить суда: по всей реке ход знал без всякой лоции.

— Вон когда началось здесь...

— Считай, чуть не сто лет назад!

— Значит, по стопам деда?

— Надо же доделать дедово дело!— Морошка взглянул на Гелю и улыбнулся ей уже не грустной, а немножко озорной, мечтательной улыбкой.— Но нашим детям уже не придется возиться здесь с камнями. Вот поднимут по всей реке плотины — и конец всем шиверам и порогам! Хватит, помучили людей. Да и загубили немало...

Морошка осекся, должно быть, что-то вспомнив...

— Мы с Гришей будем держать путь на Усть-Илим,— сказал стоявший рядом Сергей Кисляев.— Надо хоть одну станцию построить от начала и до конца. Чтобы вспомнить, что было... А далеко отсюда до Усть-Илима?

— И не так уж далеко, да путь не легкий,— ответил Морошка.— На лодке, если что...

— А теплоходы разве не ходят?

— Теплоходом хочешь?— переспросил Морошка.— Тогда погоди немного. Кто только не пробовал водить суда по всей Ангаре, от устья до Байкала, да не выходило. За Кежмой сплошные пороги. Но погоди, мы пройдем, и не иначе, как на теплоходе. Вот пробьем прорезь на Буйной, потом на Кашиной, потом на Глухой, потом на Мурском пороге...

— Ого! Там и станцию построят!

— Без нас не построят.

— Ага, будут ждать!

— Будут,— не моргнув глазом, ответил Морошка.— Без всяких шуток. А ну, скажи-ка, как везти туда турбины? Никакой дороги нет. Турбины для Усть-Илимской будут отправлены из Ленинграда водным путем: каналами, северными морями, потом Енисеем, потом Ангарой... До Ангары-то дойдут, а тут как? Все от нас зависит. Не расчистим шиверы, и суда с турбинами будут стоять перед Буйной. Так что, если хочешь, мы и есть первые строители Усть-Илимской...

Парни, стоявшие вокруг, оживленно заговорили о том, что сообщил Морошка, а Кисляев все же попрекнул его не то в шутку, не то всерьез:

— А здорово ты хлопочешь за свой край!

— Мне он, мой край, и так родной и так по душе,— возразил Морошка.— А хлопочу я, чтобы он нравился и всем, кто когда-нибудь появится здесь.

«Отважный» уже приближался к деревне. Геля чувствовала, что она тревожит Морошку своей задумчивостью, и украдкой от парней коснулась его руки, тихонько спросила:

— А где ваш домик?

— А вот, самый крайний.

У берега перед деревней стояли в ряд лодки с высоко поднятыми носами, чтобы не захлестывало волной на шиверах; все они были с моторами разных систем: теперь на Ангаре никто, даже сопливые мальчишки, не плавает на веслах. Повыше, против лесхозовского поселка, стояли не только лодки, но и более крупные суда: катера, самоходки, баркасы. А еще несколько выше по реке была запань, где составлялись плоты.

«Отважный» ткнулся в берег на лесхозовской пристани. Несколько дней назад здесь, на галечной отмели, рядом с разбитой баржой, валялись два заржавевших, с вмятинами, железных понтона. Теперь их не было на месте. Оглядев отлогий взвоз, словно выглаженный утюгом, Морошка порадовался:

— Славно!

Окончание следует.

ПЕВЕЦ БАРРИКАД

К 150-летию со дня рождения Эжена Потье

Во время июльских баррикадных боев в Париже, забравшись на леса строящейся часовни на площади Лувуа, мальчик по имени Эжен пел свою первую песню. Припевом песни были слова: «Да здравствует свобода!»

Юному поэту тогда не было четырнадцати. Он родился 4 октября 1816 года в семье рабочего-упаковщика. Спустя много лет Эжен Потье так сказал о своем литературном дебюте: «Славные дни 1830 года были первым барабанным ударом, пробудившим меня».

А через восемнадцать лет, когда на улицах Парижа вновь появились баррикады, человек, который подписывал свои литературные произведения просто и гордо: «Эжен Потье, рабочий»,— сам уже был в рядах восставших.

Герой поэзии Потье — трудовой народ, основная тема — прославление революционной борьбы против буржуазии. И если в начале своей литературной деятельности поэт пробовал силы и в лирике и в драматургии, то потом отошел от этих опытов, чтобы «вступить на дорогу, с которой он уже не сойдет,— на путь политической песни, революционной поэзии, социальной критики», как писал один из первых биографов Эжена Потье, Эрнест Мюзё.

В июне 1871 года, после разгрома Парижской коммуны, версальская пресса распространила слух, что в последних боях на баррикадах погиб член Коммуны и деятельный ее участник Эжен Потье. А в это самое время чудом уцелевший, спрятавшийся в доме своих друзей поэт написал песню, сделавшую бессмертным имя ее автора. «Коммуна подавлена.., а «Интернационал» Потье разнес ее идеи по всему миру, и она жива теперь более, чем когда-нибудь»,— писал В. И. Ленин.

Вынужденный эмигрировать, Потье продолжает писать о Коммуне, посвящая ей целый ряд стихотворений и поэму «Парижская коммуна». Вернувшись на родину в 1880 году, поэт снова занял свое место в борьбе. Последняя книга Потье, «Революционные песни», вышла в 1887 году, а 6 ноября того же года поэт скончался. Около шести тысяч человек шло за гробом, на который был возложен шарф члена Коммуны — красный, с золотой бахромой.

В 1889 году, работая над переводами песен Эжена Потье, Лаура Лафарг писала Энгельсу: «Песни Потье — лучшие и даже единственные революционные песни, которыми могли бы похвалиться французы нашего поколения. Я дала обещание Потье на его смертном ложе, что попытаюсь популяризировать его поэзию, чтобы ее узнали за границей».

Советский читатель знает и любит песни Эжена Потье. Большая заслуга в этом принадлежит поэту Александру Гатову, который отдал много лет труда и много творческих сил переводам стихов и песен Потье. Стихотворение поэта, переведенное Александром Гатовым и напечатанное в этом номере, впервые публикуется на русском языке.

Н. ЦВЕТКОВА

КРЕСТЬЯНСКАЯ НАУКА

Гражданину Годену из Гиз, основателю «Фамилистера».

Сдружиться, Знание, должно ты
В деревне с бедными людьми,
Разумной просвети заботой
И досыта их накорми.

Зайдем за холм, что скрыл от взгляда
Строений жалких нищету.
Здесь нам почувствовать отрада
Коров парную теплоту.

Явись, Наука, в ясли эти
И молви овцам и быкам:
«Пусть расцветает жизнь на свете!
Тучнейте же на радость нам!»

Возделай землю, а природа
Вознаградит за этот дар
Заботливого скотовода
Достатком от его отар.

Оставив происки и склоки,
Благослови родящий край!
Земля мечтает о пороке,
И в честь него ты пир задай!

Породы скрещивай, о фея,
И выведи таких коров,
Чтобы глядеть, благоговея,
На туши в лавках мясников.

И, пусть успех дается туго,
Взрасти овец и лошадей!
Дай людям мускулы — для плуга,
Дай шерсть, чтоб одевать людей!

Париж, огромная столица,
Ты — мозг и чрево, и не зря
Сам увидал ты, что творится:
Слон раздавил поводыря.

Да не случится это с нами,
Когда за жизнь идет борьба.
Дай бог, не бросит голод пламя
В пороховые погреба.

Да, нужно много стад, а ныне
Взгляни на скотный двор любой:
В лохмотьях призраки и свиньи
Вступают за очистки в бой.

Что ж человек — он червь презренный?
Казнят за первородный грех?
Нет, нищета — позор вселенной.
Да будет легкой жизнь для всех!

Взгляни ж гражданственно впервые
Вслед за мучением веков
На виноград и зерновые,
На выгоны и на быков.

Пора бы под всемирным небом,
Чтобы отныне и вовек
Досыта бы питался хлебом,
Вином и мясом человек.

Сдружиться, Знание, должно ты
В деревне с бедными людьми,
Своей разумною заботой
Им помоги и накорми!

1861.

Перевод Александра Гатова.

Александр СЕРБИН,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото автора.

САМАЯ ЗАПАДНАЯ

Королева Сабат.

ФРИКА

Собственно Зеленый мыс, круто поднимающийся из атлантических вод, что дал название всему полуострову и где на вершине бывшего вулкана стоит мощный маяк, известный всем морякам, огибавшим Африку, не самая западная точка континента. Эта точка лежит на полуострове дальше к северо-западу и называется мысом Альмади. У самой воды там есть садок для устриц и небольшая лавочка — деревянный лоток под навесом и плетеные стены, где этих устриц продают. С камней черные и белые мальчишки удят мелкую рыбешку. Несколько женщин, сидя на земле, продают бусы из ракушек, принесенных океаном.

Здесь и начинается самый западный кусок африканской земли, на котором лежит страна Сенегал и другая страна — Гамбия, вдающаяся узкой полосой в территорию Сенегала.

I. Дороги и люди

Слава дорогам!

Слава им, всяким — удобным воздушным трассам, где о тебе заботятся симпатичные стюардессы, бескомпромиссно-прямым автострадам, на которых физически, всем своим существом ощущаешь скорости нашего времени, патриархально-медленным проселкам с ухабами, наводящими на размышление о негладкости путей развития человечества, стальным рельсам, проложенным трудом тысяч, и еле заметным тропинкам, протоптанным десятком босых ног.

Дорога — это путь человека к человеку. Это конец старого этапа и начало нового. А для журналиста дорога — всегда средство познания.

Разные дороги есть в Африке. Этот очерк о поездках по ним начнется с рассказа о двух встречах. Для меня это были встречи на перекрестках главного пути Африки — из прошлого в будущее. Здесь не упоминаются имена людей. Мне кажется, что те, кого я повстречал, типичны для Самой Западной Африки, и поэтому нет нужды называть их имена. Мне могли бы встретиться на этом пути и другие, похожие.

...Нас представили. Он протянул руку, сильную, с мягкой ладонью, и отрекомендовался:

— Я так называемый проклятый английский империалист.

Англичанина в Африке я представлял себе именно таким. Сухощавый, высушенный солнцем, высокий, без заметной сутулости, несмотря на годы. Никакой экзотики в одежде, вроде гольфов или пробкового шлема, которую так любят карикатуристы. Костюм немножко старомодный, в самую меру, и галстук. (Я вспомнил слова, напечатанные в меню ресторана в столице одной бывшей английской колонии: «Джентльменов любезно просят вечером приходить в ресторан в длинных брюках и при галстуке».) У него было умное лицо, спокойная уверенность в себе, юмор, очень английский, словно между прочим.

Состоит на службе у местного правительства. Эксперт. Знаток своего дела.

За плечами этого человека долгие годы, прожитые здесь, в Африке. Колониальная служба вошла в его семью как традиция. Отец его на грани прошлого и нынешнего веков был чиновником в Индии. Мой собеседник окончил университет в Англии, изучал философию и историю, а потом, как и отец, пошел в колониальную администрацию. В Африке были нужны люди. Служба в колониях в Соединенном королевстве для многих становилась первой ступенькой карьеры: после нее открывались пути в правительство, в полицию, в крупные компании. Людей с опытом колониальной службы ценили. А мой собеседник так и остался здесь. Менялись страны, выходили, наверное, повышения по службе. Но Африка оставалась.

И разговор идет об Африке. И о нем. Мне хочется понять, что это за человек, чему были посвящены годы его жизни на этом континенте.

Красив Дакар!..

— Вы слыхали о сэре Фредерике Лугарде? Он долго жил здесь. Я считаю его своим учителем. У него есть книга, она называется «Двойной мандат в странах Британской тропической Африки».

Да, это имя осталось в истории английской колониальной политики. Сын священника, Фредерик Лугард стал, по определению одного английского источника, «солдатом и исследователем Африки». В те благословенные для колониализма времена это было почти одно и то же. В середине восьмидесятых годов прошлого века Лугард воевал в составе корпуса генерала Гордона, пытавшегося подавить восстание махдистов в Судане. Позже он руководил «восстановлением порядка» в Уганде, конечно, с помощью оружия. Потом, поступив на службу в «Ройял Нигер компани», Лугард заключал договоры с африканскими вождями, утверждая на их землях хозяйские права этой компании и подготавливая Нигерию к превращению в английскую колонию. А еще позже, когда английский империализм в Нигерии установил свою полную власть, он стал первым генерал-губернатором этой страны.

— ...В своей книге Лугард говорит о нашем двойном мандате. История сделала нас ответственными за этот район мира. Речь идет не только о мандате на управление. У нас есть обязательства здесь. Долг, который нужно выполнить.

Мне показалось, что он сейчас произнесет киплинговские слова о «бремени белого человека».

— Но за последние годы Африка сильно изменилась,— сказал я.— А мандаты остались прежними?

— О, она изменилась не так сильно!— ответил он.

— А не кажется вам,— продолжал я,— что наступит время, и оно недалеко, когда африканским странам не нужно будет экспертов и чиновников из Европы?

— Ну, не думаю,— сказал он.— Может быть, лет через сто. Но Африка не может существовать без Европы. Это — главное. Африке нужны европейские рынки.

«А Европе — африканские»,— докончил я про себя.

— Впрочем, тут начинается политика,— сказал он.— Хотите виски? В тропиках надо пить виски, лучше всего — после захода солнца.

Мы поговорили немножко о виски, о его дезинфицирующих и профилактических свойствах. Вполне подходящая тема для разговора джентльменов в длинных штанах...

Я смотрел на своего собеседника, думая о его судьбе. Прожита большая часть жизни. Уже вышла отставка. Семейная традиция на нем оборвалась: он холостяк, без семьи. А главное: того учреждения, где он служил раньше — министерства колоний,— на Британских островах не существует. Теперь он «работает по найму» в чужой стране, а вечерами составляет каталог пород деревьев, произрастающих в здешних лесах. Это нужно. И, наверное, это так помогает скоротать время!..

Я вдруг словно почувствовал, как от его в меру старомодного костюма слегка запахло нафталином. Но потом я вспомнил, что «Ройял Нигер компани», которой верой и правдой служил Лугард, сейчас называется «Юнайтед Африка компани» и что вывески этой компании я видел во многих странах Африки. Она процветает. «Интересно,— подумалось мне,— какие руки у служащих этой компании? Тоже сильные, с мягкой ладонью?..»

А вот вторая встреча.

В Дакаре я жил на не очень шумной, узенькой улочке, которая начиналась с центральной площади столицы — площади Независимости, от здания Банка Западной Африки, основанного французами еще в 1901 году. На другом конце улочки стояла мечеть, у входа в которую целый день сидели пожилые сенегальцы, торговавшие изречениями из корана. Еще на улице были отель, принадлежавший болгарину, и две лавочки; в одной из них хозяином был левантиец, в другой — мавританец.

Путеводители по Сенегалу и туристские проспекты часто называют Сенегал местом встречи Африки и Европы, перекрестком мусульманской и христианской культур и т. д. Это верно. На выдающийся к западу кусок африканской земли в позднее средневековье неизбежно натыкались мореплаватели Голландии, Франции, Англии. С XVII века европейцы стали обживать эти края. Но встречи Европы и Африки на сенегальской земле были немирными и нерадостными. Сенегал хранит следы этих встреч.

И моя улочка тоже по-своему сохраняла их.

Однажды в тот вечерний час, когда ветры над Дакаром меняют направление и приносят в город с маслодельных заводов тонкий горьковатый запах жареного арахиса, ко мне в гости пришел молодой сенегалец.

Он был учителем по профессии и поэтом по призванию, автором нескольких напечатанных стихотворений. Ему было двадцать лет.

Какое оно, поколение двадцатилетних в Африке? Эти ребята родились тогда, когда колониальная ночь над их странами казалась густой и беспросветной; они вступали в сознательную жизнь, когда на африканской земле впервые звучали национальные гимны новых, независимых африканских государств; они стали взрослыми, когда первые романтические представления о независимости, как о волшебной палочке, решающей все проблемы, прошли и стало ясным, что независимость — это новый этап борьбы за счастье Африки.

Красив Дакар. В нем преобладают два цвета: белый цвет зданий и зеленый цвет деревьев. С самолета он кажется горстью рафинада, брошенного в траву. Но когда едешь из нового аэропорта в город, иногда сквозь густые кусты акации вдоль шоссе удается разглядеть кварталы медины — африканского района города. Жалкие лачуги медины—тяжкое наследство колониальной эпохи—скрыто от глаз проезжего. Но каждый день отсюда на центральные улицы города приходят молодые парни с ящиками, где хранятся щетки и гуталин,— чистильщики ботинок; продавцы-лоточники с десятком пачек сигарет и дюжиной пакетиков жевательной резинки; просто ищущие работы. Я не хочу быть односторонним: в Дакаре есть университет, профессиональные школы, сенегальцы стараются развивать свою экономику, зная, что в стране много свободных рук. Но никуда не денешься от этой унылой картины: молодой парень идет за прохожим несколько кварталов, привычным и почти безнадежным тоном уговаривая его купить темные очки или авторучку.

Нелегка и непроста судьба двадцатилетних.

Моему знакомому — он кажется еще моложе своих двадцати, у него по-детски пухлые губы, карие глаза в пушистых ресницах и тонкие длинные пальцы музыканта — повезло. У него есть профессия. У него есть работа, важная и нужная для его страны. И у него поэзия.

— О чем ты пишешь свои стихи?— спросил я.

— Стихи всегда пишут о жизни,— ответил он.— Для нас жизнь — это Африка. Значит, я пишу и об Африке.

— А что — об Африке?

— Недавно я напечатал стихи о Патрисе Лумумбе.

Здравствуй, Патрис! Я снова встретился с тобой. Нет, я никогда не видел Патриса Лумумбу живым. Но на африканских дорогах попрежнему часто встречаешься с его образом. Африка хранит Патриса, мученика и патриота, в своем сердце, как совесть. Его имя — залог того, что в душах двадцатилетних не отзвучали звуки национальных гимнов, раздававшихся на праздниках провозглашения независимости. Они верны этим звукам, зовущим дальше, вперед.

Мой знакомый пришел ко мне из медины. Там, в африканском квартале, находится и школа, где он преподает. Там он живет вместе со своими родителями.

— Твои родители — мусульмане?— спросил я.

— Мусульмане.

— А ты?

— Я тоже мусульманин.

— Ходишь в мечеть?

— Отец ходит. Я — редко.

— Почему?

— Знаешь, мало времени. Надо учиться, читать. Вечера заняты.

— Что ты читаешь сейчас?

— Маркса.

И он рассказал о том, как еще в школе, ища ответы на вопросы, одолевавшие его, он услышал от своего приятеля постарше совет почитать Маркса. Маркс никогда не писал о Сенегале. Но молодой учитель нашел в его работах ответы на свои вопросы. Увлекшись, он начал рассказывать мне, как применима марксова теория к его стране. А потом произнес:

— Еще мне надо почитать Ленина.

В то время, когда я был в Дакаре, один сенегальский книготорговец устроил в своем магазине выставку-продажу советских книг. Я пошел в этот магазин. На витрине стояли книги Ленина. И те, кто подходил к прилавку, прежде всего спрашивали его книги...

В тот вечер мой знакомый сказал так:

— Знаешь, я не буду чувствовать себя свободным, если хоть один африканец будет лишен свободы, которой он достоин.

Я думаю, что он хорошо поймет Ленина.

Существуют две точки зрения на происхождение слова «Сенегал». Одни говорят, что имя этой стране дало берберское племя зенага, пришедшее на берега реки Сенегал в девятом веке нашей эры. Другие считают что оно возникло из слова «исенган», что значит «черные», которое употребил средневековый араб-

ский географ Аль-Бакри, описывая эту часть Африки. Но кто бы ни был прав, именно это слово объединяет теперь в одно разные народности, разные уклады жизни, разную природу этой страны.

Я проехал Сенегал с севера на юг и с запада на восток. Я был в зеленом Казамансе, южной провинции, которую называют садом Сенегала, и в Сен-Луи, одном из старинных городов страны, в рабочем городе Тиесе и в глухих деревнях Восточного Сенегала, покрытого саванной. Нет, не проходят бесследно годы двадцатого столетия. В африканскую экзотику, о которой написано много книг, упорно и настойчиво проникают веяния нашего времени.

...В Казамансе я был в гостях у королевы Сабат. В рамках общей административной системы в Казамансе существует несколько деревень, объединенных под духовной властью королевы. Жители этих деревень — фетишисты. Под покровом зеленого тропического леса они сохранили свою религию, оградившись от наступления христианства и мусульманства. Королева жила в лесной деревне, вдали от больших дорог, в просторной круглой хижине. По королевскому двору гуляли куры, на стенах дворца висела домашняя утварь.

Королева приняла меня милостиво: одарила поцелуем и разрешила посмотреть фетиш. В корнях высокой, могучей сейбы была устроена невысокая изгородь. За изгородью не было ничего. Королева согласилась сфотографироваться около фетиша и доброй улыбкой отпустила нас в обратный путь.

Дорогу к королевскому дворцу нам показал босоногий мальчишка, которого мы встретили на окраине деревни. Он с удовольствием прокатился в «Волге» и на прощание подал нам руку. Я спросил, учится ли он.

— Конечно,— сказал он в ответ.— Здесь есть школа.

...Каждый, кто приезжает в Дакар, обязательно едет на остров Горé. Этот остров стоит, словно памятник колониальному прошлому Африки. Горе знал разных хозяев: по очереди он переходил от голландцев к англичанам, от англичан к французам. С XVI по XIX век остров был главным портом по вывозу рабов из Африки. До сих пор сохранился так называемый «дом рабов» с выходами из него, ведущими прямо в океан. Рабов через эти выходы выводили к лодкам, которые везли «черное дерево» на корабли, стоявшие на рейде. Считают, что около сорока миллионов человек с этого острова были увезены в рабство.

Работорговцы делили свой товар, различая племена. О сенегальцах сохранилось такое свидетельство работорговцев: «Сенегальцы, воинственные по натуре, доставляют много трудностей по их содержанию. Они не переносят рабства. Их сложно перевозить на Антильские острова. В дороге они поднимают восстания...»

Еще несколько лет назад по Горе нельзя было ходить всюду. На высоком плато в северной части острова размещалась французская военная база. Ныне там пустынно, и дальнобойные орудия, с которых сняты приборы, ржавеют под тропическими дождями, как якорь со старого корабля, который лежит на прибрежных камнях у выхода в океан из «дома рабов».

...В Сен-Луи на улице меня остановил высокий старик сенегалец в красной феске и приветливо спросил, из какой я страны.

— Я русский,— ответил я.

— Русский! — воскликнул он.— Я знаю русских. Мы вместе воевали в девятьсот четырнадцатом.

Так я познакомился с Масеном Н'Яем, рыбаком из деревни Гует-Н'Дар, бывшим сенегальским стрелком.

Оказалось, что в Сен-Луи хорошо знают мою родину. Однажды мне пришлось отвечать сенегальцу — любителю футбола на вопросы о московском «Спартаке» и объяснять, почему не играет Игорь Нетто. В другой раз меня спросили, не переменил ли адрес Дом дружбы с народами зарубежных стран. Оказалось, что этот человек, который регулярно переписывается с Ассоциацией дружбы с народами Африки, давно не получал писем из Москвы. Еще мне пришлось рассказывать о своей стране молодому французу — учителю из лицея имени Шарля де Голля в Сен-Луи.

Сен-Луи расположен на острове в самом устье реки Сенегал. Длинная песчаная коса еще долго отделяет речные воды от выхода в океан. На этой косе — она называется Варварийской — стоит рыбацкая деревня Гует-Н'Дар. В Сен-Луи нет крупной промышленности. Долгое время город был административным центром во Французской Западной Африке. Его по сей день называют городом чиновников. Теперь есть планы создания здесь крупного рыболовецкого порта, строительства предприятий по обработке рыбы. Но это пока планы. А сейчас своей рыбой Сен-Луи славится благодаря деревне Гует-Н'Дар. За ней, свежей и вяленой, приезжают торговцы изо всех уголков Сенегала.

Шесть месяцев в году почти каждый день отважные рыбаки Гует-Н'Дара выходят на своих остроносых пирогах в открытый океан, на отмели у берегов Северо-Западной Африки, богатые рыбой. Их пироги делаются из легкого дерева, которое называется сырным деревом. Оно растет в Казамансе. Там его рубят, а в Сен-Луи искусные плотники сооружают из стволов подвижные и изящные лодки. Нехитрая у рыбаков снасть: прочный шнур длиной иногда до восьмидесяти метров с грузилом и крючком. Способ ловли традиционный, переходящий из поколения в поколение. Отец учит искусству рыбной ловли сына, и оно вместе с лодкой передается как наследство. Время, правда, тоже изменило кое-что в этом нелегком труде. Теперь у рыбаков не весла, а моторы. Труд стал легче, уловы побогаче. Но рыбные запасы этих мест гораздо больше, чем то, что удается выловить жителям Гует-Н'Дара за сезон. Специалисты считают, что без всякого ущерба здесь можно ловить до 250 тысяч тонн рыбы в год. А сейчас рыбаки добывают каждый год шесть-семь тысяч тонн.

Сюда бы иную технику, новую организацию труда...

В деревне Гует-Н'Дар одна улица, вокруг которой в невообразимой тесноте столпились жилища рыбаков. Чтобы пробраться к нужному дому, иногда приходится идти боком.

Именно так однажды вечером я и пробирался, утопая по щиколотку в песке, к дому Масена Н'Яя, который пригласил меня к себе. В крохотном дворике, куда выходили сразу двери пяти домов, и застал все семейство во главе с Н'Яем.

— Жаль, что ты пришел так поздно,— сказал он, поглаживая выбритую до блеска голову. Его красная феска, такая, какую когда-то носили сенегальские стрелки, лежала рядом на стуле.— Жаль. Видишь, сыновья уже вернулись. А то бы они взяли тебя с собой в океан.

Потом он горделиво показал мне моторы — у него их два,— познакомил с каждым членом семейства и начал рассказывать мне о труде рыбака. О том, как надо искать места, где есть рыба, об умении вывести лодку на берег в прибрежных волнах так, чтобы вода не захлестнула людей, об обычае задабривать море в начале рыболовного сезона, когда с лодки один из рыбаков разбрасывает вдоль берега специально сваренный кускус — блюдо из пшеницы и мяса,— и всякие другие разности о рыбацкой жизни. Я слушал внимательно, наслаждаясь этой экзотикой, как вдруг Н'Яй прервал свой рассказ и спросил:

— А в твоей стране бывает снег?

И, получив утвердительный ответ, сказал:

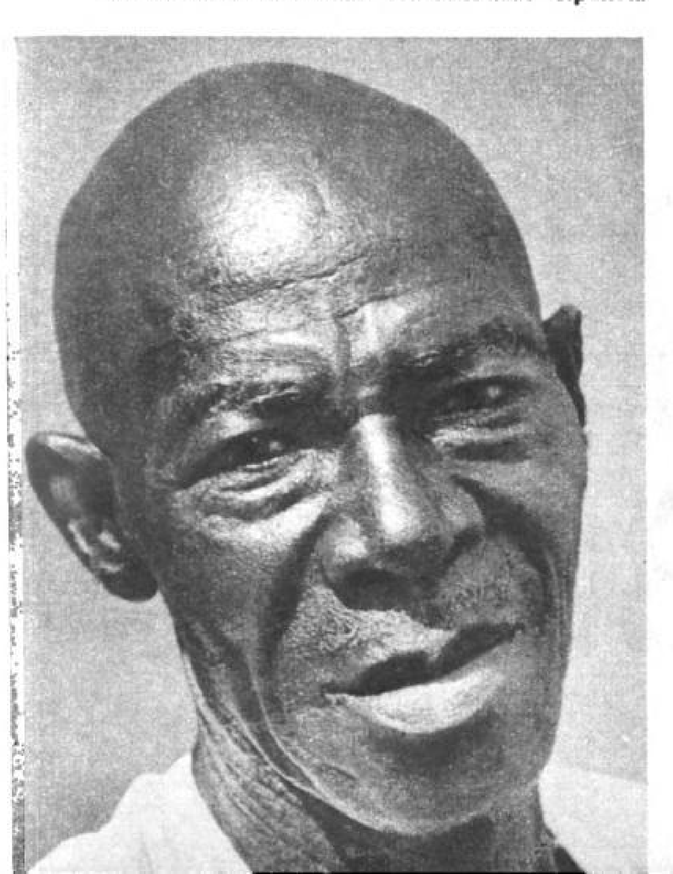
— Я знаю, что такое снег. Я его видел в Европе. Однажды мы сидели в окопах, когда он повалил на нас, густой-густой...

Теперь его внимательно слушали сыновья. Снег для них был тоже экзотикой.

Уезжая из Сен-Луи, я очень жалел, что мне не удалось выйти в океан вместе с рыбаками. Одна дорога осталась непройденной.

Ну что ж, может быть, в другой раз мне повезет...

Масен Н'Яй — бывший сенегальский стрелок.

Солдаты идут!.. (Сен-Луи).

В путь-дорогу.

Жители Гует-Н'Дара—искусные рыбаки.

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС,
лауреат Ленинской премии

Хлеб и слово

1

Ты хлеб мне дала
и слово,
тело дала
и душу.
Ты мне протянула щедро
свою материнскую руку
и сказала: — Отныне
твой хлеб вот здесь,
а не где-то.
Потом сказала:
— Послушай,
отныне, как хлеб насущный,
именно здесь, а не где-то
будет твоя книга...

Жалобно блеяли овцы,
а я на пень поднимался,
и дроздовое скерцо
в самодельную дудку
насвистывал самозабвенно.
Потом на пеньке дубовом,
как на столе домашнем,
я раскладывал книгу,
листал и неспешно думал:
— Вот он, мой хлеб насущный!

А ты колыбельную пела:
«Белые равнины,
черные овечки.
Надобно уменье,
чтобы их пасти».

Я помню, что белые овцы
были послушны подпаску,
я помню, что черные овцы
не слушались и разбегались...

Черные крошки хлеба
упали на белую книгу,
словно черные буквы,
словно знаки вопросов.

— Скажи мне, зернышко хлеба,
кто же тебя посеял?
Много ли ты настрадалось
от засухи и мороза?

Мне зерно отвечало:
— Пахарь меня посеял,
почва меня взрастила.
Много морозов и засух
вынесло я, покуда
выросло и созрело,
чтобы вас накормить.

Глядели из белой книги
черные буквы, словно
крошки черного хлеба...
И я, осмелев, спросил:
— Скажи мне, зернышко слова,
кто же тебя посеял,
вырастил кто, поведай?
Сколько помнишь морозов,
сколько помнишь несчастий?

Мне отвечало слово:
— Поэт меня посеял,
почва меня взрастила,
и вопреки морозам,
и вопреки несчастьям
все-таки я созрело,
чтобы вас накормить:
«...берите меня и читайте!»

И я проглотил то слово,
ставшее мне отныне
куском насущного хлеба.

2

Я читаю,
медленно читаю
пожелтевшие страницы книги,
в смысл вникаю.
Мудрость обретаю,
пред которой смерть и время сникли.
В этой книге каждая страница,
как волна балтийская, сурова,
но глядишь —
нет-нет и загорится
янтарем искрящееся слово.
Каждая страница в этой книге —
словно слой подзолистый, сыпучий,
где тянулись борозды, как нити
под сохой,
старинною, скрипучей...
В этой книге каждая страница,
как земля,
где рожь произрастала,
чтоб в средине лета колоситься,
в час, когда кукушка куковала.
Колосилось золотое слово,
пахнущее солнцем и землею,
пахнущее ароматом солнца,
колосилось золотое слово,
сдобренное солнцем и слезою,
сдобренное кровью или солью.
Колосилось золотое слово,
воевавшее с чертополохом,
слог за слогом из земли вставало,
в дождь и ветер трепетало слово,
ежилось на холоде жестоком,
но тепло свое не растеряло.
Мужеством пропитанное слово
уходило в битву, воевало,
возвращалось в отблесках победы...
Славою сияющее слово,
где все буквы, словно монументы,
словно героические вехи...
Зрелостью отмеченное слово,
мне знакомы все твои приметы,
ты мой хлеб отныне и навеки.
Вечностью отвеянное слово...
Мы плетем венки своим героям
из дубовых, из зеленых листьев...
Чуть забудусь —
слышу я порою,
пожелтевшие листы листая,
как призыв: «...берите... и читайте!»
Слово,
пробудившее отвагу,
только с этим словом в землю лягу.

3

Как зерно никогда не умрет,
потому что нет плоти без хлеба,
так и слово вовек не умрет,
потому что душа не живет
без него, как без хлеба.

Из зерна вырастает зерно,
чтобы рос человечий достаток.
Так и слово: посеешь одно,
а глядишь — вырастает десяток.

Как весною росток из зерна —
слово тянется по вертикали
прямо к солнцу в далекие дали
и под ветром звенит, как струна...
Мы когда-то его прочитали...
О, великие судьбы зерна,
о которых мы с вами мечтали!

Перевел с литовского
Станислав КУНЯЕВ.

ОСЕНЬ НАД ВОЛГОЙ

Осень над Волгой. Вроде бы, как и в августе, воздух весь пронизан солнцем. Но теперь не жарким, не колючим, а мягким, шелковистым. И уже без белесой мглы он, без сизой дымки — по-осеннему чист и прозрачен. И безветрен, покоен. Словно бы угомонился и притих, задумавшись перед скорой порой ненастий.

Я сижу на высоком правом берегу, оглядываю сквозные, незатуманенные дали, привядшие сады с робко пробивающейся желтизной...

Тут же, на берегу, шумная компания. О чем-то спорят. Я прислушался и догадался: у них скоро семинар, посвященный 50-летию Советской власти. Парни и девушки заглядывают в брошюрки, отыскивая даты. Когда запущен Тракторный? Чем знаменит Мамаев курган? Сколько лет Волго-Дону? Для них это история. Книжная, суховатая, которую без особого волнения впитывают памятью рассудка. А для меня, для моих сверстников все это недавняя жизнь, пройденная шаг за шагом. И отзываемся мы на нее больше памятью сердца.

Положить бы им руки на плечи и сказать:

— Закройте, ребята, книжечки! Пойдемте, я проведу вас по следам той жизни.

Пожалуй, я повел бы их прежде всего на площадь Дзержинского. Когда-то здесь стояла наша школа. Теперь на ее месте большой и уютный жилой дом песочного цвета. Только несколько разросшихся акаций и кленов, из тех, что мы сажали в детстве, сохранилось во дворе.

В первый год существования школы мы писали прямо на полу, лежа на животах. Густо пахло кирпичом и известкой. Парт наши отцы еще не успели сделать. Им было очень некогда. Да мы сами, сложив в сторонке тетрадки и книжки, помогали им набрасывать землю в тачки, возводить вокруг строений леса. Мы были плохо одеты, часто голодны. Но почти все, за редким исключением, мы были поэтами. Примечательный факт! «Даешь трактор», многотиражка тех лет, рядом с летописью, повествующей о том, как в степи, на месте арбузных бахчей, рождался первенец советского тракторостроения, хранит и наши порывистые стихи.

В сорок втором наша школа погибла. Мой однокашник Анатолий Шалаев и я узнали об этом из письма. Мы читали его, сидя у гусениц танка в брянском лесу. Потом невесело помолчали.

— А танк-то наш сталинградский,— сказал Анатолий, подняв глаза.

— Да, мне тоже танкисты говорили: получали там, на нашем Тракторном.

Мы оба поднялись и погладили прохладную серую броню — как будто прикоснулись к родной волжской земле...

А тут, у стен Сталинградского тракторного, в те дни было очень жарко. Наши ребята, которые давно уже были не ученики, прямо на конвейере, забив последнюю заклепку, садились на боевую машину и шли к берегам пылавшей Мечетки, навстречу врагу.

А там вон, где теперь монументальная скульптурная фигура рабочего широким жестом показывает на гигантскую плотину Волжской ГЭС, наши ребята в тельняшках и бушлатах с катеров, через борт, кидались на шквальный огонь противника. И поредев, но не устрашась, отряд смельчаков опрокинул врага.

Уже после войны довелось мне как-то вспоминать о флотском отряде вместе с Вениамином Любомирским, начальником Волгоградгидростроя, бывшим комсоргом Сталинградского тракторного. Мы стояли на гребне плотины. Под нами монотонно и могуче, как двадцать водопадов, шумели исполинские гидроагрегаты.

— Жаль, жаль,— сказал Любомирский со вздохом.— И могилы даже не сохранились.— Задумался, еще раз тяжело вздохнул.— Могил нет, зато... всем им общий памятник есть!

Вечерело. Отъехав, мы оглянулись. Плотина вспыхнула огнями. Прекрасное зрелище! Всем им общий памятник!..

Крупнейшая эта гидростанция и молодой город Волжский, раскинувшийся за нею, деловито, «по-свойски» вписались в здешний пейзаж, и уже кажется, что Волга никогда и не существовала без них.

...Никто из моих одноклассников не вышел в настоящие поэты. Да мы и не мечтали о сборниках стихов. Мы волновались «не ради рифмы ладной, а ради жизни складной», как было однажды заявлено в многотиражке «Даешь трактор». И с годами передали это волнение своим сыновьям, смене.

...Две крупные баржи упрямо пробиваются вверх по течению. Утром я видел в порту, как бронзовые потоки свежего зерна низвергались в их широкие зевы. Легко скользит навстречу им красивый дизель-электроход. Пассажиры сгрудились на правом борту, смотрят на город. А над всем этим серебристой паутиной тихо плывет сентябрь.

Хорошо дышится, любо мечтается, когда память сердца хранит добрый, счастливый груз.

П. ЧЕРНУЩЕНКО

Волгоград.

У самой плотины Волжской ГЭС имени XXII съезда КПСС высится монумент строителям коммунизма.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Ветер разносит с палубы секреты, которыми делятся подруги.

Проводник детской железной дороги Вадим Шишляннинков со своего «поста» не видит этого шлюза, но зато его поезд обгоняет все пароходы, идущие по реке.

...астная» пристань. Скоро эти ка...
...ра жителей Волгограда станут на
зимнюю стоянку.

РАЗНОЕ ● ● ● РАЗНОЕ

КОСМОС—ЛЕНИНГРАД—ЦЕЛИНА

Согласитесь, что создать проект монумента на месте приземления Валерия Федоровича Быковского — дело нелегкое и весьма ответственное не только для студентов, но и для профессиональных художников.

Однако монумент, который возвышается сейчас в степи, создан именно по проекту студентов-ленинградцев «мухинцев».

Они знали, что монумент будет построен на деньги, которые заработали на субботниках их сверстники — комсомольцы Кокчетава и области. И авторы проекта работали над ним целый год. Искали самый дешевый материал, самое лаконичное решение темы.

Впрочем, работали над памятником не только Станислав Медведев, Иван Курбатов, Александр Симаков и Анатолий Иванов. Удачи авторов проекта были радостью для всего Ленинградского высшего художественно-промышленного училища имени Мухиной, а неудачи переживали все: и директор училища, и руководитель группы, и товарищи-студенты.

Наконец был создан окончательный проект монумента, увидев который авторитетная комиссия единогласно решила: «Принять». 13-метровая стальная стела, устремленная в небо, барельефы, выполненные в бетоне,— воздушный шар, самолет, спутники Земли...

В то время, как «мухинцы» дорабатывали проект, в Ленинградском инженерно-строительном институте старенький «Урал» рассчитывал конструкции. И вскоре на целину отправились старшекурсники строительного факультета Михаил Ярин, Виктор Данилов, Володя Козлов, Михаил Домаренок, Валерий Строганов и Слава Кузин. Именно они, молодые строители, но уже бывалые целинники, получили право строить памятник.

...Небольшое по целинным масштабам поле, окаймленное березовыми колками. Когда сюда приехали студенты-строители, они увидели памятную доску:

«ЗДЕСЬ ПРИЗЕМЛИЛСЯ
19 ИЮНЯ 1963 г.
КОСМОНАВТ-5
ВАЛЕРИЙ БЫКОВСКИЙ».

Ребята рыли траншеи под фундамент и ставили опалубку, монтировали железобетонные плиты и заливали бетон. Трудились по десять часов, как принято во всех студенческих отрядах, а работы, казалось, не убавлялось. В прошлом году они уезжали отсюда уже в распутицу.

Нынешней зимой М. Ярин и М. Домаренок защитили дипломы и начали работать: один — в Сегеже, другой — в Барнауле. Но на целину они все же приехали и в этом году. Попросили начальство дать им отпуска за свой счет. Им хотелось закончить возведение монумента, увидеть свою работу завершенной.

Студенты строили, а в цехах Кокчетавского механического завода и на площадках завода железобетонных изделий комсомольцы во внеурочное время тоже работали на монумент. Слесари делали стелу, авторы проекта вместе с рабочими отливали барельефы и надписи.

В. ЧЕГАЕВ

На снимке: фрагмент барельефа «Космонавт».

Фото В. Тихомирова.

ПРЕМЬЕРА НАЗНАЧЕНА В ТОКИО

Раскрытая грудная клетка. Словно резиновая камера, из которой выпустили воздух, лежит опавшее, бездыханное легкое. Идет операция. Пальцы хирурга прикасаются к бронху, короткой — всего несколько сантиметров — трубке, соединяющей трахею с легким. Бронх у больного, лежащего на столе, поврежден. Образовавшийся рубец задерживает воздух, не дает ему проходить в легкое. Но вот бронх рассечен, удален его поврежденный участок. Теперь надо соединить две маленькие трубочки, сшить их намертво, конец в конец, так, чтобы не осталось ни единого отверстия, куда бы мог просочиться воздух. А рядом колышется сердце, пульсирует кровь в аорте... Пальцы, гибкие, пластичные, смелые пальцы хирурга, действуют четко и уверенно, делают то, что кажется невероятным.

Бронх сшит. Легкое расправляется, наполняется воздухом, оживает. Легкое дышит!..

Это не репортаж из операционной, а кадр из кинофильма «Пластические операции на бронхах», созданного на Центральной студии научно-популярных фильмов. Премьера его состоится в октябре в Токио, на Всемирном конгрессе онкологов.

Прокомментировать фильм мы попросили одного из его авторов и участников, профессора М. И. Перельмана.

— Этот фильм,— сказал Михаил Израилевич,— о новом в грудной хирургии. До недавнего времени при серьезных повреждениях бронхов врачи вынуждены были целиком удалять легкое, здоровое, работоспособное легкое! И, конечно, специалисты во многих странах мира — Матей во Франции, Гебауэр на Гавайских островах, Джонстон и Джоунс в США, академик Б. В. Петровский, А. П. Кузьмичев и я в Москве, в Институте клинической и экспериментальной хирургии,— упорно разрабатывали способы, которые позволили бы при таких заболеваниях сохранить человеку легкое. К тому времени, когда мы начали работать над этой проблемой, хирурги уже смело вторгались в сердце, умели сшивать крупные и мелкие кровеносные сосуды. Однако бронхи все еще оставались малодоступными. Вся трудность операции заключается в том, чтобы наложить анастомоз — сшить две части рассеченного бронха. Прежде чем приступить к операциям на людях, были проделаны десятки экспериментов на собаках. А операция, заснятая в кино, это уже восьмидесятая операция с пластикой бронха, выполненная в нашем институте.

Фильм, снятый Р. Мульвидсоном, строго документален, и цель его сугубо утилитарна — познакомить хирургов с методикой сложнейших операций на бронхах. Однако его нельзя смотреть без волнения, потому что это настоящая поэма о труде хирурга.

Л. КАФАНОВА

Идет операция. Кадр из фильма.

ТАЙНА МГВИМЕВСКОЙ ПЕЩЕРЫ

Еле заметная тропа вела от рудника в глухой лес. Сейчас ее нет. И леса тоже нет: давным-давно вырубили. Вход в пещеру открыт. А раньше его надежно скрывал ствол могучего дуба. Можно было выйти из рудника, свернуть в темный лес, юркнуть за ствол дуба...

Давид Ломадзе так и делал. Он тогда учился в городском училище и все свободное время околачивался на руднике. Все знали: он сын горного штейгера, профсоюзного деятеля, убитого провокатором в 1910 году. Рудник воспитывал сироту. Кто-то из большевиков обучил парнишку наборному делу.

Давиду было шестнадцать, когда в Чиатурах, на марганцевых рудниках, вспыхнула грандиозная стачка. Бастовали 10 тысяч человек. К ним присоединились грузчики станции Шоропани, портовики Батуми и Поти, все, кто работал на хозяев марганца. Стачка длилась пятьдесят пять дней и кончилась полной победой рабочих. Это было в 1913 году. О стачке сообщалось в газете «Правда»: «В Чиатурах, на марганцевых рудниках, некоторые фирмы соглашаются удовлетворить все требования рабочих...», «Рабочими решено стоять до конца, пока не будут удовлетворены их требования на всех фирмах...». Эту стойкость и солидарность в рабочих поддерживали прокламации, выпускавшиеся в ходе стачки.

Сначала типографию прятали в заброшенном штреке рудника. Но очень скоро обнаружилось, что печатать там нельзя: сыро, расползаются и бумага и краски. Спешно перенесли типографию в Мгвимевскую пещеру, в глухом лесу недалеко от рудника. Жандармы сбились с ног. В своих донесениях они сообщали: в Чиатурах есть тайная типография, но обнаружить ее пока не удается. А в это время в лесной пещере при свете слабого огонька «летучей мыши» стояли над наборной кассой два паренька — Давид Ломадзе и его друг из училища Амбросий Рамишвили. Перед ними лежал текст листовки с визой члена забастовочного комитета, большевика Галактиона Вашадзе. Друзья и еще несколько ребят расклеивали прокламации по городу.

И вот теперь Давид Владимирович Ломадзе впервые после тех лет пришел к Мгвимевской пещере. Что же было с ним все эти годы? В 1917 году — первый председатель комсомольской организации Кутаиси. В 1918-м — член штаба Сачхерского восстания против меньшевистского режима. В 1921-м — секретарь Чиатурской партийной организации. В начале 1922 года был послан учиться за границу, окончил Венский университет, вернулся с дипломом экономиста и юриста, был на советской работе...

Прокламации Мгвимевской типографии обнаружила в архивах старший научный сотрудник Института истории партии при ЦК КП Грузии Зинаида Торниковна Гегешидзе. Она же разыскала и Ломадзе. Выяснилось, что после окончания стачки ему поручили укрыть от полицейских ищеек часть типографского оборудования. Он спрятал эту часть в трех тайниках — в самой пещере, в ближайшем монастыре и на горе.

Вместе с Давидом Владимировичем пришли в пещеру рабочие рудника имени Калинина. Они выгребли из пещеры 10 кубометров земли, просеяли ее. Бывший наборщик прощупал своими руками каждую горсть. Шрифты, линейки, шпоны, заржавевшее шило, часть печатного валика, куски хрупкой резины, осколки фонаря... Дорогие реликвии!..

А где же остальное? Это еще предстоит разыскать. Давид Владимирович уже напал на след оборудования, запрятанного другим участником стачки. Он уверен: все будет найдено.

Ия МЕСХИ

Давид Ломадзе пришел в пещеру, где была спрятана подпольная Чиатурская типография.

ГИТАРА ВЫСОТСКОГО...

Сто семьдесят пять лет минет со дня рождения замечательного русского композитора, музыканта-гитариста Михаила Тимофеевича Высотского.

Родился он в подмосковном имении, принадлежавшем поэту М. Хераскову; отец Высотского был крепостным. Известный московский гитарист С. Аксенов часто приезжал к Хераскову погостить; случалось, что Миша Высотский забегал в комнату, пользуясь отсутствием гостя, брал гитару и наигрывал знакомые мелодии... Однажды гость застал у себя мальчика, тот хотел убежать, но Аксенов сказал: «Э, брат, теперь попался, садись и смотри...» И начал показывать ему ноты.

Аксенов угадал в Высотском крупное музыкальное дарование. И действительно, талантливый ученик делал быстрые успехи. Впоследствии Высотский занимался с Аксеновым как с товарищем по искусству, когда в 1813 году получил «вольную» и поселился в Москве.

А вот как вспоминал о Высотском его ученик — писатель М. А. Стахович:

«Мне было 13 лет, когда мне приказали учиться на гитаре; вечером знаменитый московский гитарный мастер Иван Яковлевич Краснощеков пришел вместе с учителем, человеком в длиннополом сюртуке, который сидел молча в углу залы... Один пришедший к нам студент спросил, откуда это явилась гитара.

— Да мне учителя наняли на гитаре учиться.

— Кого?

— Высотского какого-то...

— Высотского?! — воскликнул он.— Да это первая знаменитость! Это... это...— И он не нашел слов, как достойно восхвалить Высотского».

Высотский обладал богатой художественной фантазией. Труднейшие технические комбинации выливались в его сочинениях естественнейшим образом. Гитарист дал всего лишь несколько концертов в Москве и в провинции, но они вызывали восторженные овации; на одном из них исполнителю поднесли большой лавровый венок... Будучи скромным человеком, Высотский предпочитал небольшой кружок учеников и людей, истинно любящих музыку. Не раз за ним присылали кареты, сулили большие деньги, а он уходил куда-нибудь к любимому ученику, где и играл до рассвета. В жизни музыкант был беспечен и, несмотря на большое количество уроков, нуждался. Иногда, в особо затруднительных случаях, он садился с гитарою в руках у раскрытого окна, выходившего во двор. Быстро двор наполнялся слушателями; плата была самая дешевая, а деньги шли в уплату за квартиру...

Нужда, слабое здоровье подтачивали организм Высотского. Однажды его нашли мертвым в овраге...

Гитариста любил слушать М. Ю. Лермонтов; под впечатлением его игры поэт написал и подарил ему стихотворение «Звуки».

«Что за звуки! Неподвижен внемлю
Сладким звукам я;
Забывая вечность, небо, землю,
Самого себя...»

В. САЗОНОВ

ВПЕРЕДИ — ВЕНА

Владимир ПАХОМОВ

Давно ли хоккей владел умами любителей спорта и блеск золотых медалей, полученных на чемпионате мира в Югославии, затмевал все остальные спортивные увлечения! И вот снова вышли на лед хоккеисты. Началась подготовка к встрече сильнейших команд мира, на сей раз в Австрии. Что же ждет нас в новом сезоне? Но прежде чем заглянуть в будущее, совершим небольшой экскурс в далекое и близкое прошлое.

* * *

1947 год. Играют команды «Спартак» и «Динамо».

Хоккей с шайбой долгое время был у нас в опале: его считали грубым видом спорта. Попытки известных футболистов Андрея Старостина и Сергея Артемьева испытать свои силы во встречах с зарубежными соперниками (в начале 1932 года в нашу страну приезжали хоккеисты немецкого рабочего спортивного союза «Фихте») не имели особого успеха. Журнал «Физкультура и спорт» так писал о столь популярной ныне игре: «Игра носит сугубо индивидуальный и примитивный характер, весьма бедна комбинациями».

Лишь после войны с легкой руки студентов столичного института физкультуры началось повальное увлечение новым видом хоккея. 22 декабря 1946 года можно считать днем рождения хоккея с шайбой в нашей стране. В этот день в различных городах страны состоялись первые матчи чемпионата СССР.

С тех пор прошло двадцать лет. Нельзя без улыбки смотреть на фотографии, запечатлевшие первые матчи. Низкие бортики, почти полное отсутствие защитных доспехов, вместо рукавиц — лайковые перчатки. Литая каучуковая шайба казалась тяжелой: передачи ее шли главным образом по льду...

И вот советские спортсмены в совершенстве освоили хоккей. Сборная СССР — десятикратный чемпион Европы, она шесть раз (причем четырежды подряд) возвращалась с первенства мира с золотыми медалями.

Но с каждым годом все труднее советским хоккеистам удерживать лидерство. Это показал последний чемпионат мира в Любляне.

Чехословацкая команда. Она была вовсе не слаба, хоть и проиграла нам с редким счетом —7:1. Просто, готовясь к югославской встрече, тренеры наших друзей, совершенствуя техническое мастерство спортсменов, допустили серьезные просчеты в физической подготовке. Сейчас, как сообщает об этом чехословацкая печать, взят курс на то, чтобы в физической тренировке сравняться с советскими хоккеистами. И, осуществляя свой план, чехословацкая команда начала сразу же после чемпионата в Любляне подготовку к Вене, где состоится чемпионат мира 1967 года. И притом с новым тренером. Владимира Боузека, теперь возглавляющего кафедру физического воспитания, и Владимира Костка, перешедшего на научную работу, сменил Ярослав Питнер из армейской команды «Дукла».

В Любляне проявилось немало слабых сторон в защитной линии чехословацкой сборной, да и некоторые нападающие играли ниже своих возможностей, и Ярослав Питнер решил провести конкурс среди сильнейших хоккеистов страны за право выступать в сборной. На каждое место претендует по два-три сильных спортсмена. Даже место в воротах, помимо опытного Дзуриллы и его прошлогоднего дублера Холечека, оспаривают молодые спортсмены Лацки из «Теслы» и Воли из «Спарты».

Да, судя по всему, на венский лед чехословацкая сборная выйдет значительно обновленной. Уже сейчас известно, что мы не увидим больше таких выдающихся нападающих, как Йозеф Голонка и Ярослав Иржик.

Тренеры наших друзей не скрывают, что они намерены взять на вооружение все, чем богат современный хоккей. Если же учесть высокое мастерство, всегда присущее чехословацкому хоккею, то легко представить себе, какой

грозной силой он может стать в самом недалеком будущем.

Всерьез намерены добиваться в Вене золота и шведы. За четыре года сборная СССР потеряла на чемпионатах мира три очка. И все в игре со шведскими хоккеистами! Немало огорчений доставила нам в прошлом команда «Тре крунур» — «Три короны». Готовясь к чемпионату мира 1966 года в Любляне, сборная СССР несколько раз встречалась со значительно обновленной шведской сборной. В декабре 1965 года советские хоккеисты легко победили, спустя три недели — на турнире в Колорадо-Спрингс — добились выигрыша лишь с перевесом в одну шайбу, заброшенную на последней минуте, а в марте нынешнего года на чемпионате мира сыграли вничью. Вспомним, что ничья со шведами на чемпионате мира 1957 года в Москве лишила нас первенства.

товке. А ведь совсем недавно лучшие игроки сборной Швеции (например, вратарь Свенссон, нападающие Стернер и Тумба) с благословения того же Стрёмберга ездили на стажировку не к нам, а в клубы канадско-американской профессиональной лиги. Что и говорить, времена меняются! Ныне Арне Стрёмберг ориентирует свою федерацию не на поездки за океан, а на встречи с советскими хоккеистами.

Нет никакого сомнения, что в Вене шведская сборная будет представлять для нас такую же грозную силу, как сборная Чехословакии. И все же при всем нашем уважении к шведской или чехословацкой командам соперником номер один для сборной СССР остаются канадские хоккеисты. Они все-таки здорово умеют играть в хоккей, хотя в Любляне лишь впервые за последние три года завоевали медали, да и то

сборную команду СССР? В прежние годы уже в августе сборная выходила на лед. В этом году занятия строятся иначе. Сейчас тренировки звеньев из сборной проходят в клубных командах. Зато теперь с тренеров клубных команд спрос вдвойне: они должны подготовить звено или несколько звеньев так, чтобы их питомцы сразу с блеском заиграли в сборной.

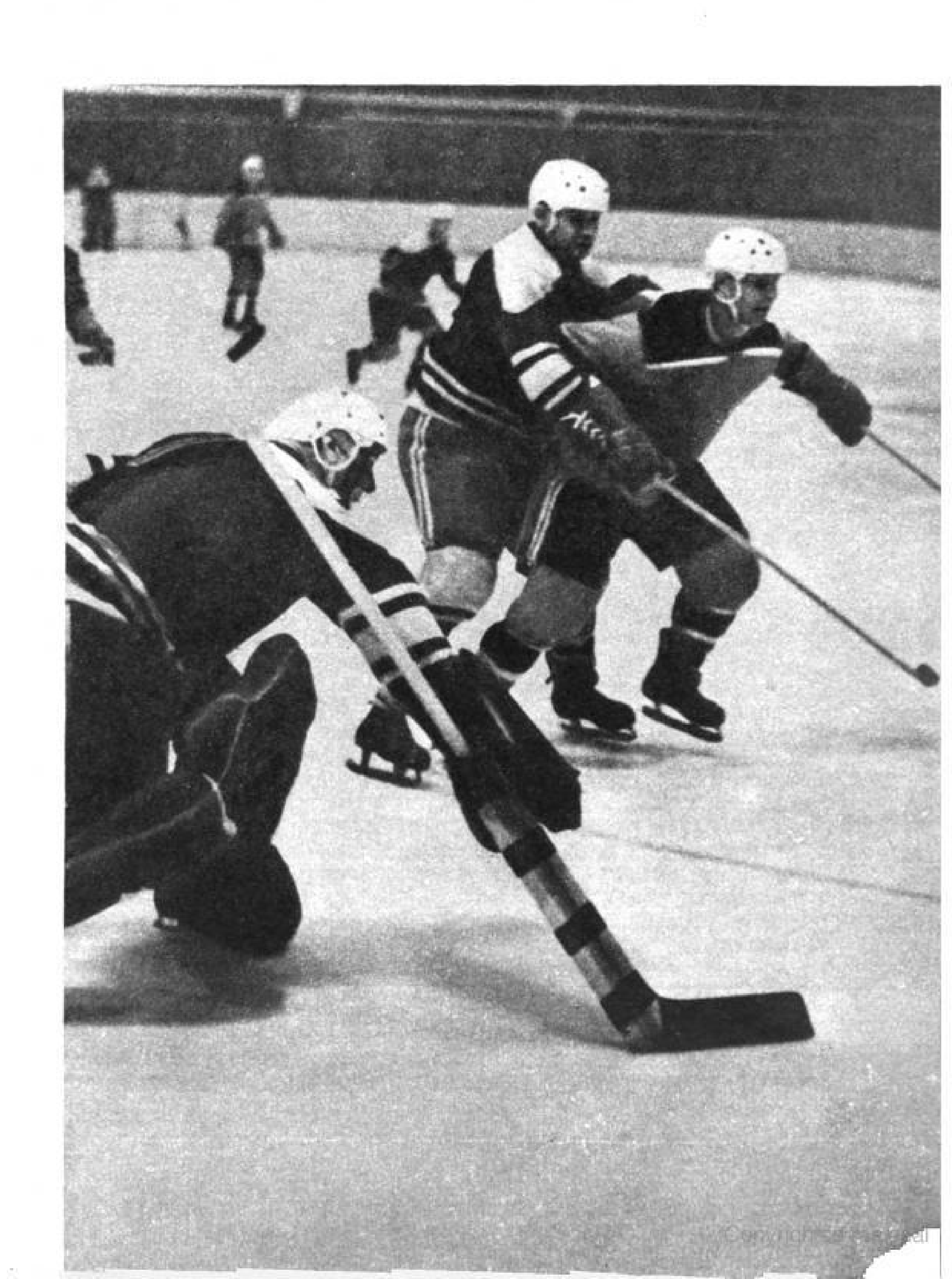
Особенно велики требования тренера сборной А. Тарасова к тренеру армейских хоккеистов... А. Тарасову: ведь основной костяк сборной — замечательные армейские спортсмены. Да, Тарасов, один из руководителей сборной страны, может быть доволен своей работой в команде армейцев. Высоко его мастерство. Он умеет построить тренировку так, что его питомцы занимаются самозабвенно, стремятся без устали к высотам мастерства. Помнится, как в состав ЦСКА год назад зачислили 19-летних нападающих В. Полупанова, В. Викулова. В сборной молодежной СССР они были далеко не лучшими, тем не менее за год настолько выросли, что их включили в поездку в Любляну, где они вместе с лучшими хоккеистами страны стали чемпионами мира и Европы.

Костяк сборной, как мы уже сказали, составят хоккеисты ЦСКА. Игрокам других команд предстоит нелегкая борьба за место в сборной. Кто наденет алые свитера с буквами «СССР», пока сказать трудно. Быть может, наконец разыграются динамовские форварды И. Самочернов, А. Мотовилов, В. Шилов или хорошо зарекомендовавшие себя спартаковские нападающие Е. Зимин, В.

Ярославцев, А. Якушев, а может, игроки «Крыльев Советов» — И. Городецкий, В. Петров, железнодорожники Б. Михайлов, С. Шалимов?

Как видите, новых имен в линии нападения много, а вот с пополнением защитников дело обстоит значительно хуже, но будем надеяться, что с первыми играми на первенство страны лед тронется. Что же касается старой гвардии сборной СССР, тех, кто выступал в Стокгольме, Инсбруке, Тампере, Любляне, то, пожалуй, никто из них не намерен спокойно сдать свои позиции.

Сборную СССР наши любители хоккея увидят в конце ноября — начале декабря, когда в Москву прибудут сборные Чехословакии и Швеции. Но есть надежда, что этими встречами подготовка к мировому чемпионату не ограничится и москвичи увидят команду канадских профессионалов. До сих пор Международная лига хоккея на льду возражала против встреч любительских и профессиональных команд, но на последнем конгрессе лиги председатель Федерации хоккея СССР В. Алехин доказал, что эти встречи будут чрезвычайно полезны для дальнейшего роста мастерства любительского хоккея. Теперь показательные встречи любителей и профессионалов разрешены. Таким образом, сильнейшая любительская команда мира — сборная СССР — получит наконец возможность проверить свои силы в борьбе с командами «большой шестерки», как называют лучшие профессиональные команды, входящие в канадско-американскую профессиональную лигу.

1966 год. Так играют в хоккей с шайбой сегодня.

Фото М. Волковой и А. Бочинина.

В отличие от своих предшественников дебютанты «Тре крунур» играли в Любляне на высокой скорости, в острокомбинационном стиле, однако шведская печать довольно критически оценила результаты команды. Газета «Идроттсбладет», например, писала, что, несмотря на почетную ничью с чемпионами мира, шведы оставили безотрадное впечатление своей «мягкой» манерой игры.

Арне Стрёмберг, тренер шведской команды, видимо, отвечая на критическую оценку сборной, уже летом внес существенные коррективы в систему тренировок. Недавно я познакомился с тренировкой, применяемой Стрёмбергом. В цикл входят упражнения с отягощениями, очень напоминающие те, которые применяет А. Тарасов на тренировках хоккеистов ЦСКА. Шведы предлагают нашей федерации обмен тренерами и методическими пособиями. Их очень интересуют упражнения по развитию специальной силы. Они присылают запросы относительно практикуемых советскими хоккеистами нормативов по общефизической подго-

самой низкой пробы — бронзовые.

После того как хоккеисты Канады стали возвращаться домой без наград, в парламент посыпались запросы. Речь шла о национальном престиже, болельщики требовали создания сильной сборной. Теперь на родине хоккея создана команда, костяк которой сохраняется уже в течение трех лет. И с каждым годом эта команда играет все сильнее. Уже в Любляне канадцы могли сыграть значительно лучше, но им просто не повезло.

Пока что трудно говорить, в каком составе выступят канадцы на очередном чемпионате мира в австрийской столице, но, видимо, в Вене мы увидим наших старых знакомых по Тампере и Любляне. Советским хоккеистам предстоит снова столкнуться с безупречной игрой оборонной линии канадской сборной во главе с неувядаемым вратарем Мартином, снова испытать мощное силовое давление нападающих и их внезапные точные броски по воротам.

Как же А. И. Чернышев и А. В. Тарасов готовят к новым баталиям

Джон МОРРИСОН

НА СТАРОЙ ФЕ

Рассказ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Это были хорошие истории. И мы могли бы весело провести время за столом, если бы он позволил жене хотя бы раз открыть рот. То, о чем он рассказывал, было делом и ее жизни, но о жене он даже не упомянул, ни разу не улыбнулся ей, не обратился по-дружески за подтверждением. Словно за столом были только двое: я да он. Впрочем, Эйда и не пыталась вставить слово, видимо, ей было привычно такое пренебрежение мужа. Правда, свою отрешенность она несла с достоинством, еле заметная горечь чувствовалась только в том, что она все время сидела с опущенной головой. Мне на мгновение показалось, что она хочет почерпнуть силы у меня и видит, что я понимаю ее и сочувствую ей.

Я стал разглядывать вилку и нож, которыми орудовал Рой. Вилка с длинными зубьями, оправленная в черную кость, была самодельной. Ножом, должно быть, когда-то снимали шкуры с овец, а теперь от лезвия остался лишь небольшой остроконечный треугольник, вставленный в деревяшку, аккуратно обмотанную веревкой. Этот столовый прибор, наверное, служил Рою с начала их супружества. Опрятный, хозяйственный человек, у которого долго живут вещи! Мне не понравилась, правда, его манера подбирать куском хлеба остатки соуса и то, как он отталкивал от себя тарелку, выпрямлялся на стуле, расправлял плечи и высматривал, что будет на следующее блюдо. От всего этого отдавало самоуверенностью и самодовольством собственника.

Для старой женщины Эйда ела с завидным аппетитом, может быть, чуть торопливо разжевывала мясо, но держала она себя с некоторым даже изяществом.

Не раз пытался я вовлечь ее в разговор, если это можно назвать разговором, но Рой тут же отстранял ее, словно рукой отводил. Я похвалил ее лепешки и получил в ответ мимолетную благодарную улыбку. Но прежде чем мы смогли обменяться двумя фразами, Рой уже перехватил нить разговора.

— Знаете, Боб, эти лепешки получали премию на всех выставках — от Вибы до Динсдэйла. А там, где были ее лепешки, был и мой скот! Маленькое, правда, стадо, но хорошее. Был у меня, например, джерсейский бычок...

Только один раз мне удалось воспользоваться мимолетной передышкой, и я спросил хозяйку о ее дочерях.

— Все они вышли замуж и уехали,— проговорила она спокойно, ровным голосом.

— А внуки? — Я улыбнулся удачному повороту темы и уже не смотрел на Роя, но тот уставился на жену неподвижным взглядом.

— Внуков и внучек одиннадцать,— сказала Эйда,— но мы их редко видим.

Она как будто хотела что-то добавить, но Рой тут же перебил ее:

— Из дочерей только одна живет в этой местности, Боб. Остальные переехали на житье в город. Я уже давно ничего о них не знаю.— Он не сделал особого ударения на этом «я», но все-таки оно прозвучало многозначительно.

— Вы, кажется, сказали, что у вас тут зять живет поблизости? — продолжал я без всякого умысла, просто чтобы поддержать беседу.

Эйда встала, взяла свою тарелку и вышла из комнаты. Рой помолчал, разглаживая пальцами скатерть.

— Сказать правду, Боб, этот зять — парень не первого сорта. Слишком любит того... Вы понимаете, о чем я говорю. Вот уж чего не терплю — пьяниц и трутней! Торчит все время в кабаке или у ворот, болтает с такими же бездельниками. Не пойму я его никак...

— Надо знать меру,— заметил я осторожно.— Я, например, тоже иногда не прочь.

— А я и не пробовал никогда! И не стану, хоть режь меня на куски.

— Я знаю неплохих людей, которые любят выпить пива...

— А я знаю хороших людей, которые не любят! Пиво да скачки — проклятие Австралии!

— Ну, не так уж это все страшно!— Я решил поддразнить его, но ответ его меня поразил.

— Не так страшно? — Морщины вокруг его сузившихся глаз вздрагивали.— Вы взаправду так думаете? Я раскорчевал шестьсот акров земли — один. И знаю парней, которые в жизни не держали топора в руке. Скажите же мне, Боб: почему в такой стране, как Австралия, люди ходят и ищут работы?

— Да, это верно, но...

— А вы думаете, они хотят работать?

— Право же, хотят.

Он глядел на меня, как на безнадежно больного. Эйда вернулась и уселась на свое место. Рой словно выбирал, с какой стороны начать разрушать карточный домик моих заблуждений. А я соображал, насколько далеко могу зайти в споре, как гость.

— Постойте-ка, Боб. Я расскажу вам одну историю. Я немало повидал здесь этих типов, что ходят и спрашивают о топоре, которого не теряли... Так вот, однажды я стою и чиню изгородь. Подходит один такой. Он еще не раскрыл рта, а я уже знаю, чтó он запоет. «Добрый день, хозяин,— говорит,— нет ли случаем работенки?» «Работы сколько угодно, а работенки нет!» — отвечаю я. «Не пойму вас»,— говорит. «Я не держу работников,— объясняю ему.— Не такая у меня ферма. Хочешь, могу дать тебе работу за харчи». У него даже голова дернулась, словно я неприличным словом его обложил. «Значит, не за деньги?» «Не за деньги». «Нанимай тогда ворон на твою ферму! — кричит он.— Хочешь, я сам дам тебе работу? Пойдешь со мной, понесешь мои пожитки и будешь открывать передо мной все ворота, а я буду тебя кормить!»

Я рассмеялся было, но Рой и глазом не моргнул.

— Можете смеяться, Боб, но верьте слову: этот парень выглядел так, будто он сливки снимает со всего австралийского молока...

Атмосфера за столом немного разрядилась, и он снова вернулся к своим излюбленным лошадям. Но когда Эйда начала собирать посуду со стола, он встал тоже. Я спросил, могу ли закурить. Хозяйка тут же пододвинула мне блюдце.

— У нас нет пепельниц, мистер Джонсон.— Ее робкая улыбка была как тайный сигнал мне.

— И никогда их не было в доме! — с гордостью добавил Рой.

Он вышел, вернулся с ведерком горячей воды и вылил ее в таз. Потом, к моему удивлению, стал рядом с Эйдой и принялся вытирать тарелки. Делал он это ловко, аккуратно, как нечто привычное. Это было одно из мелких домашних дел, которые он оставил за собой, чтобы выглядеть хорошим мужем. Но и тут он не преминул объявить, что водопровода у них не было и нет.

— Держу пари, Боб, вам не часто приходилось бывать в доме, где нельзя отвернуть кран?

— Признаюсь, это единственный случай, хотя я много разъезжал по зарослям.

Женщина подняла голову, но и это движение было немедленно перехвачено.

— Я-то знаю, им подавай краны повсюду! — Он скривился в неловкой улыбке.— А если засуха? Если в их чанах не останется воды ни капли? Тогда они начинают хрюкать, словно свиньи в жару. А я за все годы ни разу не оставался без воды! Верно, Эйда?

— Да, это верно,— сказала она. Я не видел ее лица, но, судя по тону, ей хотелось добавить: «Старый болван!»

Не знаю, как это получилось, но у нас установился с Эйдой некий тайный контакт, незаметный для Роя.

— Нужна вода — набери и внеси в дом!— продолжал он.— Тогда ты ее будешь ценить, воду. А краны — это трата воды без удержу. Открываешь кран почем зря, не думая...

Он точными движениями принимал из рук Эйды вымытую посуду. Каждую вещь он ставил на раз навсегда отведенное место в дешевом шкафу: тарелки и блюдца — в ряд на полки, чашки — на крючки, ножи, вилки, ложки — в свои гнезда. Казалось, он считает при этом посуду. Все это смахивало на детскую игру. Ах, если бы Эйде было позволено говорить!..

* * *

Но ей говорить не полагалось. Когда с посудой было покончено, мы снова уселись за стол. По тому, как Рой поправил фитиль в лампе, я понял, что предстоит нечто вроде заседания. Вид у хозяина был такой, словно он собирался начать карточную игру с крупными ставками или спиритический сеанс. Все это становилось каким-то нереальным, призрачным. Ни один звук не доносился извне, ни малейшее дуновение ветра, которое заставило бы вздрогнуть ста-

Окончание. См. «Огонек» № 40.

рый дом. Я обрадовался бы даже такому домашнему звуку, как мурлыканье кошки в углу.

Эйда принесла какое-то вязанье, и я сделал последнюю попытку уравнять ее в правах с остальными собеседниками.

— Для внуков? — спросил я ее.

— Да, для ребенка Мойры,— ответила она, и в ее глазах мелькнула легкая усмешка.— Такие вещи всегда нужны, а купить в магазине дорого.

— Дорого и плохо! — подхватил Рой.— Нет лучше ручного вязанья... Это для девочки, что ли?

Эйда протянула ему вязанье.

— Странное было бы одеяние для мальчика, не правда ли? — заметила она.

Но Рой решил, что уже дал жене полную возможность высказаться. Перегнувшись через стол и как бы отделяя ее от меня, он ткнул в вязанье указательным пальцем.

— Боб, я не устаю повторять ей, что она глупа. Что ни вечер, она сидит, напрягает глаза, а дочка с зятем и в ус не дуют. Даже не поблагодарят ее!

— Ты знаешь очень хорошо, что они благодарят,— сказала Эйда с неожиданной резкостью.

— Что-то они не показывают этого.

— А что же, по-твоему, они должны делать?

— Изредка приезжать повидаться, Эйда. И больше ничего, просто приезжать, чтобы повидаться.

Эйда как будто собиралась сказать что-то еще, но передумала. Она только подняла голову, бросила на мужа презрительный взгляд и снова принялась за вязание. Это выглядело как добросовестная готовность не выносить сор из избы. Но Рой не пошел ей в этом навстречу.

Он долго пыхтел, двигал взад и вперед по столу блюдце, служившее пепельницей, облизывал губы — всем своим видом подчеркивая, что вот, мол, как выводят из терпения серьезного и рассудительного человека.

— Послушайте, Боб,— выговорил он наконец,— невеселое это дело — дочери.

— Стоит ли говорить об этом, Рой? — сказал я.— Ведь в каждой семье...

— Нет, не в каждой! — возразил он.— В моей — одни женщины! И да будет вам известно, что две дочери и носа не показывают к нам в дом с тех пор, как уехали. Одна Мойра приезжает, да и то раз в год по обещанию. Она не стала бы беспокоиться, если бы не беда у нее самой.

— Муж, который пьет?

— Не только это. Его отец оставил ему хорошую ферму, вот он и пускает ее на ветер. Да и чего ждать от человека, который ни черта не смыслит в лошадях?

Мне хотелось пошутить: мы-де уже давно живем в эпоху тракторов! Но я сдержал себя, видя, что разговор возвращается в надежное лошадиное русло.

— А знаете вы, что сотворил однажды этот пьяница, мой зятек? Вот я расскажу вам. У меня была тут одна лошадь, я ее приспособил для объездки других, норовистых лошадей. Маленькая гнедая кобылка в черных яблоках. Купил ее за бесценок, тоже у одного из этих типов, которые не знают что к чему. Не слушалась вожжей, ну, он и махнул на нее рукой. А я купил ее, потрудился как следует, и она стала чудо, а не кобылка. И такая понятливая... Я, бывало, разговариваю с ней, как с человеком. Стоило свистнуть — подбегала ко мне, где бы ни была...

Он замолчал и долго не произносил ни слова.

— Я и восемьдесят фунтов не взял бы за эту кобылку. И как вы думаете, что получилось? Этот распрекрасный зять — тогда он еще не был зятем — опоил мне лошадь. Загубил начисто, будто взял топор и вышиб ей мозги! Он попросил у меня кобылу — съездить в Вибу. Не в моих правилах давать лошадей, не по душе мне это. Но в то время у меня были тут нелады с дочерьми...— Рой бросил быстрый взгляд на Эйду, которая спокойно продолжала вязать.— Я махнул рукой и дал ему кобылу, лишь бы шуму не было. И верите ли, Боб, что он сделал, этот полоумный? Ехал в Вибу и гнал и гнал кобылу все пятнадцать миль! И это в жаркий день! Потом поставил ее в загон к какому-то парню, которого и знал-то едва. А сам отправился в пивную...

Рой хорошо знал, что я еще не уловил, в чем соль истории, и, как хороший рассказчик, дал мне поразмыслить, ошибиться в моих догадках, чтобы потом поразить меня невероятностью того, что произошло! Он так долго смотрел на меня в упор, что я поежился.

— Так вот, он со всех ног кинулся в пивную. Ему и в голову не пришло, что бедная кобылка тоже хочет пить! А может быть, он и подумал об этом, но решил, что пропустит стакан-другой пива и вернется к ней и напоит. И ведь не хватило ума подумать, что моя кобылка может сама уйти искать, где бы напиться. Любой человек, у которого сердце хоть сколько-нибудь лежит к лошадям, осмотрел бы загон и убедился, что она не сможет этого сделать... Ну, а об остальном вы можете догадаться, Боб. Она, конечно, нашла воду. В дальнем конце загона оказалась маленькая запруда, она добралась до нее и напилась вволю. Он вернулся к этому времени, но ничего уже нельзя было поделать... А тут еще удивляются, почему я видеть не могу пьяниц! Я любил эту кобылу, Боб.

* * *

Я готов был многое простить Рою за эти его слова, если бы только не Эйда. Она продолжала вязать, опустив голову, с едва заметной усмешкой на лице. Мне представился этот злосчастный зять, когда ему пришлось рассказать Рою о случившемся. Или эта нелегкая задача легла на Эйду? И кто знает, сколько раз еще приходилось ей брать эту обязанность на себя? Сколько тяжелых, унизительных для нее сцен разыгралось в этих стенах! И сколько потребовалось от нее выдержки, изворотливости, семейной дипломатии! Для меня открывалось что-то новое в этом неподвижном лице, склонившемся над вязаньем: это не была озлобленность, скорее презрительное негодование. Мне вспомнилась девушка в вельветовой блузке на фотографии, подбородок, говорящий об упрямой силе...

— Так как же, Боб? Вы все еще вините меня за то, что я не терплю пьяниц? — услышал я голос Роя.

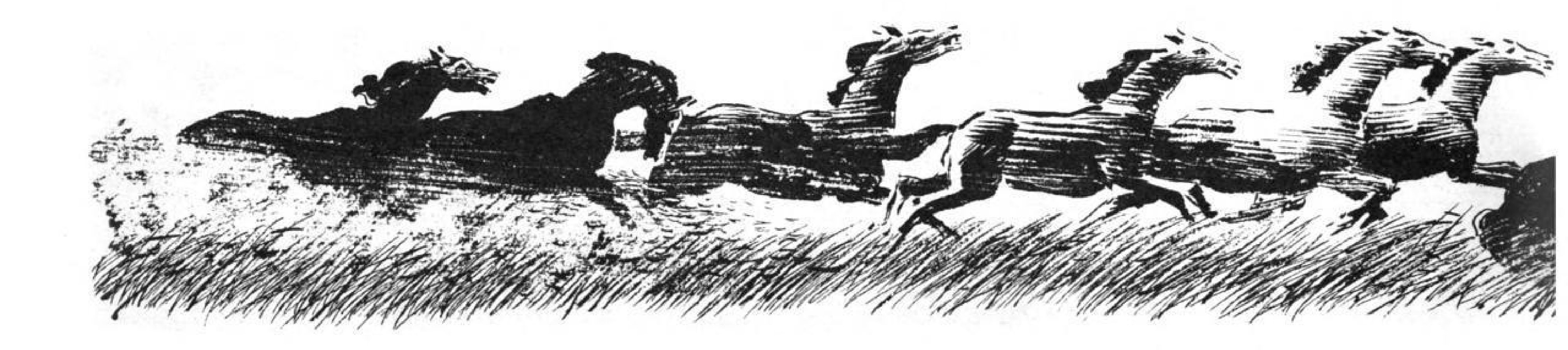
В ответ я только осторожно покачал головой. Рой уже продолжал свои рассуждения о лошадях, и мне не хотелось отвлекать его.

— Лошади — те же дети, вот как я считаю. Только они всегда остаются детьми. Нам приходится думать и решать за них за всех!

— За исключением таких, как та ваша кобылка?..

— Да, вы это верно заметили...

Снова наступило молчание. Когда Рой заговорил снова, я понял, что он даже не услышал моей шутки. Он, видимо, настойчиво придерживался какой-то своей линии в разговоре и теперь рассказывал о какой-то другой семейной драме, где действующи-

ми лицами были еще один бестолковый парень, и другая дочь. И разумеется, лошади.

— Это случилось как раз в разгар уборки. Мне надо было нанять человека на несколько недель, а этот малый...— короткий взгляд искоса на Эйду —...а этот молодой парень болтался тут поблизости. Я подумал: возьму его. И вот как-то утром я послал его пригнать домой лошадей. Поверьте, Боб, это был хороший табун! Лучшего не сыскать за сто миль вокруг. Так вот этот парень отправился за табуном. Загон был далеко от дома, и я велел ему сесть на старого серого пони, который жил при ферме.

Убей меня бог, не знаю, какая муха укусила этого парня, но он до самого дома гнал табун галопом! Галопом — это рабочих-то лошадей! Я был в амбаре, когда услышал топот, и выскочил навстречу, но кони уже миновали излучину реки и мчались во весь опор... Я думаю, парню захотелось покрасоваться перед Агнессой. Все три девки были тогда в коровнике... Его самого верхом на пони я не мог видеть — он был где-то сзади, в облаке пыли. Я кинулся бежать, хотел в куски его разорвать, негодяя! Но где там!.. Главная беда еще была впереди. Вы знаете, какие у нас бывают ворота в загонах, Боб?

— Да, я их видел. Простой длинный щит, деревянная рама, и на ней ряды колючей проволоки...

— Вот-вот! Мы привешиваем эти ворота на крючьях на столбы ограды. И любой фермер хорошо знает: когда выпускаешь табун, боже упаси оставить эти ворота лежать на земле! Надо убрать их и прислонить к изгороди! А этот малый оставил их на земле...

— И погнал на них весь табун?

— И погнал на колючую проволоку весь табун! Вожаком в табуне был у меня большой гнедой конь, пугливый немного, когда не взнуздан. Пригони их этот парень шагом, ничего бы, может, и не случилось. Но вы же знаете, если гнать табун вскачь, на лошадей находит бог весть что! А гнедой еще привык выходить наперед — вот он и несся, как дьявол. Я ведь всегда доподлинно знаю, что лошадь думает! Вот и гнедой — он расскакался и решил: значит, не будет работы сегодня! Только и знает, что наддает ходу, и весь табун за ним...

— А ворота лежат на земле?

— А ворота лежат на земле. Я вижу это, но я далеко, только ору благим матом. Ничего не могу поделать! — Рой закрыл глаза и весь задрожал.— Четыре ряда толстой проволоки, колючей проволоки! Верьте слову, Боб, я не мог глядеть туда, закрыл глаза, вот как сейчас... Открыл их, когда услышал, как упала и заржала от боли первая лошадь, и проволока загудела, как натянутая струна. Ну, конечно, гнедой! Бьется и еще больше кровенит себе ноги и бока. А весь табун уже близко, вот-вот налетит на гнедого! Еще два коня споткнулись, упали, еще один, другой полетели со всего размаху через них, только одна старая жеребая кобыла сумела обскакать их стороной.— Рой, не помня себя, вскочил со стула.— Боб, вам не понять, что это было! Пока я добежал, одна лошадь вырвалась из свалки и носилась кругами по лугу, и кровь хлестала у нее с боков и ног. Остальные бились на проволоке и рвали себя в куски. Четыре ряда колючки — это ведь мясорубка! Первое, что я сделал,— это стал кричать, чтобы мне вынесли ружье. Я хотел уложить этого парня, как только он появится... У меня никогда уже потом не было такого табуна!

Он снова сел. Руки его тряслись.

— А этот парень? — спросил я.

— Удрал. Как только увидел, что́ натворил, повернул серого — и был таков. Он знал, что у меня есть ружье. Уехал из нашего округа и вернулся только через два года. Я узнал об этом, но уже ничего не мог сделать: из Вибы еще тогда явился полицейский и сказал, что предупреждает меня... Ну, а потом было еще всякое другое...

Он замолчал. В тишине стало слышно, как тикают часы и позвякивают вязальные спицы в руках у Эйды. Я подумал, что лучше бы этим спицам умолкнуть — они как будто насмехались над Роем.

...«Были в то время нелады с дочерьми...», «Надо было взять человека на несколько недель», «...Хотел покрасоваться перед Агнессой...», «Ни разу мне жена не принесла бычка...» Все увязывалось в один узел, и все мы, трое, сидящие за столом, знали об этом. Мне захотелось что-нибудь сказать в утешение Рою.

— Я думаю, что это предупреждение было к месту, Рой. Оно было на пользу вам.

Он с горечью усмехнулся.

— На пользу мне? Да, оно было на пользу. А парень все равно долго не оставался здесь. Три недели, а потом уехал. Агнесса убежала с ним. Как удирает жилец, не уплатив за квартиру. Больше мы не видели их обоих...

Прошло еще несколько минут тяжелого молчания. Я посмотрел на часы, как бы ожидая, что хозяева предложат идти спать. Но мне уже хотелось дослушать все до конца.

По виду Эйды можно было подумать, что она собирается просидеть за вязанием до утра. Я уже понимал, что и ее где-то в глубине грызет, как раковая опухоль, тяжелая обида. Она и Рой словно вели бой за меня с той самой минуты, как я вошел. Теперь мое сочувствие склонялось как будто больше на сторону Роя. Но упорное молчание Эйды становилось все более выразительным. Должно быть, ей думалось, что Рой сам упадет в моих глазах. Редкие взгляды, которые она бросала на меня, были подчеркнуто многозначительными.

Мойра, Агнесса... А что произошло с третьей дочерью?... Говорят ли об этом Рой и Эйда, когда они одни и ни единый звук не доносится с проезжей дороги?

Я спросил Роя, сколько из пораненных лошадей оправилось, и скоро ли начали снова работать, и как он выходил их. Это попало в цель. Он понемногу стал остывать, потом охотно углубился в рассказы о том, что было предметом его гордости: о лечении больных лошадей. Надо ли говорить, что фермеры всей округи были ничто по сравнению с ним! Он лечил не только своих меринов и кобыл, но и соседских.

— «Пошлем за Роем Дэвисоном»,— говорили они, когда приходила такая беда. И заметьте, Боб, бывали очень трудные случаи!

Он встал и достал с полки целую пачку ветеринарных лечебных таблиц. Великолепно отпечатанные в несколько красок, они были, однако, сильно потрепаны и, видимо, выпущены в незапамятные времена.

— Мне их подарил один немец,— сказал Рой.— Много лет назад. Вот был лекарь! Он мог разрезать корову на части и снова собрать, как показано на этих таблицах...

Почти час я слушал истории о его ветеринарных подвигах. Разумеется, я плохо разбирался во всей этой коровьей и лошадиной анатомии, но как все это было увлекательно в устах Роя! Сколько было в этом простой сметки, любви к животным, упорства в борьбе с бедой! В те времена домашний скот был единственным источником существования мелкого фермера; болезнь животного иногда могла расстроить все хозяйство. Рассказ сменялся рассказом: о фермерских семьях, проливающих слезы над издыхающей лошадью или погибающей пастушьей собакой, о самом Рое, скачущем в ночь, чтобы дать совет соседу при трудном отеле...

И снова ни звука из уст хозяйки. Только раз она произнесла «Т-с-с-с!», приглашая нас прислушаться к гулу мотора на шоссе. Это было единственным развлечением для обоих, единственной игрой, в которой участвовали оба.

— Джордж Миллс возвращается из города! — торжественно объявил Рой.

Эйда послушала еще несколько мгновений, потом нехотя кивнула головой. Снова замелькали спицы.

Рассказав о нескольких случаях, когда у соседей были спасены животные от почти неотвратимой гибели, Рой вдруг объявил:

— И знаете, Боб, что я получил в благодарность за все это? Не знаете? У меня сожгли сеновал.

— Что?

— Сеновал сожгли. Со всем запасом сена.

Я молчал, дожидаясь объяснения. Рой смотрел на свои пальцы, беспокойно барабанившие по столу. Эйда теперь не спускала с него глаз, на лице ее снова было написано что-то вроде вызова. Нет, она не собиралась мешать ему; она только забыла вдруг о своем вязанье, позвякивание спиц умолкло, и это еще больше подчеркивало напряжение, царившее за столом.

— Сгоревший сеновал — это ведь смертельный удар по хозяйству, Рой,— сказал я, чувствуя, что нельзя больше молчать.

— Смертельный удар? — Он тяжело перевел дыхание.— Есть вещи, о которых даже вспомнить — нож в сердце!

— Тогда не говорите об этом! — Я посмотрел на часы, стоявшие на камине, потом на хозяев.— Я не знаю, когда вы, добрые люди, привыкли ложиться...

— Можешь рассказать ему, если уж начал,— неожиданно проговорила Эйда; она отложила вязанье и тут же добавила: — Правду говоря, мистер Джонсон, мне пора на отдых. Вы не возражаете, если я вас покину?

Я поднялся, а Рой остался сидеть. Он мне уже мимоходом сказал, что Эйда при-

выкла ложиться раньше, чем он; но ведь этот вечер был исключительным. Значит, он сейчас расскажет мне все до конца, а она твердо решила не мешать ему. Но маленькая война между ними была далеко не кончена. Уходя, она как-то невнятно сказала, что утром приготовит мне завтрак. Рой тут же вскочил.

— Завтрак? Почему именно ты? Завтрак почти всегда готовлю я, разве не так?

— Но мистер Джонсон...

— Я уж сам позабочусь о мистере Джонсоне, Эйда.

Поскольку я был тут яблоком раздора, мне пришлось промолчать. Я распрощался с Эйдой как можно более приветливо. Она тоже была очень мила, но во взгляде ее промелькнуло разочарование. Прощальная ее улыбка несла в себе какой-то вопрос, а рукопожатие сухой маленькой руки показалось мне чуть замедленным.

— Так приятно, когда в доме гость! Сюда ведь редко кто заезжает,— сказала она.

— Вы были так добры ко мне, миссис Дэвисон!..

— Надеюсь, все обойдется благополучно с вашей машиной. И если когда-нибудь случится снова быть в наших краях...

Я обещал. Я уже заранее решил послать ей какой-нибудь маленький сувенир, что-нибудь, что могло бы украсить ее бедный туалетный столик. Но обещание заехать еще раз было из тех обещаний, которые люди дают, заранее зная, что они не будут выполнены. Я, конечно, не рассчитывал встретиться с ней снова. Она вышла, и последнее, что я услышал, было чирканье спички о коробок, когда она зажигала у себя лампу.

* * *

Первые же слова Роя после того, как мы остались одни, оказались для меня неожиданными:

— Знаете, Боб, она неважно выглядела сегодня вечером!

Признаюсь, больше всего удивила меня искренняя озабоченность, прозвучавшая в этих словах.

— Я думаю, это оттого, что она засиделась позже обычного. У нее был очень усталый вид.— Он медленно покачал головой, помолчал и добавил уже с обычным пренебрежением: — И все-таки она не ушла бы, если бы я не упомянул про этот сгоревший сеновал. Это всегда расстраивает ее...

Он помедлил, давая мне время кинуть ему обратно брошенный мяч. Я понял, что его озабоченность здоровьем жены была лишь «формулой перехода» к злосчастному сеновалу.

— Может быть, не стоило ей напоминать? — спросил я.

— Напоминать? — сказал он хмуро.— Я, например, не забыл об этом и не забуду. Сто пятьдесят тонн сена! И это в засушливый год, когда ни клочка травы не было в загонах! А кормить ведь надо было семь лошадей, не сойти мне с этого места. Бог свидетель, я вынес и перетерпел все это, но насколько может хватить человеческого терпения?.. И знаете, Боб, кто сделал это?

Я молча ждал.

— Это сделал парень, у которого я выходил издыхавшего жеребчика! И знаете, почему он это сделал? Потому что я прогнал его с моего двора. Пригрозил ему ружьем, и прогнал, и был вправе это сделать!.. Случилось это много позже того дня, когда я спас ему конька. По правде говоря, это даже не его конек был, а его отца. Но парень любил ездить на этом жеребчике и, когда тот заболел, сам прибежал ночью звать меня на помощь. Здоровый, плечистый парень, хотя было ему тогда всего семнадцать. Я пожалел его. Бросил все: знаете ведь этих мальчишек, когда они без ума от своей лошади. Ну, и спас его любимца. Через неделю он на этом жеребчике приехал благодарить меня. Я пригласил его к обеду, и тут все и началось. Он с первого взгляда влюбился в Розу. Это моя младшая дочь...

Рой внезапно замолчал и повернул голову к двери, через которую ушла Эйда. Мне тоже показалось, что я услышал какой-то шорох. Рой и не подумал понизить голос, хотя знал, как и я, что Эйда подслушивает. Он только заговорщически подмигнул мне и махнул рукой: не обращайте внимания!

— Розе еще не было и семнадцати, Боб,— продолжал он.— А у меня тогда еще седьмой пот сходил из-за истории с Агнессой: та ведь всего за год до этого ушла из дому. Ну скажите, Боб, что сделал бы другой отец на моем месте?

— А что это был за парень?

— Никчемный парень. Безответственный. Его отец не раз попадал с ним в беду. И я убедился: не такой уж он был зеленый, каким казался. Он уезжал, потолкался на овечьих фермах среди стригалей, научился там кой-чему, что не подобает мальчишке его возраста. Знаете, что он сотворил однажды? Но сначала послушайте, что произошло здесь, у меня, и вы сами поймете, Боб, что это был за парень... Я ведь не сразу прогнал его: сначала я предостерег его и предостерег Розу тоже. Она ведь была глупа, как колесо, и разве отец не должен сделать все, чтобы уберечь дочерей от греха, раз уж он обзавелся ими? Беда только, что мне всегда приходилось грести против ветра!

Он подмигнул снова и кивком головы указал в сторону спальни.

— Тут была целая война — разум против хитрости. Все они вместе старались обвести меня вокруг пальца, как я ни следил за ними. Не стану рассказывать вам все в подробностях, Боб, вы ведь достаточно пожили на свете и знаете, как это бывает. Однажды ночью я застал их. Нет, я не говорю, что у них там было что-нибудь дурное, но было уже поздний час, намного позже, чем дочери ложились спать. И я выгнал парня с фермы. Со мной было ружье, и я выстрелил из обоих стволов в землю, когда он убегал со двора... А на следующую ночь сгорел дотла мой сеновал!

— И вы уверены, что это сделал тот парень?

— Уверен ли я? Да он застрелился через два дня!

— Покончил... с собой?!

— Покончил с собой. Пустил себе заряд в голову. Я так думаю, что он был не в себе, когда поджигал сеновал. А потом испугался. Он знал, что я буду его искать... Представьте себе, Боб, чуть не полголовы снесло ему этим выстрелом. Мы нашли его тело на дальнем загоне. И мы увидели, как он это сделал. Он лежал на боку у бревна, на котором сидел до этого, а кусок веревки тянулся к спусковому крючку ружья. Мы бы и не нашли его, если бы не запах...

— А Роза?

— Сбежала. Мы получили из города телеграмму от Агнессы, что Роза у нее. Потом Роза получила работу и вышла замуж за какого-то. Кажется, живут теперь в Гилонге.

Я думаю, что сам Рой не отдавал себе отчета, сколько горечи было в этом «кажется». Да и вообще трудно было представить, что он чувствовал после того, как поведал мне последнюю главу истории своих трех дочерей. Он как бы выкипел до конца и долго сидел неподвижно, нахмурив брови, откинувшись на спинку стула. Мойра, Агнесса, Роза... И Эйда, у которой сегодня был неважный вид... Да, это была законченная картина его жизни, но как он сам объясняет ее себе, этого никто не мог бы разгадать. Лицо его казалось высеченным из камня.

— Вы, наверно, сами расстроились, рассказывая все это, Рой? — сказал я мягко.— Может быть, вам следует теперь лечь?

— Да, это верно.— Он привстал.— Пойду-ка погляжу, как там жена...

На этом кончился вечер рассказов Роя. Но завершить этот вечер суждено было Эйде.

Рой не ушел в спальню. Он передумал в последнюю минуту, зажег фонарь и вышел во двор, сказав, что хочет поглядеть на заболевшую овцу. И едва затихли его шаги во дворе, как я услышал позади себя легкий шум. Обернувшись, я увидел Эйду. Она делала мне знаки из полуоткрытой двери своей комнаты.

— Мистер Джонсон! Т-с-с-с!

Я подошел к ней. Она высунулась из двери и схватила меня за руку. Поверх ночного халата она накинула пальто, ноги ее были босы. От нее сильно пахло кокосовым маслом.

— Мистер Джонсон,— заговорила она торопливо, и в глазах ее засветилась злоба.— Мистер Джонсон, это был хороший парень! — Она встряхивала мою руку, словно вдалбливая в меня каждое слово.

— Да, миссис Дэвисон...— пробормотал я.

— И ничего он не думал дурного... Я ведь держала своих дочерей в строгости!..

— Это само собой разумеется,— поспешил я сказать, думая, как бы поскорее кончить этот разговор: Рой мог каждую минуту вернуться.

— Девочки все были счастливы избавиться от... от всего этого... И уйти из дому...

— Я понимаю.

Где-то во дворе заскрипели ворота. Эйда уставила на меня трясущийся палец.

— Это он убил того парня!

Дверь в спальню захлопнулась. Через несколько минут я лежал на перине в «своей» комнате. Поверх спинки железной кровати на меня глядел семейный портрет. Взвод братьев Дэвисонов!..

...Я до сих пор не знаю, чей образ запал мне в душу больше: Роя или Эйды.

Перевел с английского
Л. Чернявский.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ЧУВСТВО ЖИЗНИ

Ал. ДЫМШИЦ

Наше время все чаще называют временем итогов.

Страна идет к своему пятидесятилетию, и все отчетливее проявляется желание людей разных специальностей оглянуться на пройденный народом путь. И у литераторов возникает это естественное желание. Пишут о развитии советской прозы, говорят о состоянии романа, повести, рассказа, о «нажитом», накопленном в области поэзии и драматургии. На страницах теоретического журнала «Вопросы литературы» печатаются материалы проведенных в редакции обсуждений — «круглых столов», посвященных развитию жанров советской литературы. Итожат сделанное за год и за годы. Итожат для того, чтобы еще лучше, еще увереннее идти вперед.

Вместе со всей литературой большой путь пройден и литературной критикой. «Важное значение,— говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду партии,— в развитии литературы и искусства имеет марксистско-ленинская критика».

Задачи марксистско-ленинской критики велики и серьезны. Нужно обозреть полвека советской литературы, определить новые качества, внесенные советской литературой в историю литератур народов СССР, выяснить место, которое советская литература заняла в мировом литературном процессе. Нужно оценить тенденции развития нашей литературы на современном этапе в свете исторического опыта искусства социалистического реализма и принципов марксистско-ленинской эстетики. Словом, дéла много, и делó ответственные.

Радостно сознавать, что многое делается коллективом советских литературоведов и критиков, что выходят в свет солидные исследования, интересные сборники статей, что и на страницах журналов и газет критика живет активной, боевой жизнью. Конечно, в семье не без урода, встречаются и свои уродства, но не они определяют облик нашей литературной науки и критики.

В этой статье я, естественно, не могу охватить многих явлений в современной литературной критике и остановлюсь лишь на некоторых из них. Мне хочется заглянуть на страницы последних, августовских книжек ряда литературно-художественных журналов, порассуждать о напечатанных в восьмых номерах критических статьях.

Итак, посмотрим, что предлагают нам журналы в августе в области литературной критики.

Полистаем «Звезду», один из старейших советских журналов. В ней обращает на себя внимание статья И. Гринберга «Щедрый источник». Это работа, которая будет иметь свое продолжение в следующем номере журнала. Но она уже и сейчас, будучи еще не завершенной, представляет немалый интерес. В предвидении великой даты — пятидесятилетия Октября — критик оглядывается на исторический путь советской литературы, показывает, как освобождение народного труда, совершенное в октябре 1917 года, как участие миллионов в строительстве социализма и коммунизма преобразили содержание и облик литературы. Мысль И. Гринберга смело путешествует по первым двум десятилетиям истории советской литературы и освещает новаторские искания советских писателей, зачинателей литературы социалистического реализма. Это хорошая, полезная, своевременная статья.

В «Неве» помещена обзорная статья двух критиков — Е. Клепиковой и В. Соловьева — «Маршруты и масштабы». В ней говорится о произведениях оперативного жанра, ярко свидетельствующего о связях писателей с жизнью,— о путевых очерках. Разные книги попали в поле зрения авторов. Тут и талантливая книга Л. Волынского «Краски Закавказья» и примечательный очерк начинающей писательницы Т. Калецкой «Восемьсот километров до Урая». Статья Е. Клепиковой и В. Соловьева, стремящихся увидеть в очерке о современности «разведку в будущее», прочтется с интересом как одна из первых «разведок» в область путевого очерка.

На страницах «Октября» напечатана серьезная статья одного из старейших педагогов-словесников, А. Пластинина, «Литература — школа — учебник», имеющая принципиальное значение. Дело идет о преподавании советской литературы в 10-м классе средней школы, о том, как молодежи передается богатейший, почти полувековой опыт литературы народов СССР. Спокойно, деловито, аргументированно показывает автор, что переизданное в четырнадцатый раз учебное пособие А. Дементьева и других уже давно изжило себя и должно быть изъято из практики школьного преподавания. Некогда это пособие было приемлемо, но затем его составители столько раз «латали» книгу, что она стала походить не то на Тришкин кафтан, не то на деревенское лоскутное одеяло. И при этом главным недостатком пособия оказывается отсутствие серьезного эстетического анализа творчества советских писателей, отсутствие разговора о нашей литературе как о большом и ярком новаторском искусстве.

Как видим, авторов некоторых критических статей увлекают большие — проблемные и обзорные — темы; критики берутся за разработку целых тематических пластов. Другие авторы останавливаются на отдельных проблемах текущей литературы, но рассматривают их не узкорецензионно, а в тесной связи с традициями советской литературы, опытом и принципами искусства социалистического реализма.

Характерна в этом отношении третья статья из литературно-критического цикла «Через пять лет», помещенная А. Макаровым в журнале «Знамя». В ней критиком завершается разговор о творчестве Василия Аксенова: разговор раздумчивый, серьезный, требовательный. А. Макаров пишет о таланте писателя, о неиспользованных им творческих возможностях. Критика же, развернутая в этой статье, в высшей степени конструктивна: А. Макаров показывает пути к воплощению в литературе характеров молодых людей, являющихся типическими нашими современниками. Он ратует за политический и нравственный рост художника, писателя, утверждает, что «художник, стремящийся создать идеал, обладая ясным мировоззрением, ищет его (подобно Горькому, Н. Островскому, Фадееву.— **А. Д.**) не только в окружающей его действительности, но и в своей душе».

Насколько важно, чтобы мировоззрение писателя стояло вровень с передовым мировоззрением эпохи, убеждает и содержательная, острая статья М. Лобанова «Личность истинная и личность мнимая», опубликованная в журнале «Молодая гвардия». Статья эта четко направлена против ложной, индивидуалистической концепции личности, призывающей человека к интеллектуальному обособлению, к «разобществлению». Объекты критики в этой статье — роман А. Гладилина «История одной компании» и биография Чаадаева, написанная А. Лебедевым. Такое «сопряжение» беллетристического произведения и литературоведческой работы может показаться странным. Но М. Лобанов убедительно показывает, что позиции А. Гладилина и А. Лебедева в вопросе об индивидуализме оказываются весьма близкими. «...предмет писания у А. Гладилина и А. Лебедева,— замечает критик,— совершенно разный, но по своей сути эти вещи родственны между собой. Их объединяет общий критерий личности — критерий измельченный, обескровленный отрывом от внутренних сил народной жизни».

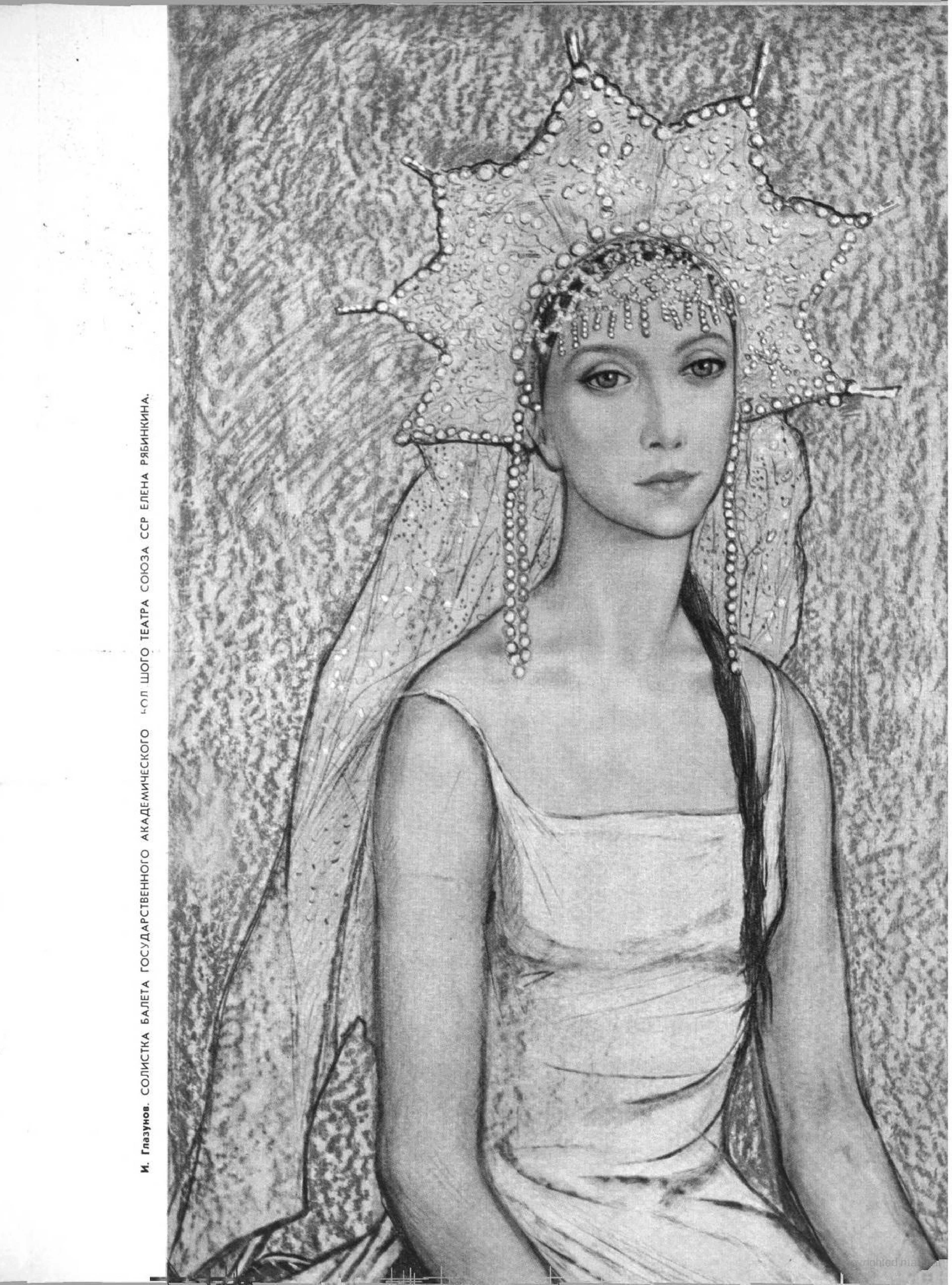
Не буду пересказывать всего написанного М. Лобановым о романе «История одной компании»,— читатель может с пользой обратиться к статье критика. Книга А. Лебедева получила не так давно развернутую оценку в статье академика Н. Дружинина, помещенной в № 12 журнала «Коммунист» (и суждения М. Лобанова очень близки к тому, что сказано в этой научной рецензии, которая и шире и обстоятельнее написанного критиком). Эта статья ученого имеет важное методологическое значение: она направлена и против пренебрежения наукой, и против антиисторизма, и против пропаганды индивидуализма. Не буду поэтому специально останавливаться на произведении А. Лебедева. Но приведу слова М. Лобанова, отчетливо говорящие о том, за какого героя — в жизни и литературе — борется наша передовая критическая мысль.

«Мы тоже за личность,— справедливо замечает критик,— за интеллектуальное — в жизни и в литературе... Мы за личность, но не мнимую, не кичащуюся своим мнимым превосходством над «простыми» людьми, а за личность глубокую, нравственно и духовно содержательную, органично сознающую себя частицей родного народа».

В литературе наступает время сильных духом, питаемых внутренней связью с народом». Запомним эти слова. С ними — говорю это с уверенностью — нельзя не согласиться. Ведь наша литература была всегда прежде всего литературой сильных духом, она остается ею и будет таковой.

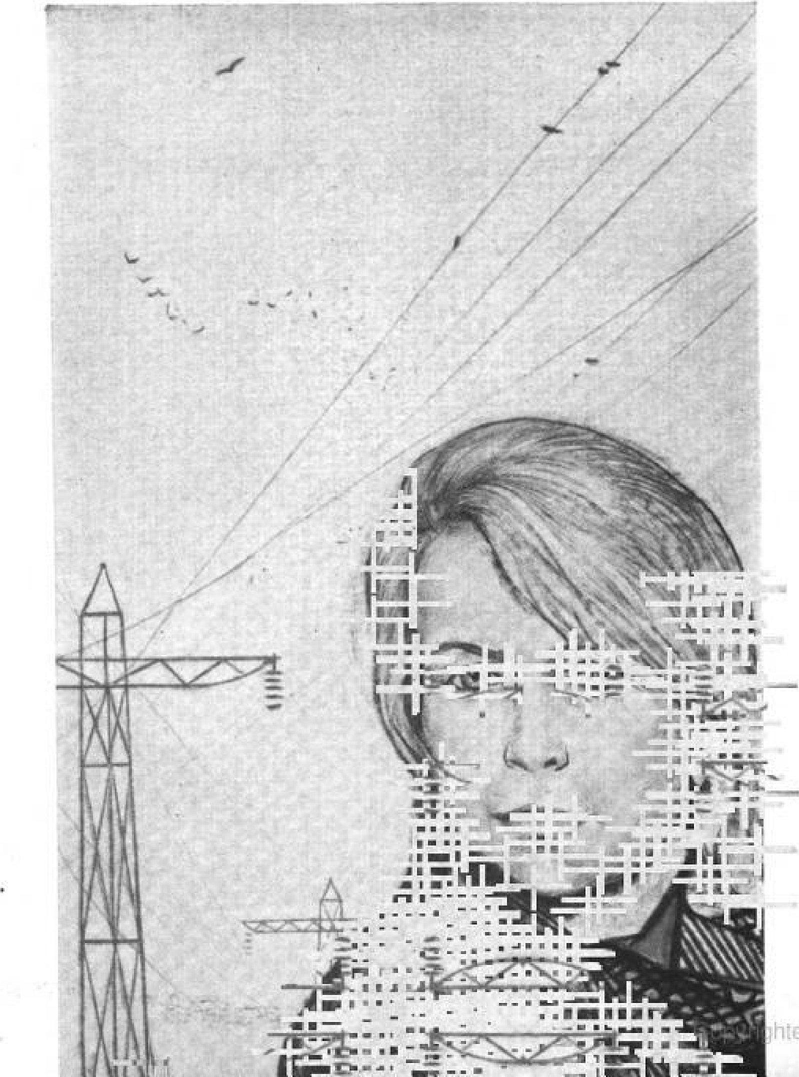
Мысль о социальной силе, о психологической сложности, о духовной красоте героя нашей жизни и литературы проходит красной нитью и через интересную, страстно-полемическую статью Г. Бровмана «Объективность анализа и позиция критика» («Москва» № 8). Это статья о критике, написанная в защиту принципов марксистско-ленинской эстетики от некоторых доморощенных сторонников так называемой «дегероизации», от некоторых критиков, пытающихся отрицать силу примера, которой наделен в реалистической литературе положительный герой. Автор горячо и убедительно полемизирует с отдельными положениями статей В. Кардина, Ф. Светова, В. Лакшина, напечатанных в журнале «Новый мир». Он показывает, как ориентация этих критиков на «правду» фактов и фактиков, на «игру в примеры», на забытовленное изображение жизни приводит к отступлениям от реализма, к натурализму. Г. Бровман призывает критиков к последовательной,

Новые работы художника Ильи Глазунова.

И. Глазунов. СОЛИСТКА БАЛЕТА ГОСУДАРСТВЕННОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО БОЛЬШОГО ТЕАТРА СОЮЗА ССР ЕЛЕНА РЯБИНКИНА.

И. Глазунов. МАТЕМАТИК, ЛАУРЕАТ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ ЮРИЙ ЖУРАВЛЕВ.

КОМПОЗИТОР АЛЕКСАНДРА ПАХМУТОВА.

принципиальной позиции, позиции марксистско-ленинской; он утверждает, что героическое составляет основу характера нашей жизни и литературы. «Нет,— восклицает он в споре с названными критиками,— совсем не устарел, а наоборот, приобретает еще большее значение героический характер нашей литературы, ее вклад в коммунистическое воспитание народа, в формирование нового человека!»

А. Макаров, М. Лобанов, Г. Бровман — хорошо известные читателю критики, литераторы разного возраста и опыта. Каждый из них — критическая индивидуальность, у каждого из них свои особенности, свои литературные пристрастия, своя манера мыслить и писать. Но каждый из них (и это можно сказать о большинстве наших критиков) стоит на почве марксистско-ленинских идей, на почве эстетических принципов социалистического реализма.

Есть, однако, в работе отдельных критиков странная тенденция — высказывать «особое мнение» по вопросам, давно и прочно решенным жизнью и наукой, подвергнуть пересмотру некоторые безусловные, аксиоматические истины, дать такие толкования принципов социалистического реализма, которые в корне расходятся с существом этих принципов. На такую тенденцию как раз и указал в своей статье в журнале «Москва» Г. Бровман. В том, насколько он был прав, убеждает нас новая статья В. Лакшина «Писатель, читатель, критик», обнародованная в восьмом номере «Нового мира». Статья эта содержит множество неверных мыслей, дезориентирующих литераторов и читателей.

Названная статья В. Лакшина представляет собой второе выступление под одноименным названием (первая статья, «Писатель, читатель, критик», была помещена в «Новом мире» № 4 за прошлый год). Опасность этой статьи состоит прежде всего в том, что немарксистские мысли высказываются в ней под «завесой» цитат, почерпнутых из сочинений классиков марксизма. Обращаясь к вопросу о герое и героическом, В. Лакшин усердно цитирует Энгельса и подвергает критике субъективистские взгляды Карлейля, ставившего «героя» над «толпой». Обращаясь к вопросу о художественной правде, критик цитирует Ленина и создает видимость, что он всецело опирается на взгляды Владимира Ильича. Между тем борьба с субъективизмом Карлейля или народников, отрицание «героя», вознесенного над «толпой», никогда не приводили марксистов к недооценке подлинного героя и подлинной героики, которой явно страдает В. Лакшин. А ленинская концепция единства правды, отрицания каких бы то ни было «двух правд» никак не вяжется с практическим утверждением «двух правд» у В. Лакшина.

В статье, напечатанной более года тому назад, В. Лакшин открыто издевался над воспитательными функциями литературы, над образом-примером. Он иронизировал над мыслью о том, что «читатель» больше всего дорожит в литературе тем, чтобы она давала «образцы для подражания». Положительного героя он именовал чем-то «вроде штатного воспитателя читателей». Теперь он выражается скромнее и наукообразнее: «Я уже говорил прежде, что теория **подражания** героям как цели искусства... рассчитывает на легкую переимчивость, копирование благородных поступков, то есть имеет в виду духовно несамостоятельного, пассивного читателя...» Надо ли говорить, что это — чистое лукавство, что никто и никогда не считал, что читатель просто копирует героя, что его обращение к герою-примеру стирает его индивидуальность. Достаточно сослаться на общеизвестный пример: на «учебу» Георгия Димитрова у героя Чернышевского, Рахметова,— чтобы понять, что удары В. Лакшина бьют мимо цели. Рахметов, по собственному признанию Димитрова, крепко вошел в его нравственный мир, но не подавил и не поглотил его.

Для В. Лакшина героическое— это нечто «сверхъестественное», и нормальная для советских людей тяга к героическому воспринимается им как «напряженная тяга к чудесному, сверхобычному, «идеальному»... Он решительно не способен понять, что героическое живет как неотъемлемое свойство в самой действительности, в будничном, повседневном, присутствует и в поступках и в нравственных резервах людей социалистического общества. И он упорно противопоставляет героику как нечто «надуманное» «обыкновенной», «прозаической», реальной жизни...». Здесь-то таятся истоки тех рекомендаций к забытовленному изображению жизни, которые так настойчиво навязываются литераторам В. Лакшиным и некоторыми его коллегами-критиками.

В своей новой статье В. Лакшин старается внести ясность в вопрос о правде жизни, отображаемой литературой. Но, к сожалению, на практике он идет вразрез с декларациями и опирается на глубоко ошибочное разделение: противопоставляет «правду фактов» некой «большой правде». «Большая правда», по Лакшину,— это правда обобщений, а «малая правда» — правда конкретных фактов жизни, главная сфера художника. В таком преимущественном внимании к «правде» жизненных случаев, фактов и фактиков (всегда подлежащих в большой реалистической литературе глубокой проверке и принципиальному отбору, что совершенно игнорируется В. Лакшиным) скрывается опять-таки одна из причин особой симпатии критика к произведениям с забытовленным показом жизни.

Статья В. Лакшина озаглавлена «Писатель, читатель, критик». Посмотрим же, как этот критик пишет о писателях (о литературе), о читателях, о критиках (и критике).

«Литература последних лет,— замечает В. Лакшин,— дала достаточно интересных книг, критика же в значительной своей части топталась на месте или шла вспять». Не знаю, уж как там со значительной частью критики, но к самому В. Лакшину эти слова имеют поистине неотразимое отношение. Да, литература последних лет дала достаточно интересных книг. Но из всего этого богатства В. Лакшин только и заметил, что рассказ И. Грековой «Дамский мастер», рассказ А. Солженицына «Матренин двор» и повесть В. Семина «Семеро в одном доме». И это все произведения прозы последних лет, которые отметил В. Лакшин в двух больших статьях, напечатанных в «Новом мире». Не маловато ли? И не топчется ли на месте критик, не идет ли он вспять, тогда как литература идет вперед, накапливая все новые и новые ценности?!

Мне не хотелось бы вступать в споры с В. Лакшиным, обращаясь к конкретным оценкам характеризуемых им произведений. Я считаю повесть В. Семина интересным произведением, но далек от преувеличений, к которым склонен В. Лакшин, утверждающий, что эта повесть «приблизила нас к пониманию всей (?!) правды о нашем времени». По вопросу о «Матренине дворе» наши точки зрения резко противоположны — это отмечено и в статье В. Лакшина. Талант А. Солженицына вне сомнений, изобразительная его сила очевидна. Но в данном рассказе трудно не увидеть тот случай, о природе которого точно сказал Д. Писарев, характеризуя рассказчика, «который может передавать факты очень верно и обстоятельно, а объяснять их в высшей степени неудовлетворительно». Превращение писателем «праведника Матрены» в главную, почвенную силу нашего времени — в силу, на которой покоятся деревня, город и вся земля,— очевидным образом несостоятельно. И никакие гипнотические фразы В. Лакшина не могут убедить нас в обратном.

Напрасно В. Лакшин прибегает к дешевым хитростям, приписывая мне и некоторым другим критикам пристрастие к теории «идеального героя». Он человек начитанный и мог бы знать, что и я, и В. Сурганов, и Л. Крячко не раз печатно высказывались против этой теории. Все обстоит гораздо проще. Мне в отличие от Лакшина ближе и дороже изрубцованное в борьбе сердце истинного героя нашего времени, чем избитое в синяки сердце одиночки. Последнего можно пожалеть, можно ему посочувствовать, но выдавать его за центральную фигуру эпохи решительно ни к чему.

А как же относится В. Лакшин к читателю? Опять-таки субъективно и избирательно. Он подбирает только те отзывы, которые безоговорочно хвалят произведения, которые хвалит и он сам. Изредка приводятся обратные мнения, но в таких случаях демонстрируются заведомо неквалифицированные и нелепые суждения. В обращении с читательскими отзывами чувствуется резко тенденциозный отбор — перед нами читательские письма, «изрядно процеженные и дистиллированные», как сказал бы сам Лакшин. Критик «Нового мира» так свыкся с отобранными им читательскими письмами, что даже не хочет видеть каких-либо иных читательских мнений. «В одной из критических статей,— заявляет он,— я прочел недавно, что читатель испытывает острую «тоску по герою». Знакомый, примелькавшийся тезис. Но, перечитав только что несколько сотен читательских писем, я не обнаружил в них никаких следов тоски, тем более тоски по герою». А между тем стоило бы В. Лакшину выйти за пределы своей корреспонденции и заглянуть, скажем, на страницы комсомольской печати, и ему пришлось бы сказать нечто совершенно обратное. Впрочем, В. Лакшин настолько необъективен и в отношении читателя, что читательские призывы создавать образы героев нашего времени он, вероятно, отнес бы за счет воздействия критиков. Ведь дописался же он до того, что некоторые читатели — это канарейки, высиженные чижиками (критиками), они и «поют, как чижики».

Таково отношение критика В. Лакшина к литературе и к читателям. Ничуть не лучше его отношение к критикам и критике. В сфере критической деятельности он подвергает третированию все, что не сходится с его взглядами и позициями. Сколько яда пролито им на инакомыслящих, сколько оскорблений извергнуто на них! Они и выразители предрассудков отсталого читателя, они и безотчетные пропагандисты читательских слабостей. Они и «неудавшиеся паяльщики, сапожники и кузнецы», подавшиеся в литературу. «Право, не нам бы бранить критику...» — лицемерно вздыхает при этом В. Лакшин.

В. Лакшин пишет размашисто, пишет, претендуя на некую идейную прогрессивность. Между тем любому непредвзятому читателю легко убедиться в том, что этот критик выступает поборником регресса, а не прогресса. Пафосом его статьи является воспевание ущербности в психологии, наступление на героическое в жизни и в сознании людей. Как характерно, например, что вполне реалистические описания А. Солженицына он толкует на некий почти мистический лад. Он пишет: «Едва коснувшись прошлого Матрены, мы вступаем в мир поэтических предчувствий, предзнания того, что случится,— мир странный и опровергаемый с точки зрения логического рассудка, но неотразимо убедительный у художника... Это и одушевленный, почти языческий мир дома, где на полу в горнице сбежалась и застыла в тревожном ожидании «безмолвная, но живая толпа» фикусов, а животные — кошки, мыши, снующие за обоями, заранее чуют беду, как это бывало в древнерусской поэзии. И недаром в самую ночь несчастья «мышами овладело какое-то безумие...» Мы могли бы продолжить эту цитату, эти нелепые рассуждения, в которых ссылка на древнерусскую поэзию никак не более, чем камуфляж. Но и из приведенного ясно, что критику угодно толковать реалистическую прозу в духе того фантастического, полумистического «реализма», который объявили «дорогой искусства» самые отъявленные противники искусства социалистического реализма.

Читаешь такие рассуждения, и поневоле приходят на память со школьных лет известные слова Добролюбова о критиках, испытывающих «бесплодную вражду ко всякому прогрессу» в искусстве. «Отыскивая какого-то мерт-

вого совершенства, выставляя нам отжившие, индифферентные для нас идеалы, швыряя в нас обломками, оторванными от прекрасного целого,—писал Добролюбов в знаменитой статье «Луч света в темном царстве»,— адепты подобной критики постоянно остаются в стороне от живого движения, закрывают глаза от новой, живущей красоты, не хотят понять новой истины, результата нового хода жизни». Право, вот и ответ на позицию В. Лакшина, исчерпывающая ее характеристика.

В странное положение ставит себя этот критик и тем, что, печатаясь на страницах «Нового мира», он не видит в литературе ничего, что было бы напечатано вне журнала, столь обильно предоставляющего ему свои страницы. «Дамский мастер» был напечатан в «Новом мире» и уже остался для автора в прошлом. «Матренин двор» появился там же, и споры о нем уже давно отзвучали. Повесть В. Семина явилась в том же журнале и также уже давно обсуждена критикой и читателями.

Жизнь идет дальше, литература тоже идет вперед. Но вот появляется В. Лакшин, и возвращает нас снова к прошедшему, и дает ему «новое», глубоко субъективное и неверное толкование. Взгляд его, как у библейской жены Лота, обращен вспять. И мы не подивимся, если следующую, третью (а почему бы ей не появиться вслед за первыми двумя?) статью «Писатель, читатель, критик» В. Лакшин посвятит, к примеру, напечатанной в «Новом мире» сценке В. Войновича «В купе» — этому образцовому произведению литературы шестого пальца и тридцать третьего зуба. И при этом В. Лакшин вновь не удержится от демагогической критики критиков, от всех этих лихих сабельных наездов на им же наметанный стог сена. Однако мы помним судьбу жены Лота — она не могла идти вперед и окаменела.

Я подробно остановился на статье В. Лакшина. Полемизировать всегда труднее, чем одобрять. Но главное, что мне хотелось сказать в этом обзоре, связано не со статьей В. Лакшина, главное—в поддержке тех здоровых, интересных, полезных критических выступлений, которые помещены на страницах многих августовских журнальных книг.

Я остановился в основном на статьях, имеющих проблемный характер. Следует сказать доброе слово и о некоторых рецензиях, написанных интересно, содержательно. Это прежде всего хорошие, обстоятельные отзывы, посвященные книгам молодых талантливых писателей: отличная рецензия Льва Кассиля («Новый мир») на повесть Г. Машкина «Синее море, белый пароход», отзывы о повести Василия Белова «Привычное дело» (Ефима Дороша в «Новом мире», Л. Емельянова и И. Кудровой в «Звезде»). Это рецензия Юр. Зубкова, осуждающая субъективистские мотивы и односторонние суждения в книге статей В. Фролова («Октябрь»), отзыв Е. Добина об интересной книге воспоминаний Мих. Слонимского. В этих выступлениях писателей и критиков чувствуется живая заинтересованность в успешном развитии литературы.

Литература идет вперед. Ей помогает литературная критика.

Вл. ПИМЕНОВ

ТАИРОВ

Из театральных воспоминаний

Может быть, театр, созданный в 1914 году Александром Яковлевичем Таировым, совсем и не нужно причислять к старым, «заслуженным» и тем более академическим... История Камерного театра сама причислила его к нашей современной театральной культуре. Таиров всегда искал в искусстве новое. Новую форму спектакля, его новый художественный образ он стремился соединить в органическом сочетании, пластику движения — со словом, изящность и тонкую разработанность использования сценической площадки, современную технику и разнообразие красок — с самыми острыми и глубокими психологическими взрывами. Было время, когда Камерный вдруг стали относить к театру, больше уделявшему внимание форме, нежели содержанию. Не будем задним числом спорить с этим утверждением. Отдавая дань модному тогда декадансу, Таиров, однако, сумел отстоять в театре мысль, чувство, высокий вкус при некоторой чрезмерной изощренности формы. И если бы только на этом остановились творческие поиски Таирова, театр вспоминался бы теперь лишь спектаклями «Сирокко», «Жирофле-Жирофля», «Адриенна Лекуврер», драмами О'Нейла «Негр» и «Любовь под вязами». Но эстетическая узость была чужда Таирову. Уже в ранний период он ставил «Сакунталу», «Федру»—героические трагедии прошлого. А кто знает, может быть, уже тогда возникла и созрела возможность для постановок таких современных спектаклей, как «Дума о Британке» Ю. Яновского, «Алькасар» Г. Мдивани и «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского. Камерный театр внес в советскую культуру свою лепту, а в великое революционное искусство—героический образ женщины-комиссара, классически сыгранный актрисой и подругой Таирова Алисой Коонен. Это было равнозначно образу Вершинина в «Бронепоезде 14-69», созданному В. И. Качаловым во МХАТе, и образу Любови Яровой в исполнении В. Н. Пашенной в спектакле Малого театра. Из театральной культуры советского периода нельзя исключить не только «Оптимистическую трагедию», но и «Думу о Британке» и «Алькасара», «Очную ставку» братьев Тур и Шейнина, «У стен Ленинграда» Вс. Вишневского, «Патетическую сонату» Н. Кулиша, «Соло на флейте» И. Микитенко, «Жизнь в цитадели» А. Якобсона.

Конец 40-х годов был особенно сложным для Камерного театра. Спектакли проходили без особого успеха. Таиров этим очень огорчался. Наши частые встречи главным образом вызывались необходимостью обсуждать один и тот же вопрос: какие пьесы ставить, как строить репертуар театра. Я в то время работал в Комитете по делам искусств СССР, и мне приходилось участвовать в повседневной деятельности московских театров. Разговоры с А. Я. Таировым были нерадостными, тяжелыми, но меня всегда поражала его бесконечная вера в жизнеспособность своего театра. Он не тешился воспоминаниями о временах, когда в Камерный театр трудно было достать билет, когда успех «Оптимистической трагедии» заставил умолкнуть недоброжелателей, которые даже в этом несомненном успехе искали причину не в самом Таирове.

— Все, что я делал и делаю в театре, и цель моя, как режиссера, заключается в том, чтобы показать в человеке самое возвышенное, будет ли это раскрыто в плане романтическом, необычном или психологическом, реалистическом, в силе страстей и победы любви или трагических страданий. А человеческая драма никогда не может служить только форме, форма должна подчиняться высокой идее.

Кто может спорить с этими словами Таирова?

Увлечения поисками необычной формы спектакля, пластикой физического положения актера на сцене, даже некоторой декламационностью актерской речи приводили порой Таирова к решениям, которые становились достоянием реалистического театра. Это он, пожалуй, первым ввел единую установку декораций, позволяющую достигнуть непрерывности движения на сцене. Когда Вахтангов предложил использовать выдвижные фурки, которые въезжали на сцену из-за кулис с поставленными на них деталями декораций, почти не останавливая действия, в Камерном театре уже был накладной круг с единой установкой декорации спектакля, что было отнюдь не только техническим приспособлением, но средством, помогающим более глубокому раскрытию содержания пьесы, а значит, и более широкому показу жизни. Это в Камерном театре, особенно в спектакле «Мадам Бовари», был применен электроаппарат, создающий неотразимую иллюзию дождя. Гроза, шелест ливня реально ощущались зрителем. В то время еще не применялась кинопроекция и техника сцены была сравнительно элементарной. Тем не менее и сейчас перед глазами возникает образ Эммы Бовари — Алисы Коонен,— бегущей к возлюбленному. Зрители, казалось, физически чувствовали боль и страсть актрисы. Это была не техника, а обнаженное сердце женщины, кульминация ее чувств, высшее напряжение ее судьбы.

И не только это. А разве когда на рисованном заднике декорации высвечивалось сразу несколько мест действия и события развивались одновременно в верхних и нижних этажах дома, разве такая динамика действия была только техническим приемом? Вспомним еще и то, что Таиров уже в 30-х годах поставил «Оперу нищих» («Трехгрошовую оперу») Брехта с такой идейной целенаправленностью, которой не сумел достигнуть современный спектакль по этой пьесе в театре имени Станиславского. Таиров прочитал тему фашизма в брехтовской пьесе не после разгрома Гитлера, а в самый период его подъема.

Пьеса «Алькасар» Георгия Мдивани в Камерном театре запомнилась как героико-романтические страницы о борьбе в Испании в 1936 году.

Таиров упорно искал советскую пьесу, соответствующую его представлениям о современности. Искал и не находил. Ему хотелось получить остроконфликтную пьесу о сегодняшних днях. Но, к сожалению, на поверхности оказалось в ту пору немало иллюстративных, бесконфликтных пьес. Некоторые драматурги искали конфликты в стане наших идейных противников на Западе. Так появились «Русский вопрос» Симонова, «Голос Америки» Лавренева, «Миссурийский вальс» Погодина, «Младший партнер» Первенцева, «Заговор обреченных» Вирты. Все эти пьесы активно входили в репертуар московских театров. Именно в ту пору Таиров остановился на пьесе И. Эренбурга «Лев на площади».

Автор комедии в иронической, отчасти сатирической форме также обратился к послевоенным противоречиям, возникшим в обществе наших бывших союзников.

Эренбург хотел показать две Франции, как и Симонов в «Русском вопросе» — две Америки, показать наших друзей и наших противников. Я помню премьеру этого спектакля. Среди присутствующих на премьере был и Илья Эренбург. В антракте мы встречались с Александром Яковлевичем. Спектакль шел в общем хорошо, зрители принимали его с улыбкой. Но большого успеха все же не было. Таиров заметил наше беспокойство и со свойственным ему оптимизмом стал убеждать нас в том, что спектакль со временем станет значительно лучше, приобретет еще большую остроту. И. Г. Эренбург вежливо благодарил Таирова за спектакль, но видно было, что он сам не верил в долгую жизнь спектакля. Так оно и случилось.

Таиров продолжал искать. Во время одной из долгих бесед о современной драматургии Александр Яковлевич рассказал мне трагическую историю о группе симферопольских артистов, уничтоженных гестаповцами.

Художник театра Н. Барышев, его жена заслуженная артистка республики Александра Перегонец и другие сотрудники театра, среди которых были и артисты и работники производственных цехов, создали подпольную партизанскую организацию. Они помогали партизанам Крыма, передавали им планы дислокации фашистских частей в Симферополе, закупали в аптеках медикаменты и переправляли партизанам.

Александра Перегонец добилась разрешения организовать театральную студию и, принимая в нее молодежь, спасала юношей и девушек от угона в Германию. Гестапо выследило героических актеров-подпольщиков. За день до отступления из Крыма их расстреляли.

«Какая драматическая история! Вот действительно острый конфликт, необычайно драматический и трагический, и, кстати, пьеса уже есть»,— говорил Таиров. Ему хотелось найти героическую роль для Алисы Коонен. Он видел ее в роли, прототипом которой была Александра Перегонец.

К сожалению, пьеса не оправдала надежд ни Таирова, ни зрителей. Сложные человеческие чувства были подменены в ней сценами допросов, ужасами пыток, декларативными призывами, уже много раз использованными театральными приемами. Как ни пыталась Алиса Коонен создать героический образ актрисы-подпольщицы, на одних ситуациях, даже самых острых, сделать было ничего нельзя. Снова театр постигла неудача. Мы понимали Таирова. Он мечтал о пьесе, где бы можно было поднять образ актера до образов лучших людей общества. Такая режиссерская концепция пьесы, рассказанная мне Таировым, не получила художественного утверждения в спектакле.

...Драматическим аккордом, в известной степени закончившим творческий путь Таирова и его театра, суждено было стать спектаклю «Веер леди Виндермир» О. Уайльда. Таиров рассказывал о своих новых замыслах, много раз возвращался к этой пьесе. Говорил о возможности нового, социального ее прочтения, о своем желании, может быть, в последний раз выступить вместе со своим другом и женой Алисой Коонен, когда актриса и режиссер еще раз объединят свои мысли и чувства на сцене.

За день до премьеры, поздно вечером, я зашел к Александру Яковлевичу. Шла репетиция. Таиров был возбужден. Он весело встретил меня: «Приходите завтра на спектакль. Все будет хорошо!»

Просмотр спектакля состоялся на другой день утром. Все с тревогой убеждались, что наблюдают большую драму режиссера: спектакль не прозвучал.

На сцене были артисты во фраках, плакала героиня пьесы, все грустно и... незначительно. Но еще более грустным было то, что сам Таиров не видел того, что происходило на сцене. Для него это была драма великой трагической актрисы советского театра, для которой леди Виндермир стала близким персонажем. Кто знает, может быть, если бы мы сейчас посмотрели спектакль Таирова, мы, возможно, нашли бы в нем больше человеческого чувства да и социальных мотивов, созвучных нашему восприятию?..

Театр переживал тяжелые дни. Было решено обсудить сложившееся положение, подумать о будущем, о репертуаре.

На совещание в Комитет по делам искусств пришли руководители театра, ведущие актеры. Никто как по уговору не вспоминал спектакль «Веер леди Виндермир». Всем хотелось активизировать самого Таирова. Хотелось, чтобы предложения об улучшении работы сделал он сам. Главной проблемой для театра — это понимал и сам Таиров — должно быть приглашение в театр новых артистов и режиссеров (не лишая при этом Александра Яковлевича руководства созданным им театром). Но все обернулось для Таирова неожиданно тяжело. Актеры выступили с резкой критикой Таирова. Это были его ближайшие товарищи и сподвижники. В полной тишине прозвучал голос Таирова: «Вот и все. У меня нет театра. Я уже не могу в него войти. Я вынесу любую критику, и, наверное, я мог бы еще работать. Но с товарищами, отказавшимися от меня, я работать не могу».

На другой день Таиров прислал письмо с просьбой освободить его от обязанностей художественного руководителя театра. От обсуждения письма он отказался.

Через несколько дней я встретился с Всеволодом Вишневским и директором театра А. З. Богатыревым. Они были очень расстроены обстоятельствами дела и хотели всячески помочь Таирову, которого очень уважали и любили как своего близкого друга. «Помогите Александру Яковлевичу,— говорил мне Вишневский,— он поступает неправильно. В театре всякое бывает. Придет время, и Таиров еще покажет себя. Ведь актеры, которые выступали на совещании, имели в виду только улучшение работы театра. Но они не учли ни возраста, ни характера своего руководителя».

Что-либо исправить, помочь уже нельзя было. У Таирова имелись не только друзья. Надо сказать, что бывший в то время председателем Моссовета Г. М. Попов, в ведении которого находились все театры Москвы, настаивал на скорейшем освобождении Таирова от руководства театром.

Из театра ушел не только А. Я. Таиров, но и Алиса Коонен.

Здесь я хочу сказать доброе слово о настоящей актерской дружбе. В день, когда Таиров и Коонен ушли из театра, к нам обратился Рубен Симонов с просьбой перевести ветеранов советского театра в Вахтанговский театр. Так Таиров и Коонен вошли в семью вахтанговцев. Однако возраст и нервное потрясение сказались, и приступить к творческой работе Таиров уже не мог. Мы обратились с письмом в правительство с просьбой об установлении им пенсии. Вопрос решился очень быстро: Таирову и Коонен были установлены высокие персональные пенсии.

Однажды утром в Комитете по делам искусств, выйдя из кабинета, я увидел сидевшего возле секретарского столика А. Я. Таирова.

— Что случилось, почему вы здесь, кого ждете? — спросил я.

— Я к вам пришел как частное лицо. С личной просьбой,— ответил он.

Мы вошли в кабинет. Таиров был грустен. Правая рука его, обычно дрожавшая, дрожала еще больше.

— У меня только одна, но очень большая просьба. В театральном музее хранятся все макеты моих постановок. Я ушел из театра и не знаю, как отнесутся ко всему, что я там оставил. Но это — уже дело истории. Я прошу разрешить мне взять домой макет спектакля «Оптимистическая трагедия», больше ничего.

Я позвонил в музей театра и сказал, чтобы просьбу Александра Яковлевича выполнили. Таиров пожал мне руку и сказал одно только слово: «Спасибо». Выйдя из комнаты, он забыл шляпу, но не вернулся за ней. Я пошел догонять его. Таиров стоял в коридоре, словно ожидая, что кто-то остановит его. Он взял шляпу, улыбнулся и тихо стал спускаться по лестнице...

...Недавно мне пришлось побывать в Югославии. В Любляне, центре Словении, научный сотрудник Академии наук профессор Б. Крефт подарил мне хорошо изданную книжку о советском театре. В ней много страниц посвящено Таирову. Позднее в Италии, в Турине, владелец издательской фирмы Эйнауди показал мне изданную его фирмой книгу о советском театре. В ней вместе со Станиславским, Вахтанговым, Мейерхольдом, Охлопковым и Товстоноговым есть глава и о Таирове. Имя Таирова не забыто и в книгах советских историков. Без Камерного театра, его создателя Александра Яковлевича Таирова история советского театра была бы неполной.

А. Г. Коонен и А. Я. Таиров. Фото Б. Фабисовича.

На раскопках городища Афрасиаб. У горизонта виднеются силуэты древних памятников Биби-Ханым, Регистана...

ПОСТУПЬ В

Вслушайтесь в эти названия: они звучат, как музыка. Шахи-Зинда, Биби-Ханым, Гур-Эмир, Регистан. Прославленные творения старинных зодчих ныне известны всему миру.

И вот еще одно: Афрасиаб. Около двух с половиной тысячелетий назад на обширной возвышенности к северу от нынешнего Самарканда высились дворцы, храмы, дома. Здесь находилась столица Согда. По словам древних историков, она была подобна раю.

Орды Чингисхана разрушили город. Стерлась с веками и память о нем. Но сохранилась легенда о могущественном царе Афрасиабе, который когда-то, в незапамятные времена, заложил здесь свою резиденцию.

В прошлом году на городище Афрасиаб узбекские ученые сделали открытие, которое по праву позволяет назвать это городище сокровищем мировой цивилизации. Здесь обнаружены настенные росписи древних мастеров. Росписи, изумительные по красоте. Им тринадцать столетий, но живопись и до сих пор сохранила яркость красок. Руководит раскопками член-корреспондент Узбекской Академии наук В. А. Шишкин.

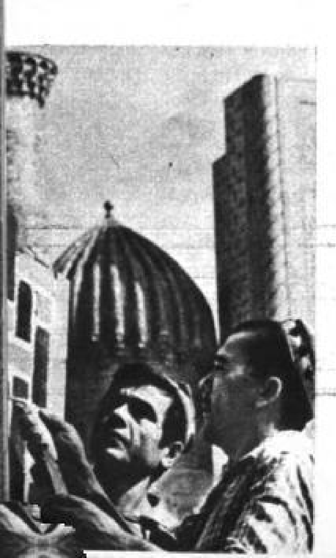
В начале октября место раскопок посетили журналисты Советского Союза, США, Канады, Швеции, Японии, Югославии, Чехословакии. Корреспонденты осмотрели гениальные памятники древности, которыми так богат Самарканд, ознакомились с научными работами, проводимыми археологами. А потом в актовом зале Самаркандского университета была устроена пресс-конференция. Ее участники с большим интересом выслушали президента Узбекской Академии наук А. Садыкова и первого заместителя министра культуры УзССР С. Камаледдинова.

Открывая пресс-конференцию, президент Академии наук Узбекской ССР Абид Садыков сказал:

— Нам дороги памятники древней культуры, служащие связью между настоящим и прошлым. Правительство Узбекистана проявляет о них всемерную заботу. Проводятся большие реставрационные работы, организуются археологические экспедиции...

О том, как велика забота узбекского правительства и ученых об охране древних памятников, свидетельствует множество фактов. Возьмем хотя бы несколько примеров.

В Самарканде реставраторы совершили поистине подвиг: выпря-

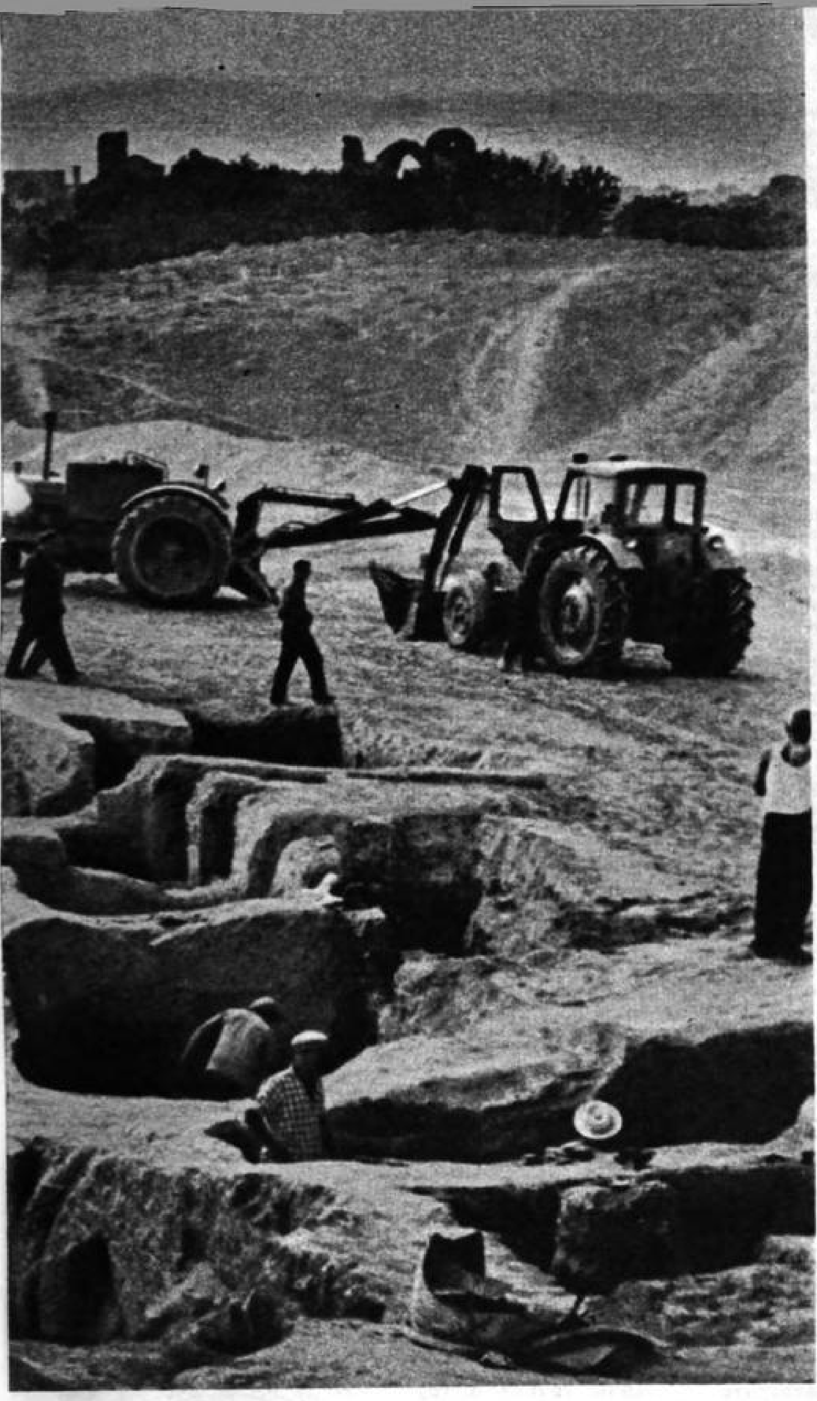

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

ЕКОВ

мили минарет медресе Улуг-Бека, входящий в сказочно прекрасный архитектурный комплекс Регистан. В том же году совершены интереснейшие работы по подготовке консервации Биби-Ханым.

А вот и еще пример. В июле нынешнего года ЦК Компартии Узбекистана и правительство республики приняли специальное постановление об усилении научной работы по исследованию Афрасиаба. Городище объявлено государственным археологическим заповедником. В Самарканде создан археологический отдел Института истории и археологии Узбекской Академии наук. Здесь же открылся второй в стране архитектурно-строительный институт. Пятьсот студентов начали занятия в вузе, который будет выпускать и специалистов-реставраторов. Редакция «Огонька» с радостью сообщает читателям об этих событиях. Ведь журнал в этом году дважды публиковал очерки о судьбе архитектурных сокровищ Самарканда (№№ 29 и 31). В ближайшее время «Огонек» предполагает рассказать о древних памятниках Бухары и Хивы и о тех усилиях, которые предпринимаются по охране и реставрации этих шедевров.

Регистан. Мастера-реставраторы Таир Джалалов и Урун Маматкулов.

Советские и иностранные журналисты осматривают ансамбль Шахи-Зинда.

Биби-Ханым. Сейчас здесь ведутся работы по консервации памятника.

В Самаркандском университете были показаны находки, сделанные на раскопках Афрасиаба.

Член-корреспондент Академии наук Узбекской ССР В. А. Шишкин.

Лев САМОЙЛОВ, Михаил ВИРТ

ГЛАВА 13
И ПОСЛЕДНЯЯ

Три дня подполковник Гончаров и старший лейтенант Загоруйко почти не появлялись в управлении. Если бы им довелось вычертить схему своих трехдневных странствий, она получилась бы чертовски запутанной, а пояснительные объяснения к ней выглядели бы примерно так:

Марина Мухина и драгоценности.
Пивной бар.
Соседка Луневых. Неоценимая помощница.
Материалы с юга.
Алиби Лаше.
От перемены мест слагаемых сумма... изменилась.

Рано утром четвертого дня подполковник вызвал Загоруйко, приказал ему ехать к Якову Васильевичу Луханцеву и привезти того в управление.

— Скажешь, что приглашает Федор Гончаров. Мы с ним старые знакомые, не раз встречались. Будет говорить, что приедет позднее, что, мол, болен, ждет врача и всякое другое,— упрись. Скажи, приказ есть приказ, а подполковник такой человек: не выполню, со света сживет. Объясни, что, после того как в прокуратуре побывал Рем Лаше, необходимо уточнить некоторые детали и что без него мы как без рук.

В одиннадцать часов оперативная «Волга» ушла на задание, а Федор Георгиевич, усевшись за свой стол, начал перечитывать последние документы по делу Мухина. Таких документов было два. Начальник управления охраны общественного порядка сообщал с далекого юга подробные данные о Реме Лаше. Две недели назад мать Лаше, бомбардируемая телеграммами сына — «Немедленно шли деньги»,— отправила в Москву «своему мальчику» нитку жемчуга, который берегла на черный день.

Значит, здесь все оказалось в порядке.

Вторым документом, полученным несколько дней назад, подполковник ставился в известность о том, что интересующий его человек в воскресенье, в день убийства Мухина, сразу же после окончания рысистых испытаний, с компанией завсегдатаев ипподрома находился в ресторане «Бега» до его закрытия.

Это донесение Федор Георгиевич вновь перечел с явным удовольствием.

Теперь можно было подытожить результаты оперативных странствий. Они начались с посещения Загоруйко Ново-Ладыженского переулка. Марина Мухина не ожидала столь раннего визитера. Она была еще в халатике, непричесанная. До начала рабочего дня оставалось без малого два часа. Старшего лейтенанта Марина встретила холодно. Сдержанно ответила на приветствие и с неохотой пропустила в комнату, где царил беспорядок.

Загоруйко пробыл у Мухиной не более часа. Его интересовали вопросы, вначале вызвавшие недоумение, испуг, растерянность у молодой хозяйки. К примеру, вопрос о побочных доходах покойного отца. Конечно, кое о чем Марина догадывалась, а как же иначе: жить вместе и не знать! К тому же в редкие минуты откровенности Семен Федотыч поговаривал, что его Мариша — богатая невеста, но дальше подобных разговоров не шло. Попытки дочери разузнать побольше отец обрывал кратким: «Не суйся! Не твоего ума дело!» В сберегательной кассе на предъявителя и на ее имя Семеном Федотычем были положены немалые суммы. Об этом Марина узнала только сейчас, роясь в бумагах отца. Узнала и вознесла благодарственную молитву господу-богу за заботу о себе покойного папаши.

Исчезнувшая шкатулка, о которой в свое время она сообщила старшему лейтенанту, так и не была найдена. Марина по просьбе Загоруйко очень обстоятельно и толково рассказала, что находилось в шкатулке, какой формы и с какими камешками были исчезнувшие кольца.

Прощаясь с утренним гостем, Марина между прочим поинтересовалась:

— Вот вы говорите, что настоящего убийцу ищете. Значит, этот, как его... Зотов не виноват? — Спросила безразлично, будто о постороннем человеке.

— Выходит, что не виноват,— плохо сдерживая обиду, буркнул в ответ Загоруйко. Ему не хотелось распространяться на эту тему.

Виктор Лунев в Москву еще не вернулся. Дверь открыла соседка, пожилая женщина. Торопливо вытирая о фартук руки, она встретила Федора Георгиевича как старого знакомого.

— Проходите, пожалуйста. А я-то думаю, тревожусь, куда это запропастились. Просьбу вашу я еще тогда выполнила.

— Спасибо, Елена Николаевна, спасибо, дорогая.— Гончаров крепко жал влажную руку.

А просьба подполковника оказалась не из легких. После того как был задержан и доставлен на Петровку, 38, Виктор Лунев и сразу же, на первом же допросе, обо всем рассказал, Гончарова поразила одна явная несуразность. С какой стати, подумал он, Лаше посоветовал парню на следующее утро навестить старика Мухина и выпросить у того еще десятку? С какой стати преступник (а тогда подполковник не сомневался, что им является Лаше) вторично посылал на место преступления, по существу, стороннего человека? Ведь этот человек мог стать и в конечном счете стал опасным свидетелем. И Гончаров напряженно искал объяснения этой вопиющей несуразности. Искал и нашел. Убийство Мухина заранее не готовилось. Решение убить возникло у преступника стихийно, в силу каких-то внезапно пришедших причин и обстоятельств. А коли так, то явилось вполне логичным и желание убийцы предотвратить второе посещение Луневым квартиры Мухина. Каким образом? Очень просто. Сразу же после совершения преступления прийти домой к Луневу и любым способом воспрепятствовать его поездке в Ново-Ладыженский. Но Виктор в ту ночь дома не ночевал, поехал к сестре. Кто знает, может, в этом заключалось даже его спасение?

Итак, преступник торопится к Луневу. Естественно, что сам он в квартиру к нему не пойдет, а кого-то попросит, чтобы вызвали парня. Кого? С этим вопросом несколько дней назад и обратился Федор Георгиевич к соседке Луневых Елене Николаевне.

Женщина выполнила задание.

Да, в тот самый вечер Виктора спрашивал какой-то неизвестный мужчина. Мужчина зашел во двор дома и обратился с просьбой к одному из «забивальщиков козла», сражавшихся при свете керосиновой лампы, вызвать Лунева. Узнав, что Виктора дома нет, мужчина извинился и ушел. Каков он с виду? И об этом Елена Николаевна дала точную информацию.

Так был снят еще один вопросительный знак.

Дважды за эти дни Гончаров побывал в пивном баре. Первый раз зашел, огляделся, постоял за столиком, не торопясь выпил кружку пива, умело расправился с воблой и ушел, вроде ничего не добившись.

Второй раз задержался дольше. Малозначительный разговор о том о сем перевел на интересующих его людей. Стал расспрашивать о Якове Васильевиче, о Лаше. О Якове посетители отзывались с почтением: щедр, обходителен. Лаше никто не знал.

Уходя, Федор Георгиевич коротно побеседовал с тетей Феней и, пожалуй, единственного, кого не удостоил вниманием, так это буфетчика. Даже не взглянул в сторону Александра Степановича, будто не человек за прилавком, а так, тень, пустое место.

Оперативные странствия закончились утром в воскресенье визитом на ипподром. К тому времени Федор Георгиевич располагал данными, где открыл свой, частный «филиал» кассы букмекер Яков Луханцев. Подполковник знал также, что сегодня на бегах Пузача не будет.

Федор Георгиевич расположился ближе к проходу и у словоохотливых соседей выяснил, что за последнее время Луханцеву не везло, что сам он играл очень крупно и «горел» почти в каждом заезде. Здешние старожилы хорошо знали и Лаше.

— Это студентик-то? Азартный, чертяка, да своих денег нет, все от Яшки кормится! — Так характеризовал Рема розовощекий старик, сидевший рядом с Гончаровым.

— Дело близится к развязке, Николай Петрович,— сказал Гончаров сидевшему неподалеку от письменного стола Куликову,— Яков Луханцев доставлен сюда.

— У меня к вам просьба, Федор Георгиевич: проведите вы первый допрос. Даже не допрос, а разговор. Рассчитывать на быстрое признание Луханцева не приходится. Мне хотелось бы присмотреться к нему.

Яков Васильевич вошел в кабинет подполковника милиции, держа в руке небольшой кулек.

— Здравствуйте, Федор Георгиевич.— Он чинно поклонился и подошел ближе.

— Присаживайтесь, Яков Васильевич.— Гончаров не поднялся навстречу, а сидя показал на стул.— Идите, товарищ старший лейтенант.— И он сделал Загоруйко неприметный, условный жест: держитесь, мол, поблизости, можете понадобиться...

Яков Васильевич положил кулек на край стола и пояснил:

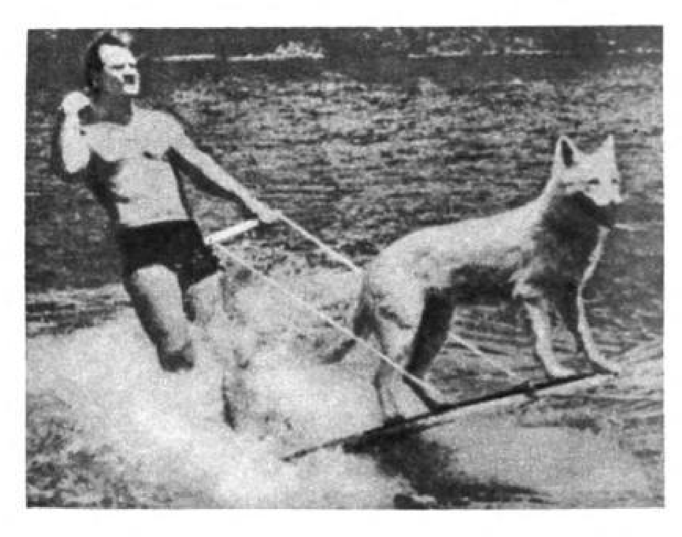
— Симочка прислала. Домашние соления.

Окончание. См. «Огонек» №№ 36—40.

ВСЕГДА ВМЕСТЕ

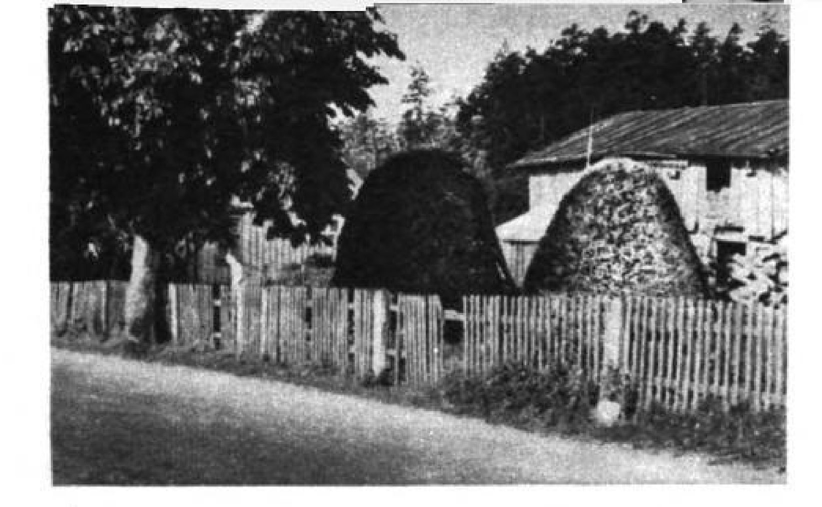
Американец А. Юзефски и его пес Джек всегда купались вместе. Но однажды А. Юзефски решил освоить водные лыжи. Теперь Джеку угнаться за ним было невозможно. Пришлось и его приобщить к увлекательному спорту. За два года он сделал такие успехи, что выдерживает любую скорость.

ПОСЛЕДНИЙ СТОРОЖ

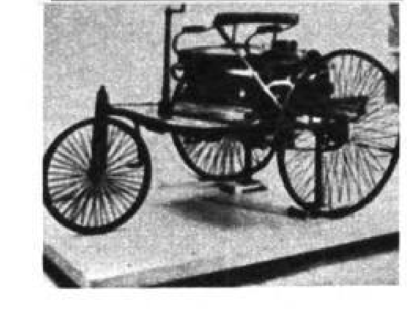
Элеонора Штубикс из австрийского городка Брукна-Лейте — последний в Европе страж, который, как и в средние века, продолжает нести свою службу на городской сторожевой башне. Элеонора днем три раза бьет в башенный колокол, а вечером трубит в трубу, отправляя своих сограждан спать. Башня, на которой работает Элеонора, построена в XIV веке.

ДЕРЕВЯННЫЙ СТОГ

В рыбачьем поселке Нидаранте, который незаметной точкой указан на Курской косе у самой границы на Балтике, местные жители складывают дрова в стога. Искусство это унаследовано литовцами от далеких предков.

Фото А. Михалкова.

ПЕРВЫЙ АВТОМОБИЛЬ

Вот так выглядит первый в мире моторный автомобиль, построенный фирмой «Бенц» в 1885 году. Этот интересный экспонат находится в Дрезденском музее транспорта.

СЧАСТЛИВО ОТДЕЛАЛСЯ

Недавно жители австралийского города Сиднея были весьма заинтригованы необычными звуками, исходившими из водосточной трубы одного из домов. Сотрудники скорой технической помощи, прорезав в трубе отверстие, обнаружили в ней котенка, который, вероятно, попал туда, поскользнувшись во время прогулки по крыше. Несмотря на то, что падение произошло с высоты 16 метров, котенок, как говорится, отделался легким испугом.

ВОТ В ЧЕМ ДЕЛО!..

Во многих странах в настоящее время имеются целые женские полицейские отряды, но только в Швеции есть женщины — регулировщицы уличного движения. Префект парижской полиции так прокомментировал этот вопрос: «Не знаю, что собой представляют шведки, а мы, парижане, удостоверились, что эта работа не для француженок. И у нас были женщины-регулировщицы, но пришлось от них отказаться: девушка-регулировщица так засмотрелась на шляпку одной женщины-водителя, что застопорила все движение».

И итальянской полиции пришлось уволить единственную регулировщицу, но по иной причине: она была так красива, что возле нее постоянно останавливались и прохожие и водители, чтобы полюбоваться ее стройной фигурой в белом мундире, а это мешало движению.

ШИФРОВАННЫЕ РАЗГОВОРЫ

В США выпущены специальные приставки к трубкам телефонных аппаратов, препятствующие подслушиванию разговоров. Приставка превращает голос говорящего в хаотичные звуки, которые могут трансформироваться в членораздельную речь только в том случае, если собеседник на другом конце провода обладает такой же приставкой, настроенной на определенный шифр.

ПЕС-РАБОТЯГА

Этот дог выступает в английских телевизионных фильмах, зарабатывая на содержание своему хозяину и его маленькой собачке, которую бережно носит во время прогулок в корзинке.

Много хорошего о вас она от меня наслушалась.

— Когда это вы успели семьей обзавестись? — недоверчиво спросил Гончаров.— Вы же принципиальный холостяк, все больше по молодым да по новеньким...

— Было, да сплыло,— вздохнул Яков Васильевич.— Кто в молодости не пошаливал! А жениться я действительно не успел. Есть одна на примете, Симочка, вдова, живет неподалеку. Мы с ней пока что по-граждански. Приглядываемся друг к другу. Люди немолодые, привыкнуть надо.

— Привыкнуть надо, это верно,— согласился Гончаров.— Вот я уж на что к вашему брату привык, а тоже иногда диву даюсь, до чего же многие из вас любят разные фортели.

— Это точно, пошаливают ребята,— сочувственно поддержал Яков Васильевич.— Непонятно, чего людям надо. Неужели колонии и пересылки не надоели! Лично я, Федор Георгиевич, завязал. Возраст не тот, здоровье сдало. Теперь на ночь Шарко принимаю. Сами знаете, какая жизнь за плечами...

— Бурная жизнь, ничего не скажешь,— поддержал Гончаров и продекламировал: — «А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой...»

— Михаил Юрьевич Лермонтов. Гениальный русский поэт, ниспровергатель...— с почтением произнес Яков Васильевич.

— Литературой увлекаетесь? — полюбопытствовал Гончаров.

— Почитываю малость. В наше время без этого нельзя, Федор Георгиевич.

— Небось, детективы главным образом?

— Не уважаю. Исторические люблю. Мемуары тоже.

— Жаль, а то я хотел вам одну невыдуманную детективную историю рассказать. Может, когда в мемуарах опишете.

— Веселый вы сегодня, Федор Георгиевич, разговорчивый,— ощерился в улыбке Яков Васильевич.— К добру ли?

— Думаю, что нет,— вздохнул Гончаров,— да и о каком добре может идти разговор с убийцей, который к тому же свою вину на невинного свалить хочет!

— Что-то перестал я вас понимать, Федор Георгиевич. Раньше вы вроде яснее выражались.

— Раньше и ты яснее был, Пузач,— резко переменил манеру разговора Гончаров.— Ведь вот весь как на ладошке был.— Он похлопал рукой по пухлой папке, лежащей на столе.— Яков Луханцев, он же Пузач, Бочонок, Котел, первоклассный мошенник, мастер аферы, в более позднее время букмекер и карточный шулер. Классическая биография, что называется, без единого пятнышка, а теперь...

— Что теперь? — огрызнулся Луханцев.— Каким я был, таким остался, гражданин начальник.

— Зачем, Яков, клевету на себя возводишь? — обиделся Гончаров.— Не могу я поверить, что в прошлом у тебя были дела вроде мухинского.

— Мухин? Из Ново-Ладыженского? Старый знакомый. Только невдомек мне, я-то при чем?

— Худо, Яков. Ведь придется тебе сразу за два тягчайших отвечать: и за «мокрое» дело и за то, что другому его пришиваешь.

На крутом, чуть срезанном кверху лбу Пузача набухали жилы, шея медленно и тяжко наливалась кровью. Сейчас он действительно напоминал котел, клокочущий, готовый взорваться. Встав со стула, хриплым от сдерживаемой ярости голосом он скорее прошептал, чем проговорил:

— Ай да Федор Георгиевич! Здорово получается! Значит, срочненько понадобилось дело закрыть, галочку поставить. Значит, настоящий утек, замел следы, а замаранный Яшка на свободе, значит, ему и шьют. Не по-партейному получается.

— Ты партию оставь,— спокойно и тоже негромко сказал Гончаров,— не юродствуй. Сам знаешь, у меня не пройдет. Если хочешь слушать, сиди смирно. Я же тебе посулился детективную историю рассказать. Слушай внимательно и вникай. В прошлом у тебя четыре судимости, тут и воровство и мошенничество, но убийства не было. После отбытия последнего срока ты малость притих. Не то чтобы за ум взялся, нет, на том же уголовном поприще работенку почище выбрал. В картишки наверняка поигрывал, букмекерством занимался. Мы терпеливо наблюдали за тобой, но не учли одного, что позарез тебе помощник нужен, чтобы в случае какого завала мог прийти на помощь, выручить от мордобоя, поножовщины, ведь так у вас испокон веков водится.

Нашел ты такого человека, с виду тигренка неприрученного, глаза таращит, сам за нож хватается. А главное, по всем статьям подходит: тунеядец, лодырь, до легкой жизни охочий, игрок и в жизни недурной актер. Все соответствовало. И началась парная езда. Луханцев людей охмурял, Лаше его из беды выгораживал. Получал за это от тебя немало и стал вроде цепного пса. Так вот, однажды Яков Луханцев потерпел крепкий финансовый урон: то ли на бегах, то ли в карты более опытный мо-

шенник тебя обыграл. Возможно, то и другое. В общем, понадобились деньги, и немалые. Как быть? Вспомнилась давняя связь со старым скупщиком и ростовщиком Семеном Мухиным. Но Мухин — жох! Деньги за так ни за что не одолжит. Мухин мог или купить что, или под какую ценность кредитовать. А где взять эту ценность? Домашние соления под залог не понесешь. Выручил Лаше.

Прислала ему мать недорогую вещичку — нитку третьестепенного жемчуга,— да продать некому, потому как ерунда, а не вещь. Взял Луханцев эту безделушку, но сам к Мухину не пошел, давненько с ним не встречался, для зондажа к старику дружка своего по пивному бару послал — Виктора Лунева. Кто знает, может, свел Луханцев с Луневым знакомство и для дальнего прицела. Может, ему еще один помощничек понадобился, чего не знаю, того не знаю. А для того, чтобы побольше страха да таинственности на парня нагнать, он его познакомил со своим подручным Ремом Лаше.

Своими повадками да намеками Рем напугал Виктора, но, когда парень передал Мухину, чтобы тот ждал Лаше с жемчугом, старик ничего не понял. Лаше он не знал, не ведал, зато Якова Васильевича хорошо помнил. И это, пожалуй, был твой первый просчет, Пузач. Первый, но не последний.

К Мухину вечером пришел ты, Яков, собственной персоной. Соседка отсутствовала, в церкви молилась, открыл старик. Когда зашел разговор о жемчуге и Мухин увидел, что ему принесли, да еще такую цену заломили, рассвирепел он. Кто-кто, а старый оценщик знал настоящую цену. Разъярясь, он вытащил шкатулку и показал тебе стоящие вещи. Однако разговор пришлось прервать: в дверь бешено заколотил Андрей Зотов — приятель молодой Мухиной. Ты, Яков, спрятался за шкаф, возле окна и даже чуть отодвинул его — как-никак мужик ты тучный,—а старик в это время спрятал шкатулку.

Ты лучше меня знаешь, о чем шел разговор между влюбленным парнем и рассерженным стариком. Видимо, в эти секунды и родилось у тебя намерение убить хозяина. И ты выполнил его очень просто.

После бегства Зотова из комнаты, когда Мухин еще не совсем пришел в себя, ты выбрался из своего укрытия, схватил со стола тяжелое пресс-папье и размозжил старику голову. Потом оттащил труп от окна, чтобы не мешал тебе, схватил шкатулку, открыл окно и прыгнул в сад. В ту пору шел дождь.

Так все и произошло. Рассчитал ты точно. Все подозрения пали на Зотова. Наверное, помянул ты в тот вечер недобрым словом своего Рема за то, что посоветовал он Луневу заглянуть еще раз к старику Мухину за десяткой. Визит этот надо было предотвратить, да ничего не вышло: не ночевал дома Лунев.

А дальше все шло как по нотам. Записочку в милицию от неизвестной женщины писал ты, Яков Васильевич, левой рукой писал, и пресс-папье в урну на углу переулка тоже ты подкинул. Казалось, полный ажур, но так только казалось. И с Витькой Луневым просчитался, думал, купил парня за обед в «Чайке» да за посулы на будущее, а паренек-то честным оказался, хотя и нескладную жизнь вел. И вот когда ты увидел, что тобой построенное здание зашаталось, решил ты его новым бревнышком подпереть. Напарника своего, цепного пса, в прокуратуру послал. Ход не столько смелый, сколько нахальный. Ничего не скажешь, вышколил ты Рема здорово, закупил его всего с потрохами, хотя в данном случае он мало что терял. У него надежное алиби было. Ведь в тот самый воскресный вечер, когда был убит Мухин, он до закрытия в ресторане «Бега» находился.

Федор Георгиевич устал. Он не любил и не умел много говорить. Сейчас он затянул свой монолог, потому что хотел ударить сразу, обезоружить, смять сидевшего перед ним врага, хитрого, изворотливого, беспощадного. Помолчав, подполковник как бы подытожил:

— Ничто тебя не исправило, Пузач. И как только тебя земля носит! Мало того, что ради денег ты дружка убил, с которым в прошлом немало дел провернул, ты еще напраслину на незнакомого человека возвел. Что же, сам себе приговор составил. Составил и расписался.

— Ложь все, сочинительство,— неожиданно спокойным басом отозвался Пузач и скривил в усмешке губы.— Ничего не скажешь, здорово подогнано. Да ведь доказать надо. А я не такой, чтобы в руки даться. Не... я тертый, обкатанный. Я сегодня же заявленьице прокурору, так, мол, и так, напраслину возвели. Ишь вы, все доказано, а шкатулка где? Шкатулочка та самая? А без шкатулки, гражданин начальничек, не дело стряпаете, а, извиняюсь, мыльный пузырь с запахом липы выдуваете.

— Ладно, Луханцев, я свое сказал,— оборвал Гончаров.— С ходу на твое признание я и не рассчитывал. Не такой ты человек. Но запомни: чем быстрее и откровеннее ты во всем сознаешься... В общем, сам понимаешь. А шкатулка? Что же, и шкатулка и все, что в ней находится и не находится, все найдем, когда понадобится. Подумай, Луханцев.

— У вас есть вопросы, Николай Петрович?— обратился подполковник к Куликову.

— Пока нет.

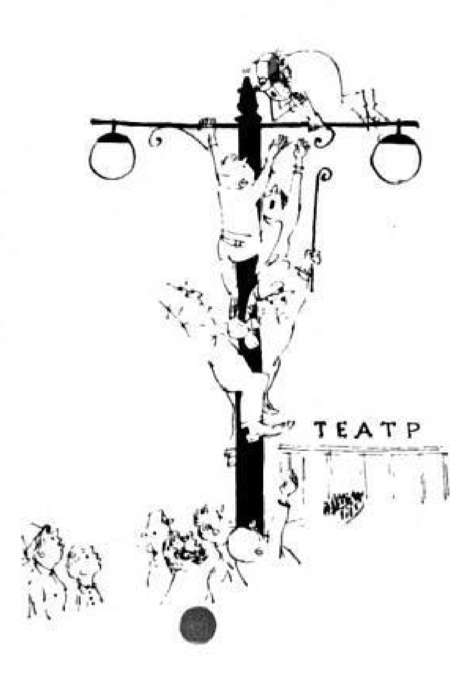
Когда Якова Луханцева увели, Федор Георгиевич осведомился по телефону, может ли его принять комиссар милиции. Получив утвердительный ответ, он вытащил из ящика стола ранее заготовленный рапорт о вынесении благодарности гвардии старшине, кавалеру ордена Славы, находящемуся в запасе Александру Степановичу Скворцову.

— Прости меня, родной, ведь и у солнца бывают вспышки.

— И зачем папа сказал, что у него есть лишний билет...

Рисунки В. Воеводина.

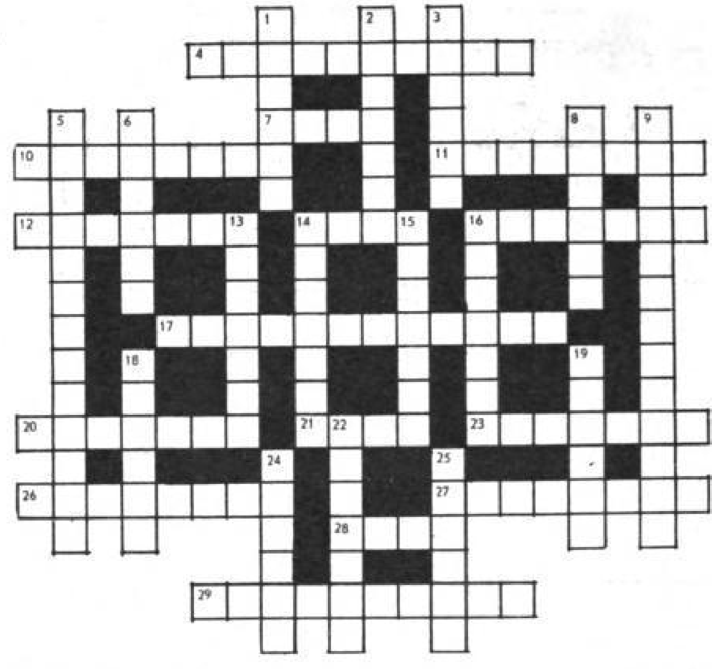
Гость из Польши

Недавно в городах Сибири побывал наш гость из Польши — поэт и переводчик, член Общества польско-советской дружбы Георгий Соргонин. Русский по происхождению, уроженец Иркутска, он многое сделал для того, чтобы польская поэзия зазвучала на русском языке. В его переводах печатались стихи Асныка, Тувима, Броневского, Стаффа и Карского.

Георгий Соргонин — автор многих поэтических сборников — «Северное», «Весна в декабре», «Стихи о Польше».

Сибирь произвела на поэта огромное впечатление. В Иркутске и Новосибирске он встретился с писателями, студентами и рабочими, рассказал им о народной Польше, познакомил с творчеством современных польских поэтов.

Поездка по Советскому Союзу, как сказал поэт, несомненно, скажется на его творческих планах.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Город в Индии. 7. Приток Тобола. 10. Импровизированное музыкальное произведение. 11. Русский электротехник. 12. Громкоговоритель. 14. Лестница на корабле. 16. Художественный прием. 17. Остров у берегов Северной Америки. 20. Сценическая площадка для концертов. 21. Поэт-певец и музыкант у кавказских народов. 23. Народный писатель Эстонии. 26. Река в Румынии. 27. Металл. 28. Порт на Дону. 29. Птица отряда дятловых.

По вертикали:

1. Персонаж балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро». 2. Смычковый инструмент, распространенный на Кавказе. 3. Мягкая кожа. 5. Русский хирург. 6. Деталь очков. 8. Заячья капуста. 9. Высшее учебное заведение. 13. Рыба отряда сельдеобразных. 14. Картина М. Б. Грекова. 15. Часть речи. 16. Длинный балкон вдоль здания. 18. Старинный экипаж. 19. Обезьяна. 22. Автор оперы «Укрощение строптивой». 24. Листовой древесный материал. 25. Штат в США.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

По горизонтали:

5. Достоевский. 6. Гринда. 7. Рефрен. 10. Блузка. 12. Вишня. 13. «Фараон». 17. Окарина. 18. Форинт. 19. Латунь. 20. Острава. 23. «Родина». 25. Друть. 26. Лайнер. 27. Урарту. 28. Аренга. 29. Поликлиника.

По вертикали:

1. Хроника. 2. Эпиграф. 3. Потанина. 4. Кваренги. 8. Буффонада. 9. «Задонщина». 11. Капитан. 14. Арктика. 15. Лоток. 16. Калан. 21. Тиркушка. 22. Антрацит. 24. Алаколь. 26. Ленский.

На первой странице обложки: Блестящих успехов добилась 17-летняя ленинградская студентка Наташа Кучинская на чемпионате мира в Дортмунде.

Фото Л. Бородулина.

На последней странице обложки: Этих красавцев — хохлатых пингвинов привезли китобои флотилии «Юрий Долгорукий». Проходя мимо острова Гоф, плавбаза приняла на борт 30 «пассажиров». Ныне пингвины получили новую прописку — в Калининградском зоопарке, где им отвели один из самых красивых и тенистых прудов.

Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. **Оформление А. КОВАЛЕВА.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10722. Подписано к печати 5/X 1966 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 7,0.
Тираж 1 990 000. Изд. № 1725. Заказ № 2661.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ «ОГОНЕК» НА 1967 ГОД

С. Н. Сергеев-Ценский

С. Н. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ В 12 ТОМАХ:

ТОМ I
Роман «Бабаев»; рассказы и повести 1902—1909 годов — «Счастье», «Бред», «Убийство», «Лесная топь», «Печаль полей» и другие произведения этих лет.

ТОМ II
Повести «Движения», «Медвежонок», «Лерик»; рассказы «Улыбки», «Неторопливое солнце», «Недра», «Аракуш» и другие произведения 1909—1926 годов.

ТОМ III
Рассказы «Живая вода», «Верховод», «Старый полоз», «Мелкий собственник», «Сливы, вишни, черешни», «Стремительное шоссе» и другие произведения 1927—1932 годов.

ТОМ IV
Повести «Маяк в тумане», «Флот и крепость», «Синопский бой»; рассказы 1933—1944 годов; «Моя переписка и знакомство с А. М. Горьким»; первая и вторая части эпопеи «Севастопольская страда».

ТОМ V
«Севастопольская страда», части III и IV.

ТОМ VI
«Севастопольская страда», части V и VI.

ТОМ VII
«Севастопольская страда», части VII и VIII.

ТОМ VIII
«Севастопольская страда», часть IX, эпилог.
«Преображение России» — «Валя».

ТОМ IX
«Преображение России» — «Обреченные на гибель», «Преображение человека».

ТОМ X
«Преображение России» — «Пристав Дерябин», «Пушки выдвигают», «Пушки заговорили», «Утренний взрыв».

ТОМ XI
«Преображение России» — «Зауряд-полк», «Лютая зима», «Бурная весна», «Горячее лето».

ТОМ XII
«Преображение России» — «Ленин в августе 1914 года», «Капитан Коняев», «Львы и солнце», «Весна в Крыму», «Искать, всегда искать!», «Свидание».

В. А. Гиляровский

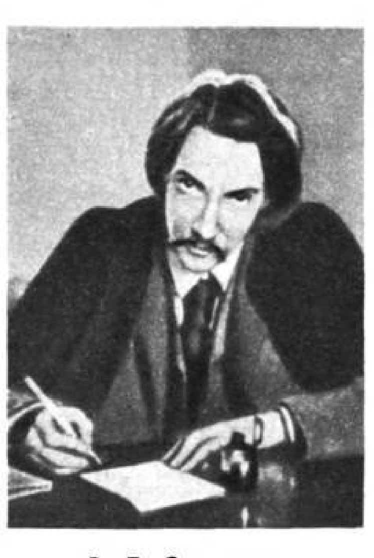
В. А. ГИЛЯРОВСКИЙ В 4 ТОМАХ:

ТОМ I
«Мои скитания»; «Люди театра».

ТОМ II
«Трущобные люди»; рассказы и очерки.

ТОМ III
«Москва газетная»; «Друзья и встречи».

ТОМ IV
«Москва и москвичи».

Р. Л. Стивенсон

Р. Л. СТИВЕНСОН В 5 ТОМАХ:

ТОМ I
Очерки «Путешествие внутрь страны»; повести и рассказы из цикла «Новые арабские ночи»: «Алмаз раджи», «Дом в дюнах», «Ночлег»; роман «Остров сокровищ»; повесть «Необычайная история с доктором Джекилем и мистером Хайдом».

ТОМ II
Романы «Черная стрела», «Владетель Баллантрэ».

ТОМ III
Романы «Похищенный», «Катриона».

ТОМ IV
Роман «Потерпевшие кораблекрушение».

ТОМ V
Роман «Сент-Ив»; стихи, статьи, письма.

Остап Вишня

ОСТАП ВИШНЯ В 3 ТОМАХ:

ТОМ I
Сатира, юмор 1920—1930 годов.

ТОМ II
Юморески, фельетоны военных лет, сатирические произведения послевоенного периода (сороковые — пятидесятые годы).

ТОМ III
Охотничьи рассказы, дневники, публицистика, сатира, воспоминания; цикл «Думы».

52 КНИЖКИ «БИБЛИОТЕКИ «ОГОНЕК» СОВЕТСКИХ И ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Подписка на журнал «Огонек» и литературные приложения к нему принимается в городских отделениях «Союзпечати», конторах и отделениях связи, а также уполномоченными на заводах и фабриках, шахтах, промыслах, стройках, в колхозах и совхозах, РТС, учебных заведениях и учреждениях.

Редакция журнала «Огонек» и издательство «Правда» подписку не производят.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663